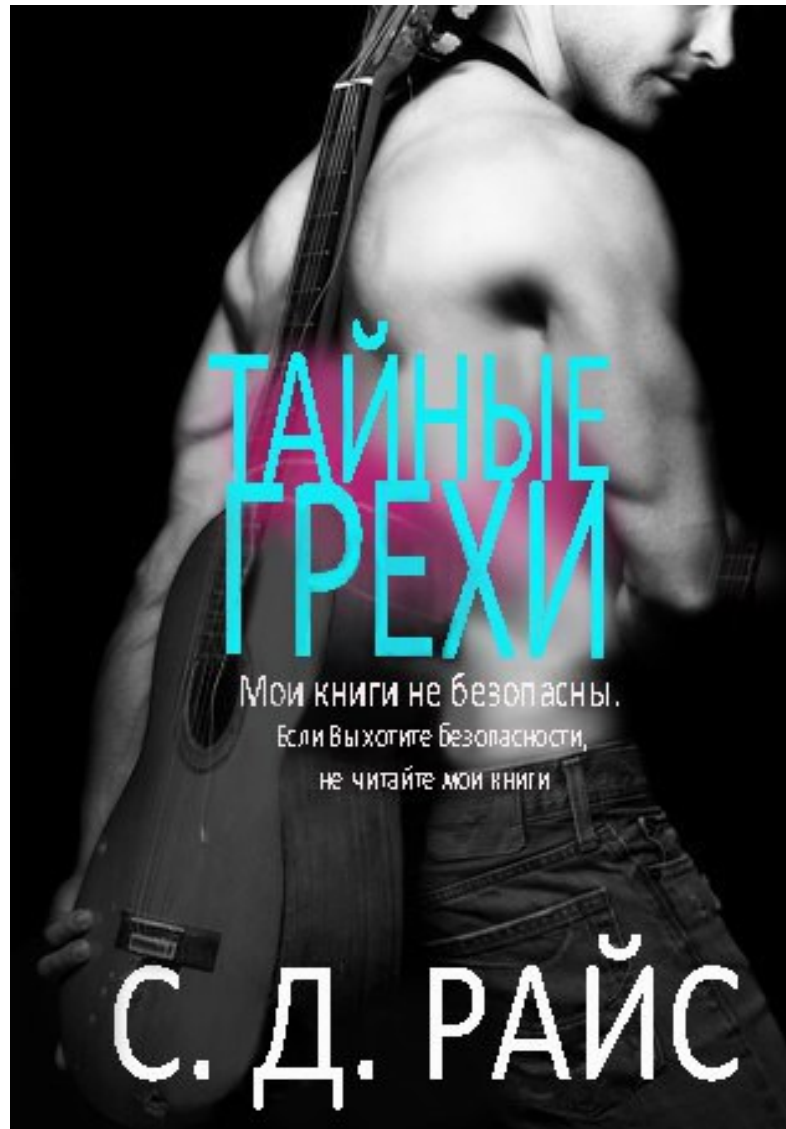

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

С. Д. Райс

"Тайные грехи"

Серия: вне серии

Автор: С. Д. Райс

Название на русском: Тайные грехи

Серия: вне серии

Перевод: [Afortoff](#)

Редактор: [Таня Фрэшка](#)

Вычитка: Eva_Ber

Обложка: [Таня Медведева](#)

Оформление:

Eva_Ber

Переведено группой <https://vk.com/lovebookstranslate>

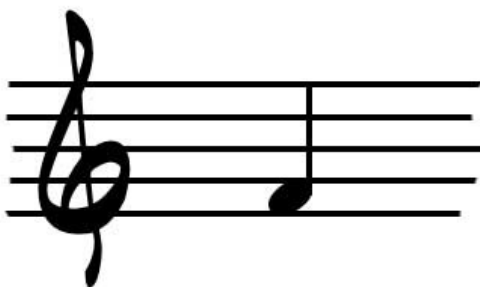
Аннотация

Её зовут Синнамон или коротко Син. Музыканты группы Стрэт и Инди не знают о ней ничего, кроме того, что она чертовски умна и сексуальна как небеса. Не в силах прийти к согласию, кому же она достанется, они делают то, что сделали бы друзья: парни объявляют ее под запретом для обоих.

Марджи, также известная, как Синнамон-вы-можете-называть-меня-Син, хочет кое-что сказать этим парням, а именно...

Никто не "получит" её. Син сама даст им знать, кого она хочет, когда выберет между ними. До тех пор, их маленькие обязательства и обещания — не её проблема.

Семья, друзья — её проблема. И всемирно известный блюз-рок музыкант, который загнал её в угол — также её проблема. Похоже, он единственный, с кем она не сможет справиться сама.

Глава 1

1982 год

— В любом случае, сколько тебе лет? — парень, который спрашивал меня, был одет только в шорты и один единственный носок, носил длинные клубнично-красные волосы, и на его адамовом яблоке был набит скрипичный ключ, начинающий нотную симфонию от груди и заканчивающуюся на его прессе. Его звали Стрэт¹, и всякий раз, когда его обнаженный торс появлялся в «Рок Бит»², Линн сходила с ума, пытаясь играть песню, нанесенную на его тело. Это звучало дерьмово.

— Восемнадцать, придурок, — прорычала я, выпуская длинную струю дыма, уничтожая то, что осталось от моей сигареты.

— Ты собираешься поддерживать³, или как?

Он и Инди⁴ давились от смеха. Я видела, как они смотрели друг на друга над своими картами. Они думали, что снимут мой лифчик следующим. Они ошибались. Только две комбинации бьют фуллхаус⁵, и, если у одного из них стрит-флеш⁶ или каре⁷, я была в глубокой заднице.

— Я повышаю⁸, — Стрэт бросил десятку в центр стола.

Мы играли уже четыре часа, с тех пор как Инди встретил меня на пляже. Мы разговорились, и он пригласил меня поиграть в покер. Йони и Линн были уже в номере, надеясь на групповушку, вот почему я оказалась на пляже одна. Но покер? Я могу играть в покер.

Мои друзья не продержались долго. Йони и Линн выбыли, как только закончилась наличные деньги. Угнаться за парой богатых наличкой рокеров, которые не знали, что им делать с их первым куском аванса, было трудно.

Индиана МакКаффри был гитаристом в «Пули и Кровь». Я впервые встретила его на пляже. Я оставалась равнодушной, несмотря на то, что он был абсолютно великолепен и очарователен, но, когда Стрэт вошел в номер гостиницы, меня практически хватил удар. Я была их ярой фанаткой. Я гоняла их дебютный альбом «Убийца Штата Кентукки»

постоянно в течение двух недель, до тех пор, пока отец не забрал у меня кассету. Да и мой кассетный плеер Walkman он тоже забрал. Позже я купила все это снова, но припрятала.

— Поддерживаю, — сказала я, подбрасывая десятку.

Инди сбросил карты, выбыв из игры.

— Вы слишком богаты для меня.

У Инди были выгоревшие на солнце каштановые волосы и рыжая борода, которая спускалась до банданы вокруг его шеи. Он был поджарым и загорелым с головы до ног. Я забрала все его деньги, теперь Стрэт и я были примерно в одинаковом положении. И я собиралась сделать и его.

— Слишком богата и слишком молода, — сказал Стрэт, закидывая арахис в рот.

Линн закашляла на диване и потянулась.

«Боже, не позволяй ей блевануть».

— Я сказала Вам, что мне восемнадцать.

На самом деле я не знаю, упоминала ли я это. Мне не было восемнадцати. Я не буду говорить, была ли я младше или старше. Они могут пойти и выяснить это.

Стрэт засмеялся.

— Флайгелз⁹.

Флайгелс — было довольно обычным способом послать девушку в восьмидесятых, пресекая [расовую принадлежность и географическое положение](#), но мне всё ещё казалось, что это делало меня привлекательной для него. Стрэт, не унывая, жевал арахис, как будто это была пачка жевательной резинки, поглядывая на меня в моем лифчике. Я чувствовала себя голой.

Я была обнажена, но не чувствовала себя такой до тех пор, пока его глаза не проследили вокруг всех изгибов моего тела. Я хотела послать его, но он закончил до того, как я успела психануть.

— Ты говоришь как старуха, — сказал Стрэт. Его взгляд заморозил меня на месте. Внутренняя поверхность бедер стала влажной от удовольствия. — Никогда не слышал, чтобы девушка говорила подобно тебе.

Зеленый цвет глаз редко встречался, но его глаза походили на драгоценный Китайский нефрит.

Он был настолько горяч.

Горячая рок-звезда.

Я вскрывала свои карты, шелкая рубашкой каждой, пока выкладывала их.

— Тузы и семерки. У тебя есть что-нибудь в руке помимо твоего члена?

Инди завопил.

— Она сделала тебя, Стрэтти-бой. Пот¹⁰ и... что у тебя осталось? Штаны и носок, бро. Снимай носок.

Инди был любителем. Он был красивым и искрометным, но не вел себя как двадцатилетний. Он поступал как парни моего возраста, готова поспорить, что мы одногодки.

Восемнадцать.

Да какая разница.

Стрэт не отводил от меня глаз. Даже не взглянул на мой фуллхаус. И не посмотрел вниз, когда положил свои карты на стол. Я не могла пошевелиться в течение слишком долгих секунд. Его взгляд не был просто взглядом. Это была черная дыра. Уверенный и серьезный.

Я оторвала себя от его пристального взгляда и посмотрела на его карты.

Четыре двойки.

Твою мать.

Проигрыш на двойках был оскорбителен.

Стрэт отклонился назад, закручивая песню по всему сексуальному телу. Банк был его, но он не протянул руку за ним. Он только пристально рассматривал меня своими глазами, его рука лежала на спинке стула, колени дерзко разведены, позволяя мне увидеть стояк в его шортах. Я глубоко дышала, но мне все равно не хватало воздуха. Мои легкие сжимались с каждым вздохом.

Инди посмотрел на меня под столом.

— Никаких носков, мужик. Дерьмо. Ты расстроена не так сильно.

Это было выше моих сил. Таким образом, всё кончено. Всё же мне понравилось. Больше, чем просто понравилось, мне было комфортно вне своих рамок. Всё, что включала в себя игра, — переменная удача с картами, хаос, который я устроила, одновременно взволновали и успокоили меня, а также противоречивость, которая сменилась на ощущение комфорта.

Я могла исправить это. Я исправляла всё постоянно. Мои успехи были великолепны. Я была сотрудником по связям в Обществе [суфражисток](#)¹¹. Я руководила школьной сценической командой как военной операцией. Это было слишком легко. Если хочешь омлет, придётся разбить яйца.

Я не говорю, что преследовала музыкантов, стоило только солнцу сесть. Нет. Просто я размышляла, сидя на краю своей кровати, и приняла решение создать беспорядок из моей жизни, для того чтобы исправить его обратно. Понимая, что это не больше чем разбор полётов в понедельник утром.

Я стояла и держала руки за спиной, соединяя лопатки.

Стрэт облизнул губы, его глаза скользнули от моей промежности и остановились на моих глазах. Я смотрела прямо на ублюдка и зацепила застёжку лифчика. Он собирался увидеть мои соски. Соски уже затвердели от его внимания. У меня были довольно неплохие шансы ощутить небольшую влажность между ног, где на мне были шортики из кожаменителя.

— Почему бы тебе не остановиться на минутку? — сказал он.

Я замерла. Я не должна была. Правила есть правила. Лифчик должен слететь. Но парень блестяще изменял правила.

Также я не хотела снимать свой лифчик.

Стрэт наклонился немного вперед. Прядь медных волос соскользнула с его плеча и упала на щеку.

— Что? — спросила я. — Испугался небольших сисек?

— Кто ты? — спросил он.

— Синнамон, — я слегка дернула головой, и мои собственные рыжие волосы закрыли мне глаза. — Но вы можете называть меня Син¹².

— Ага. Нет. Ты была на прошлой неделе за кулисами от административного управления. Также я знаю, что ты не трахалась с Хервом Лундреном, чтобы там оказаться. Затем ты и твоя подруга появляетесь в тех местах, где вас не должно быть. На грузовой платформе за Вилтен¹³. Тысячедолларовый ужин в «Вилме». И Индиана, затрачивающий глупостью тебя.

— Глупость — существительное, дебил, — сказал Инди.

Стрэт не отвлекался. Инди мог бы ворваться с национальным флагом США, и этого не было бы достаточно для того, чтобы разорвать вибрирующую энергию взаимодействия между мной и Стрэтом.

— Синнамон — даже не имя, — добавил Стрэт.

— Твоя мать называет тебя Стрэт?

— «Ролинг Стоун»¹⁴ дали мне имя три месяца назад.

— Стрэтфорд Гиллиам, — прошептала я.

Он снова отклонился назад, но не расслабился. Он закинул лодыжку на колено.

— Что-то не так. У тебя есть наличка. Достаточно, чтобы играть с нами. Никто из восемнадцатилетних не имеет пачку двадцаток, а внутри сотенные.

— Я фанатка. Я обожаю Вашу музыку.

— Как тебя зовут?

— Ты что глухой? Синнамон. Можете называть Син.

Я потеряла свой нос.

— Скажи мне свое имя, — сказал он, — и ты сохранишь свой лифчик на месте.

Он читал меня как открытую книгу. Я не хотела снимать лифчик. Я была не готова к тому, как это может закончиться.

Впрочем, мне хотелось проверить, смогу ли я избежать этого.

Отец однажды спросил меня, почему я люблю неприятности. Почему я так сильно наслаждаюсь этим. Почему я придумывала свои собственные проблемы, если не могла найти их в жизни. У меня не было ответа. До сих пор не было.

Я не хотела, чтобы так вышло в гостиничном номере с «Пули и Кровь». Если я скажу этому парню свое имя, у меня могут быть неприятности и не самые маленькие.

— Твое имя, — снова потребовал он.

Мое сомнение не беспокоило его. Он играл со мной, пока я думала, что сломаюсь и просто щелкну, расстегнув лифчик.

— Я видел достаточно сисек в свое время, — сказал он. — Но ты. Может быть, ты и фанатка, но ты — нечто иное. Ты другая.

«Покажи ему свои сиськи».

Мои пальцы подергивались. Я пульсировала всюду. Моё тело хотело его, а мои мысли убегали со скоростью четыре мили в минуту в противоположном направлении. Я потеряла контроль над ситуацией, и, несмотря на то, как сильно я увлекалась неприятностями, я никогда не теряла контроль над собой.

«Даже не думай об этом. Даже не думай, как тебя зовут. Не думай об этом. Никогда».

— Как тебя зовут? — спросил он снова.

Я сглотнула и решила снять лифчик. Он попробует трахнуть меня, и мы посмотрим, что из этого выйдет. Я отшивала мужиков и до этого. Мои руки поползли к спине.

Он моргнул, и в ту же секунду, когда его нефритовые глаза скрылись от меня, — я передумала.

— Маргарет Дразен, — сказала я, опустив руки на бедра. — Вы можете называть меня Марджи.

— Приятно познакомиться, Марджи, — он лениво собрал колоду игральных карт. — Тебе сдавать.

Примечания:

1 — Стрэт — Fender Stratocaster (или Strat) — модель [электрогитары](#), разработанной [Джорджем Фуллертоном](#), [Лео Фендером](#) и [Фредди Таваресом](#) в 1954 году и выпускаемой вплоть до настоящего времени.

2 — радиостанция

3 — уравнивать ставку и оставаться дальше в игре.

4 — Индиана — неутомимый.

5 — «полный дом», комбинация в [покере](#), состоящая из трех карт одного достоинства и двух карт другого достоинства. Это довольно сильная покерная комбинация, уступающая по силе только [каре](#) и [стрит-флешу](#).

6 — самая старшая покерная комбинация, состоящая из пяти карт одной масти, идущих подряд по достоинству.

7 — комбинация в покере, состоящая из четырех одинаковых карт.

8 — увеличить ставку.

9 — где-то с начала восьмидесятых представителей «хип-хоп» субкультуры начинают звать би-бойз. Стил Би-Бойз выработался в конце семидесятых — начале восьмидесятых в Нью-Йорке: золотые цепи, здоровые стереосистемы и дорогие модели кроссовок Adidas. Женским эквивалентом Би-Бойз стали Флайгерлз (Flygirls). Оба термина используются до сих пор по отношению к фанатам хип-хопа и рэпа вне зависимости от смены уличных стилей.

10 — банк или все деньги, которые собраны за время пройденных раундов с помощью всех ставок.

11 — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Также суфражистки выступали против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни.

12 — на языке оригинала — созвучно слову грех.

13 — музыкальный театр, расположенный в корейском квартале Лос-Анджелеса, Калифорния.

14 — британская рок-группа.

Глава 2

Пять вещей обо мне:

1) Я происхожу из богатого древнего рода. Денег в моем фонде больше, чем большинство людей видит за всю свою жизнь. Я никогда не волновалась об их наличии или о том, как их достать. Мне нет необходимости работать, но мне нравится это делать. Действительно нравится работать.

2) У меня есть связи. Если я не знаю, кто сможет мне помочь, мой отец знает. У меня никогда не было веских причин просить одолжения или использовать нужных людей, за исключением того, чтобы попасть на концерты или вечеринки, когда я была младше. Но я могу. И знание этого все меняет.

3) Я быстро повзрослела. Я уже родилась взрослой. Стрэт был прав, когда сказал, что я разговариваю как старушка. Он сказал, что прежде меня кормили дерьмом из серебряной ложечки, затем разговоры вернулись к реальности, и я увидела жизнь такой, какая она есть. Итак, политика и вероломство в юридической школе были детскими забавами. Споры внутри офиса — это бессмысленный шум. Я всегда права. Точка.

4) Чушь делает меня действительно нетерпеливой, а драма — это чушь. Драма — это непонимание добра и зла. Там речь идет о чувствах.

5) Чувства — для детей. См. пункт 3.

Глава 3

1994 год

Юридические конторы — это логова змей. Я узнала об этом еще в Стэнфорде¹, когда бодалась против старой сети «мужской системы» на стажировке в «Уэйлен и Марджиан»². Но я не жаловалась на партнеров, приглашающих парней в стрип-клуб, а потом «вытягивающих» стажеров из этой группы по карьерной лестнице, поскольку у меня были великолепные возможности собственных привилегий. Мне было жалко женщин, у которых не было моего шведского стола возможностей, но видите ли...это чувства. См. пункт 5 глава 2.

Так что я работаю клерком³ в «Тоуз и Дженсен» — многонациональной фирме с двенадцатью отделениями в Штатах и внушительным присутствием за рубежом. Токио. Франкфурт. Дублин. Йоханнесбург. Гонконг. Однако, фирма до сих пор отстаёт, как страна третьего мира. Непреступная крепость для любого, кроме выходца из «мафии Тестостерона» — Гарварда, Принстона, Йеля⁴, исключение составляют женщины. Все женщины с или без диплома «Лиги Плюща». Мы можем работать клерками или младшими помощниками, но мы никогда не будем партнерами.

«Это мы еще посмотрим».

Они наняли меня младшим помощником, как только я выпустилась из юридической школы, но я всё ещё была клерком, с тех самых пор как меня допустили к практике. С тех пор у меня была шестизначная заработная плата, хотя я и не нуждаюсь в ней.

Как? Легко.

Я привела им клиента.

Вы думали — это должно было произойти по причине некоторого скандала.

Это могло быть так, но выбирая между сахаром и уксусом, лучше всего помнить — уксус является наиболее эффективным консервантом.

Я работала клерком с тех пор, как сдала экзамены и была допущена к практике, и, несмотря на то, что вы можете подумать, я не могла купить себе место. И не то, чтобы я хотела. Я арендовала дом в Калвер-Сити и облепила его кипой записок на липких бумажках. От стола, в котором я храню свои ключи — **«Стрикленд против Вашингтона. Тест для испытания некомпетентной помощи адвоката. Объективное определение эффективности работы. Обоснованные показатели для получения иного результата»** — до зеркала в ванной — **«Форд против Вейнрайта. Отмена смертной казни для лиц с психическими расстройствами»**. Даже у моего автомобиля была записка на лобовом стекле — **«ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ — Тарасов против Членов комитета. Ответственность психиатра за необходимость предостерегать потенциальных жертв о возможном вреде. Ответственность может быть оспорена за счет соизмеримого вознаграждения за причиненный ущерб»**.

У меня не было времени на мужчин или друзей. В любом случае, меня никто не понимал. Никто, кроме моей семьи, которой было более чем достаточно. У меня шесть сестер и братьев. Я самая старшая, но я по-прежнему не скажу, сколько мне лет, или вы сами догадаетесь (делая подсчеты в уме), вместо того, чтобы сконцентрировать внимание на главном.

Я направлялась на встречу со старшим партнером по делу об авторском праве, которое только что получила, мчась через приемную, которая представляла собой короткий путь в зал заседаний, с охапкой показаний свидетелей и процессуальных документов, быстро повторяя в голове исключения из правил принятия показаний с чужих слов. Таких категорий было десять, и я всегда забывала одну. Я со своей папкой проходила мимо последних белых кожаных диванов, тихо ступая по серому ковру.

Немедленное возбуждение дела.

Предсмертное заявление.

Заявление об ущербе интересов.

Настоящее чувство, впечатление.

Дееспособность.

«Хорошо получается. Практически все...»

Предшествующие противоречия.

Публичные архивы.

Исключение коммерческой документации.

Древние документы.

И...

Я мучительно пыталась вспомнить последнее.

В то время как я копалась в своей голове в поисках десятого исключения, вместо того чтобы краем глаза следить за высокими парнями в костюмах, один мужчина встал с дивана.

Я воскликнула:

— Семейные записи, — как будто это вернуло мне понимание — семье нельзя доверять, чтобы сохранить историю правдивой. Папка, которую я несла в зал заседаний, полетела. Туфля свалилась. Я приземлилась на задницу с широко расставленными ногами, насколько позволяла юбка-карандаш.

— О, чёрт, простите!

Я свела ноги вместе и приподнялась на локтях, чтобы разглядеть, с кем я столкнулась.

Он был богом. Тот тип парней, который мог бы быть моделью, но не был, поскольку это слишком скучно. Чисто выбритый, с каштановыми волосами, зачесанными на одну сторону. Нижняя губа была такой же полной, как и верхняя. Голубые глаза. У меня была аналогия для этого цвета, находившаяся где-то в области правонарушений и процедур, но всё это стало напрасным, когда он протянул руку, чтобы помочь мне, и я увидела татуировку, показавшуюся из-под его манжеты.

Я снова посмотрела на него.

Он посмотрел на меня.

— Синнамон, — сказал он.

— Ты можешь звать меня Син, — слова пришли автоматически, как будто были запрограммированы во мне.

Я взяла его руку, и он помог мне подняться. Мой ответ, возможно, прозвучал гладко и продумано, как если бы я не была растеряна, только всё наоборот. Я помнила тот ответ всегда: трезвой, пьяной и танцующей. Я даже повторяла его в голове, когда кто-то

упоминал специю⁵. Давно, когда я была глупой, безрассудной, дрянной девочкой, это была моя визитная карточка.

Я встала, не встречаясь глазами, с косыми взглядами, бросаемыми со всей приемной.

— Я в порядке, — скромно сказала я. Когда все клиенты вернулись к созерцанию своих журналов, я обратилась к мужчине, сбившему меня. — Ты собираешься стоять здесь и позволишь растоптать им мои отчеты, Индиана МакКаффри?

Я слегка улыбнулась, он улыбнулся мне в ответ. *Ух ты!* Была ли я без сознания, когда встретила его и подумала только, что он просто хорошо выглядит? Он на втором месте после Стрэтфорда Гиллиама? Серьезно? Как он так похорошел с двадцатилетнего парнишки до этой совершенной версии волевого мужчины?

Я наклонилась, чтобы поднять свои бумаги, но он положил руку на моё плечо.

— Позволь мне первому встать на колени, — сказал он, приседая, прежде чем я смогла возразить.

Я не могла поверить, что он помнил меня из тысяч девчонок, которые вешались на него. Я нагнулась рядом с ним и стала собирать бумаги.

— Теперь я зовусь Дрю, — прошептал он. — Мое второе имя.

— А я зовусь Марджи. Мое настоящее имя.

— Я помню.

— Я не ожидала, — сказала я тихо.

Он наклонил голову, чтобы взглянуть на меня, а затем вернулся к сбору документов. Я могла видеть крошечные отверстия в его ушах, где раньше был пирсинг.

— Кто бы мог забыть тебя? — спросил он.

— О, пожалуйста. Лесть только пачкает намеренья льстеца.

— Откуда это? — он постучал стопкой по коврику в попытке выровнять бумаги.

— Из моей головы.

Он вручил мне стопку, и я закинула ее в папку.

— Ты ничуть не изменилась.

Я тяжела сглотнула. У меня не было проблем с большей частью моей впустую потраченной юности. Мне было весело, и я покончила с этим, прежде чем полностью разрушила свою жизнь. Однако я работала в солидной юридической фирме с концепцией, основанной на успокаивающем блюзе и острых углах. Богатая наследница, бывшая-рок-энд-рольная-фанатка⁶ не выглядела бы хорошо среди них.

— Мисс Дразен?

Это был Эрнест Тоуз, стоящий за стойкой регистрации, старший партнер и мой босс. Я могла купить и продать его, но это не входило в мои планы. Я хотела заработать его уважение.

Я посмотрела на Дрю, затем на Тоуза. Дерьмо.

Тоуз-Гниль + Дрю-К черту = У-меня-нет-рифмы-Как-Сильно-Я-Не-Хочу-Этого.

Тоуз посмотрел на свои часы.

— Шесть минут, — сказала я. — У меня все готово.

Тоуз кивнул и отошел. Я всегда приходила на десять минут раньше, а тупой мудак оставил мне только семь минут для подготовки.

Этот мудак улыбнулся как рок-звезда. И я вспомнила, почему не могла оторвать глаз от него или Стрэта.

— Я знал, что ты предназначена для великих дел, — сказал он.

Я повернулась к нему, достаточно близко, чтобы зашипеть.

— Это было на самом деле классно, но давай на этом и закончим. У меня встреча. Я сожалею о ситуации со Стрэтом. Это было хреново. Я бы хотела там быть и поддержать тебя, но узнала слишком поздно.

Я не ждала ответа, поскольку встреча с Инди заставила меня почувствовать слишком много. Физический контакт. Эмоции. Восприятие. Он заставил меня задуматься: выглядели ли мои волосы хорошо, не показывала ли моя юбка слишком много лишнего.

Я пошла на встречу, составляя список всех способов, посредством которых люди могли обманывать.

Немедленное возбуждение дела.

Предсмертное заявление.

Настоящее чувство, впечатление.

«Он, должно быть, клиент».

Дееспособность.

Предшествующие противоречия.

«Должны быть, сотни претензий авторского права, после того как Стрэт умер».

Заявление об ущербе интересов.

Исключение коммерческой документации.

«Просто сохраняй спокойствие и ничего не испортить».

Публичные архивы.

Древние документы.

И, мать твою, семейные записи.

Бум. Я толкнула незапертую стеклянную дверь зала заседаний. Привела в порядок все пачки и разложила по одному экземпляру на каждое из шести мест, с тридцатью секундами в запасе. Я открыла жалюзи окна, выходящего в коридор, давая каждому знать, что зал готов.

Жизнь не была подобна книгам, не то чтобы у меня было время читать. Но в книгах, были сфабрикованные случайности и вероятности, которые изменяли судьбы персонажей. В реальной жизни, вещи случались из-за того, что ты сам их такими сделал. Я никак не ожидала увидеть Инди снова, потому что не искала его, а когда увидела, то предположила, что он клиент.

Когда он зашел впереди Тоуза и других четырех адвокатов, кинул свой портфель во главе стола и улыбнулся мне, моё сердце сжалось.

«Не клиент».

Примечания:

1 — Стэнфордский университет — [частный университет](#) в США, один из самых авторитетных и рейтинговых в США и в мире.

2 — название адвокатской конторы.

3 — офисный работник среднего звена.

4 — самые известные и престижные высшие учебные заведения в мире.

5 — Синнамон/Синемен в переводе означает корица.

6 — «groupie» — девушка-подросток, иступленная фанатка рок-ансамбля, повсюду следующая за ними, готовая ради иллюзии принадлежности к ним оказать музыкантам сексуальные услуги.

Глава 4

1982 год — до ночи [Куаалюд](#)¹

Это была эпоха ДеЛориан², с автомобильным телефоном размером с ломоть хлеба.

Эпоха таксофонов и пейджеров³, Рейгана, пришельцев, «Рокки III», отравляющего Тайленола⁴ и Лав-Канала⁵.

Я прочувствовала всё и ничего из этого одновременно. Я смотрела на мир через дверной глазок — как внутрь, так и наружу. Всё было крошечным, далеким и полностью сфокусированным. Моя подруга Линн была моей линзой. Она была отъявленной группой⁶. Линн ходила в частную подготовительную школу «Карлтон» также, как и я, к сожалению; она была тупая как пень. Продукт двух красивых и глупых людей, которые заработали кучу денег на том, что были красивы, несмотря на их глупость.

Хотя она была чертовски забавна. Имела большие связи. Была старше. И абсолютно сексуальна. Я не хотела быть ею, но понимала, что должна пройти через все этапы её жизненного пути. И она нуждалась во мне, поскольку имела плохую привычку находить проблемы на свою задницу, а у меня была привычка вытаскивать её из них.

Клуб «Волнорез» раньше был скучным и старым, но стал меняться для того, чтобы стать местом проведения модных Голливудских вечеринок по выходным дням. Они позволяли нам курить где угодно на открытом воздухе, но не внутри помещения. Это раздражало, особенно по ночам в марте, когда на пляже холодало до пятидесяти градусов⁷.

Дрожащими руками Линн чиркнула деревянной спичкой, наклонилась над бетонным горшком и погрела руки над пламенем. Затем прикурила уголок сигареты, жадно раскуривая, чтобы ощутить вишневый привкус. Позади нее, океан врезался в потемневший песок недалеко от ватерлинии⁸.

— Так, бл*дь, раздражает, — сказала она. — Как будто пассивное курение убило кого-нибудь.

Парень, куривший рядом с ней, одарил её понимающей улыбкой. Она была одета в топ без бретелек и юбку настолько короткую, что когда дул ветер, были видны трусики. Я взяла её сигарету и прикурила от нее, наполняя свои легкие восхитительным никотином. Йони и Фред были внутри.

— Они оба там? — спросила я.

— Ага. Оба. Горячие штучки.

Это были Стрэт и Индиана. Вокалист и гитарист, соответственно.

И, несомненно, горячие. Линн и Йони преследовали их целую неделю. Линн многому научила меня о том, как проникать через двери. Как просить человека *A* об услуге, поскольку они знали человека *B*.

Я собрала всё воедино. Она не была тупой как пень. Она была просто тупой шлюхой.

— Думаю, [сегодня тот самый вечер](#), — сказала она тихо, наклоняясь ко мне. Линн подняла три пальца и скрутила их вместе в знаке «помолитесь за меня». Код для групповухи, где два парня были не против, — то, в чем она пыталась принять участие в течение недели.

— Типа, так на пятьдесят процентов романтичней, — сказала я.

Она моргнула. Не поняла меня. Я вздохнула.

— Йони нравится девушка-с-девушкой, — сказала она. — Я бы попросила тебя, но...

— Нет, спасибо. Не сегодня.

Не сейчас. Я пока не готова к подобным вещам. Я позволяла много обыденного тисканья, но ничего близкого по интенсивности тому, что предпочитала Йони.

Йони высунула свою голову. Ее пушистый белокурый боб-каре поддерживался широким кружевным ободком, и она носила митенки — беспальные перчатки длиной до локтя с множеством серебряных браслетов на запястье.

— Линн, — позвала она вполголоса.

Половина людей на курящей палубе повернулись при этом звуке, а затем вернулись к тому, чем занимались.

— Что? — спросила Линн.

Мы стояли у двери, и Йони вышла.

— У них номер наверху. Идет разговор об игре в покер. У тебя есть наличка?

— Да, — ответила Линн.

— И у меня, — сказала я.

Взгляд Йони пронзил меня насквозь, и я поняла свою ошибку. Я собиралась стать жужжащим нарушителем на этом празднике жизни. Я затушила свою сигарету ботинком.

— Не берите в голову. Я пойду прогуляюсь. Увидимся позже.

Я не дожидалась ответа. Если Линн хотела трахнуться с одним или сразу с двумя из тех парней, я могла бы вызвать такси до дома. Хотя я не пошла к выходу. Я спустилась по деревянным ступенькам на пляж. Ногами я чувствовала холодный песок даже через ботинки. Чуть раньше днем шел дождь, и мои следы напоминали форму полумесяца на темном песке в свете прожекторов. Я ушла к ватерлинии, чтобы быть вне досягаемости света, не оглядываясь назад, и села, притянув колени к груди, обнимая себя, чтобы не замерзнуть.

Свет исчез, и ночь поглотила всё в нескольких шагах от меня, где песок был плоский и влажный, испещренный полосами движения волн и подчеркнутый кучами морских водорослей.

Я не обиделась по поводу оргии. Я не была заинтересована. Но я любила покер.

Я зарылась пятками в песок. Пошло оно всё. Я не знала, что делать: с моим телом, с моим местом в этом мире, с моей семьей. Из-за всего этого я чувствовала себя как в ловушке. В нескольких шагах от меня, пенясь и шипя, разбивались волны. Я не знала, был прилив или отлив. Не важно.

Я не знала, во что я верю.

Отчаяние определяло жизни моих друзей. Они истощно пытались соответствовать, делать свои семьи счастливыми или решать то, кем они непосредственно были. Я не понимала необходимости утверждения или одобрения. Мне претили разговоры за спиной и страдания по парням. Мужчин мотивировали слезы и боль, что казалось неоправданным. Странно. Не в моем духе. У меня были друзья, которые в одну минуту были нормальными, а затем с ними случался гребаный припадок, когда их тела менялись.

Я это тоже чувствовала. Но все мы ходили в школу на одни и те же курсы. Все мы знали, что это произойдет. Почему же я веду себя так, словно это стало для меня шоком?

Я медленно отсекала их от себя до того момента, пока не осталось тех, кто не мог бороться. Никто не догадывался, как справиться со мной. Даже я не знала. Я никуда не вписывалась, и мне было все равно. Возможно, это была моя версия хандры богатенькой девочки. Возможно, я была просто слишком умна, слишком хороша во многих вещах. Или слишком едкая для практического достижения этих теплых девчачьих взаимоотношений. Я ни от кого не зависела. Не чувствовала себя полезной.

Я ощущала себя так, словно у меня в голове происходило больше, чем у большинства людей; затем я думала, что была не в себе из-за веры в это. Так что я стала устанавливать контакты, пробуя завести больше друзей. Затем я осознала, насколько пустыми были эти взаимоотношения. Я поняла, что в моей голове действительно происходит больше, чем у большинства людей, и начала жить заново.

Линн исчезла в клубе, на пути к номеру, для участия в групповухе втроем или вчетвером, а я осталась брошенной на пляже. Я могла бы сделать это и впятером, почему нет? В любом случае: какая была бы разница?

Траханье с одним или с десятью людьми не было особо важным опытом, но я должна знать, зачем мне нужна хандра.

— Теперь это не хандра, — сказала я себе.

Мое напряженное лицо среагировало на брошенный комок песка прежде, чем мой мозг засек двух полуобнаженных парней, бежавших сзади меня и пинавшихся песком. Они нырнули в ледяной прибой.

Твою мать!

В Лос-Анджелесе было довольно тепло в марте, при прочих равных условиях, но вода была чертовски холодной.

Парни доплыли до места, где ровно возвышались волны, и задержались на плаву, наблюдая за горизонтом. Когда одна большая волна развернулась, завиваясь на вершине, они в подходящий момент расположили свои тела так, чтобы прокатиться на ней. Они потерялись в белой пене, а затем поплыли назад. Ребята были высший класс. Волна, которую они оседлали, прошла мимо них, мимо границы влажного песка, к сухой линии в шести дюймах от моих ботинок.

Был прилив.

Один из парней подлетел ко мне: прилипшие штаны, влажные волосы, по которым стекала вода, короткая борода блестела в огнях набережной.

— Есть полотенце?

— Нет.

— Гребаный холод.

— Надо было думать, прежде чем туда лезть.

Позади меня, другой парень схватил с песка белое гостиничное полотенце и стряхнул его, прежде чем обернуть вокруг плеч. По всей груди у него была вытатуирована мелодия. Это был Стрэтфорд Гиллиам. Невероятный в живую. Даже в темноте.

— Один-ноль в ее пользу, — сказал он и бросился назад к клубу.

Парень с рыжей бородой был Индиана МакКаффри, и он, как предполагалось, сейчас трахал Линн и Йони. Вместо этого, он стоял рядом со мной и дрожал.

— У меня есть прикурить, — сказала я, протягивая ему мои сигареты и зажигалку.

Он взял их и сел рядом со мной.

— Спасибо, — он вытащил две сигареты, вручил одну мне и протянул прикурить дрожащими руками.

— Вероятно, тебе следовало пойти внутрь.

— Мне нравится холод.

— Конечно. Именно поэтому люди переезжают сюда.

Парень выдул струйку дыма, который сделал крутой поворот в два дюйма прямо от его губ, когда морской бриз сдул всё назад.

— Ты отсюда? — спросил он.

— Родилась и выросла в Лос-Анджелесе. Вскормленная водами тихого океана и закаленная под Калифорнийским солнцем, — я встряхнула волосами, отбросив их с лица.

Вживую он был еще красивее, чем в любом журнале. Я не знала, как дошла до того, чтобы сидеть на берегу с Индианой МакКаффри, но сигарета выкурена, и он, вероятно, собирался отчаливать. Каждая секунда была на счету.

— Твой южный акцент практически не слышен. Ты можешь стать диктором.

Он кивнул или возможно дрожал.

— Моему отцу не нравилось, что я звучу как деревенщина, так что он выбил из меня акцент.

— Что еще он выбил из тебя?

Он посмотрел на меня.

— Кроме дерьма?

Его зрачки были расширены как восьмерка⁹ с синими ободками. Он был под синтетически-улучшенными наркотиками. Возможно, куаалюдом. Якобы синие капсулы делают вас возбужденными и счастливыми достаточно, чтобы рассеять неловкость от групповухи. Это — то, о чем говорила Линн. Она ела синенькие всякий раз, как могла. Я

держалась подальше от синеньких. Мне не нужно ничего для того, чтобы стать более возбужденной или счастливой.

Верхний слой его волос высох, и их трепал ветер, в то время как он смотрел вниз, вкручивая фильтр от сигареты в песок.

— Дерьмо идет в первую очередь, — сказала я.

Он улыбнулся, смотря на меня с признательностью. Как если бы я тронула его, хотя я даже не пыталась. Спрашивая его о чем-то настоящем. Я только валяла дурака, но задела его за живое, так как я не игнорировала и спрашивала о чем-то другом или отказывалась от вопроса.

— Настал день, — сказал он, прижимая фильтр к губам. — Настал день, и я прекратил чувствовать что-либо хорошее или плохое. Он бил меня, чтобы это пошло мне на пользу. Нравилось мне это или нет. Но все остальное? — Инди выровнял свою руку и разрезал воздух на уровне наших глаз.

— Я поняла, — сказала я. — У меня тоже самое. Хотя и без битья.

— Всё лучше, чем с битьем.

Я засмеялась, и он засмеялся со мной. Для парня без чувств, мне он вроде бы нравился.

— Я видела, как ты играл в «Кит-Кат Лаундж» как-то ночью, — сказала я. — И после вечеринки.

Инди развернулся так, чтобы быть лицом ко мне, и посмотрел мне в глаза.

— Я знал, что видел тебя где-то.

— Я не хочу, чтобы ты подумал, что я притворяюсь, что не знаю кто ты.

— Достаточно честно.

— Но ты не должен здесь оставаться из вежливости. Холодно.

Он пожал плечами. Перестал дрожать, его кожа высохла.

— Мой друг наверху с парой девчонок, а я не в настроении сегодня вечером.

— Я думаю, что те девочки могли быть моими подружками.

Он повернулся обратно к океану, повторяя мою позу: колени согнулись, руки обернулись вокруг ног, плечи ссутулились.

— Ты не хочешь подняться туда, комната 432?

— Я на пляже для того, чтобы избежать сие событие.

— Почему это?

— Хотела увидеть, как вы, два идиота, будете получать гипертермию¹⁰.

Он снова повернулся ко мне: подбородок уперся в бицепс, волосы скрывали один расширенный голубой глаз.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать. А что?

— У нас игра в покер в полночь. Ты в деле?

У меня не было планов до утра. И я была хороша в покере, но не показала этого, ни жестом, ни словом, только проговорив:

— Я в деле.

Примечания:

1 — «Quaalude» — [куаалюд](#), метаквалон — [лат. Methaqualonium](#) — [снотворное средство](#) класса хиназолинонов, используется как наркотик. Запрещён к применению в ряде стран (в том числе и в [России](#)). Седативное и снотворное средство, оказывает также умеренное противосудорожное действие.

2 — *deLorean DMC-12* — спортивный [автомобиль](#), который выпускался в [Северной Ирландии](#) для американской автомобильной компании «[DeLorean Motor Company](#)» с 1981 по 1983 год.

3 — устройство для принятия сообщений, передающихся на него через оператора сети.

4 — обезболивающее.

5 — несуществующий ныне населенный пункт в окрестностях города [Ниагара-Фоллз](#) штат [Нью-Йорк](#). В 1970-х в этом месте были отмечены частые случаи заболевания раком и рождения детей с различными дефектами. Со временем жители узнали, что в близлежащий канал сбрасывались токсичные химические отходы.

6 — *Группи* — поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей.

7 — 10 градусов Цельсия.

8 — линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом плавающего судна.

9 — шар в бильярде.

10 — переохлаждение.

Глава 5

1994 год

Это был довольно простой случай авторского права. «Бэнерс» — псевдо-поп-рэп группа, зарегистрированная в Соединенном королевстве, использовала несколько тактов «Гайдны» в своих тематических песнях. Естественно, «Гайдна» не была защищена американским авторским правом, но Мартин Райт утверждал, что «Бэнерс» неоднократно использовали в песне его запись «Опуса 33».

«Бэнерс» противодействовали обвинением в клевете, отвергая претензии и подготавливая доказательство того, что они наняли струнный квартет, чтобы играть данное произведение. Мартин Райт не мог доказать, что это была его запись, поскольку с тех самых пор, как он заявил о нарушении, они изменили скорость, так что теперь произведения не были созвучны друг другу.

— В качестве введения, представляю Вам — Дрю МакКаффри, — сказал Тоуз.

Дрю кивнул каждому, и я подумала, что он задержался на мне, но возможно я ошиблась. Возможно, это я заиклилась на нем.

— Господин МакКаффри прибыл из Нью-Йоркского офиса, где он представляет интересы... Боже, скольких музыкантов?

— Всех из них, если бы я мог.

Эллен хихикнула и вздохнула, поймав себя на этом. С недавних пор в разводе, в возрасте около 35 лет, и неожиданно захихикала. Она была высокой и привлекательной. Хорошо уложенный повседневный шиньон и костюм от [Халстона](#)¹. Примерно одного возраста с Дрю и эксперт. У меня появилось внезапное желание облизать его, таким образом, заявив на него права.

Тоуз продолжил.

— Мартин Райт, виолончелист, находился в Лос-Анджелесе во время записи, и он пытается доказать это с помощью лояльной судебной системы. Спасибо, что сообщили об этом, Господин МакКаффри, но дело не возбуждено, — Тоуз закрыл папку. — Я говорю, что мы отправили господина Райта обратно.

— Они украли ее, — вставил замечание Дрю.

— Вы не можете этого доказать, — сказал Питер Донахью, поправляя свой галстук, дабы убедиться в том, что его двойной виндзорский узел² был всё ещё на месте. — Никто не может. Стоимость затрат клиента превысит вознаграждение.

Дрю положил свою ручку на стол, беря секунду тишины, чтобы сделать своё дело. Я знала исключительно музыканта, опухшего от наркотиков и алкоголя. Парень напротив меня, взявший три секунды, чтобы собраться с мыслью, имел те же голубые глаза, но также он имел юридическую степень. У него все еще были мозоли на пальцах от гитарных струн и татуировка, уловимая под его левой манжетой.

Фрагмент, что я в прошлом читала в «Ролинг Стоунс»³ не давал ни малейшего представления об опустошении Инди после смерти Стрэта. Я никогда не слышала об Индиане снова. Не знала, что выбор его карьеры посмертный.

«Черт подери! Это его поприще».

Он сжал свои красивые губы вместе, наклонился вперед и повернул голову к Тоузу-Гнили. Глядя на резкую тень, отражавшуюся от его челюсти, я заметила сухожилия на его щеке. И вспомнила, как она пахнет, когда прижимаешься к ней лицом.

— Это была наиболее популярная запись «Опуса 33», когда песню выпустили, — Дрю сложил кончики пальцев на столе подобно палатке. — Этим парням, «Бэнерс», грош цена. Мокси Зии предъявлено обвинение, которое обойдется в целое состояние, но он — ленивая змея. Он оплатил найм квартета, который никогда не существовал, и я знаю его. Он не стремился найти менее используемую версию опуса «Гайдны».

— Дело выигрышно лишь только в том случае, если Вы сможете это доказать, — сказал Питер.

Дрю посмотрел на Тоуза, затем ответил:

— Он представил кучу бумаг. И ни одного настоящего виолончелиста.

— Мы определенно не занимаемся доказательством того — чего нет, — Тоуз сложил свои руки вместе, сидя напротив него. — Отсутствие чего-либо не доказывает неправомерные действия — у нас ничего нет.

— Что, по-вашему, я должен сообщить Мартину? Что нам всё равно?

— Сообщите ему, что мы ищем что-нибудь для того, чтобы мы могли действовать.

Тоуз встал. Его помощник встал. Питер и Эллен встали. Я восприняла намек и собрала документы. Я взглянула на Дрю, чтобы посмотреть, как он отреагирует на всё это — и он отреагировал.

Он посмотрел на меня так, как будто у меня был ответ. Я не могла пошевелиться. Эллен пыталась задержаться в зале заседаний, но в разделенном между нами взгляде и в общей истории — тысячи лет, а у Эллен не было такого времени.

Она прочистила горло.

— Марджи, ты можешь захватить для меня кофе из комнаты отдыха на третьем этаже?

— Здесь есть кофе, — ответила я, мысленно находясь за несколько сотен миль отсюда.

— Лучше с третьего.

— Я иду завтракать, — сказал Дрю, не двигаясь. — Я могу захватить кофе. И пончики тоже.

— Пошли клерка. Для этого они и существуют.

«Эллен все еще говорила?»

— Она может идти.

Эллен сделала паузу, затем выскользнула наружу.

Как только стеклянная дверь защелкнулась, Дрю заговорил.

— О чем ты думаешь?

— Я думаю, что понятия не имела о том, что в твоей голове имеется мозг.

В действительности меня поражало то, какими были его губы. Как я этого не замечала? Или того, что его глаза были темнее по краям, чем в центре?

— Много изменилось с тех пор.

Я кое-что почувствовала, и теперь с его голосом, прозвучавшим низко и глухо, я знала, что и он тоже чувствовал. Этого не должно быть. Мне было не по себе, и я ощущала себя так, словно не находилась в собственном теле.

— Я сожалею... о Стрэте. Я знаю, Вы, парни, были близки.

Это разрушило завет.

Дрю опустил свой пристальный взгляд и переместил его на свой портфель, лежащий на столе, щелкнул, открывая его, а затем ответил:

— Спасибо.

— Было ужасно? — я не имела никакого права спрашивать об этом, но я должна была, поскольку обязана была быть там с ними. Я должна была сделать невозможное — прыгнуть через время и пространство, предложить дружескую поддержку и быть там для них.

— Было ужасно.

Дрю швырнул дело в свой портфель. Я предположила, что он собрался и сейчас выйдет из комнаты, но не могла прекратить смотреть на него, помня, что он провел со мной некоторое время и как эти несколько недель изменили меня.

— В какой студии записывались «Бэнерс»? — спросила я.

— «Аудио Сити», — его портфель соскользнул со стола, и он пошел к двери.

Как только он прикоснулся к ручке, я заговорила:

— Вы сделали запрос о предоставлении доказательств?

Он не открыл дверь, но слегка повернулся в моем направлении, любопытный и осторожный.

— Я не вижу, что это докажет.

Я встала.

— Я только клерк.

— Я уверен, это временно.

Я задвинула стул, поправляя его, как положено. Я не хотела, чтобы Дрю чувствовал давление, принимая совет от кого-то, кто не сдал еще даже свой квалификационный экзамен. От кого-то, кто был не лучше, чем маленькая выпендренная группа несколько лет назад. Но я хотела быть услышанной.

— Вы хотите напугать их до чертиков, поэтому Вы просите о некоторой услуге в «Аудио Сити», — сказала я. — Воспользуйтесь Тедди, сходите куда-нибудь выпить вместе. Будьте на виду. И файл с запросом о предоставлении доказательств будет обнаружен, чтобы помочь. Тедди передаст владельцев с рук на руки.

— Они окажутся повержены. И будут бесполезны.

— Имеется больше чем одна пленка этой музыки. Это записи и наброски. Сопоставьте их с оригиналом Райта. Это подобно отпечаткам пальцев.

— Это не правда.

— Это правда, если верить в это. Вы не пытаетесь что-либо доказать. Вы пытаетесь расколоть Мокси Зи.

Дрю убрал руку с ручки двери, отошел и присел на соседний стул. Я заметила, что он отвел взгляд.

— Вы хотите, — я продолжила, пытаясь звучать небрежно, — чтобы ваш клиент оплатил эту работу, верно? Я имею в виду, виолончелисты зарабатывают на жизнь, но не так много.

— Не так как Дразены.

Я проигнорировала подкол. Один — он улыбнулся этому. Два — хоть я и пыталась быть инкогнито в офисе, насколько это было возможно, было приятно, что он знал про меня.

— Нет, — я толкнула под столом стул, на котором он сидел. — Не как Дразены. Если Мокси Зии уличить во лжи, большей части его артистов будет всё равно. Некоторые будут думать, что это круто. Но он работает на «Оверланд Студиоз» в качестве музыкального руководителя под своим настоящим именем. «Оверланд» избегает рисков. Они не будут держать парня, который возможно уже был вовлечен в судебный процесс.

— И ты думаешь, что Мокси заплатит Мартину «под столом» на основании метода снятия отпечатков пальцев, которого не существует?

— Люди довольно предсказуемы.

Он встал, кивнул, прикусив нижнюю губу с левой стороны, трижды похлопав по ручке двери, затем осмотрел меня с ног до головы так, как будто хотел съесть меня ложкой в форме члена.

— Ты по-прежнему сумасшедшая, — сказал он мягко, как будто эти три слова предназначались для того, чтобы соблазнить меня.

И они соблазняли. Дрю стоял прямо посреди комнаты, и каждая поверхность между моих ног была в огне. Я бы сглотнула, однако у меня даже не было слюны, чтобы сделать это.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Восемнадцать.

Он вышел, позволяя двери медленно колыхаться, закрываясь позади него, и я наблюдала за его большими шагами, вниз по коридору, в его совершенном костюме.

Мужчины любили сиськи, ноги, задницы, киски. Мужчины любили длинные волосы и шеи. Они любили чистую кожу и полные губы. Но некоторые мужчины, правильные мужчины — такие мужчины как Дрю и Стрэт — любили женщин острых как бритва, а я не была влюблена по веским причинам долгое, долгое время.

Примечания:

1 — Рой Хальстон Фроуик (Roy Halston Frowick; род. 23 апреля 1932 года, Де-Мойн, США — 26 марта 1990, Сан-Франциско, США) — американский [дизайнер](#), известный своими ниспадающими длинными платьями, которые были безумно популярны на дискотеках семидесятых годов. Сегодня в Нью-Йорке существует Дом моды Halston.

2 — Узел «Виндзор» (Windsor) никогда не использовался герцогом Виндзорским, однако он всегда склонялся к ровным треугольным узлам.

3 — популярный музыкальный журнал.

Глава 6

1982 год — до ночи [Куаалюд](#)

«Пули и Кровь» находились на пороге популярности. Музыкальный альбом «Убийца Штата Кентукки» вспыхнул и принес небольшому лейблу достаточное количество денег, чтобы оставаться на плаву. Но затем Большие Парни пришли за «Пули и Кровь», направив к ним рэкетиров с карманами полными обещаний. Они представляли их музыкальными легендами подобно Хоуку Бромбергу, с его незначительной изюминкой спасателя и

бакенбардами, человеку, который постоянно хвалит свой лейбл и всё остальное, что они сделали для него.

Всё это было на слуху в течение нескольких недель, однако на следующее утро, после того, как я обчистила их обоих во время покера, я ничего об этом не знала. Я сохранила свой лифчик, надела рубашку и растянулась на кушетке на несколько часов.

Мне нужно было добраться до школы.

Линн ушла. Также, как и Йони. Гостиничный номер с видом на пляж, освещаемый светом встающего солнца, выглядел в совершенно другом ключе: дорогим и роскошным, нежели накануне вечером.

— Доброе, — сказал с балкона Стрэт. Одетый в рубашку и выбеленные джинсы он облокотился о дверной проём.

Позади него Хоук курил короткую коричневую сигарету толщиной со средний палец и смотрел на меня так, будто ему было восемь, а я была куском его праздничного торта. Он был легендой, но я не чувствовала себя польщенной. Я чувствовала отвращение.

— Где Инди? — спросила я.

— Ушел плавать.

«Стрэт вообще спал?» Он все еще выглядел совершенным, но возможно мои стандарты были искажены. Он выглядел так, будто тусовался всё время, и именно это я находила в нем привлекательным.

— Я должна идти.

— Ты должна прийти сюда позже.

Хоук закивал, зажимая скользкий окурочек между зубами. Он пел о земле и небесах настолько пронзительным голосом, но его реальное присутствие мне не нравилось.

— Хорошо, — у меня не было времени на болтовню. Мой отец возвращался из деловой поездки в Омаху, и я должна была быть дома.

— У тебя есть номер моего пейджера?

— Нет.

У меня не было времени на то, чтобы разыскивать вокруг карандаш и кусочек чистой бумаги, так что я обратила внимание на небольшую черную коробочку, расположившуюся у Стрэта на поясе.

«Он даже не ответит мне. Он — рок-звезда».

— Бровь, — сказал он. — Шесть-ноль-шесть Б-Р-О-В-Ь.

— Шесть-ноль-шесть? Штат Кентукки? Я думала вы, парни, из Нэшвилла.

— Пейджер из Кентукки.

Я не шевелилась. Просто ожидала развернутую версию его ответа.

— Мой отец переехал в Штат Кентукки. Он — доктор и повышает квалификацию каждые шесть месяцев.

Мистер «Большая Рок-Звезда» был или слишком скромным, или слишком занятым, чтобы заполучить свой собственный проклятый пейджер. Или был чересчур ребенком. Либо слишком сильно привязан к родителям.

Независимо от того, под каким углом я смотрела на это, и неважно в каком свете видела, я находила это очаровательным.

У меня не было никакого намерения использовать этот номер для чего-либо, хотя я никогда его не забуду.

Я отпустила своего водителя. После этого я вызвала машину со стойки регистрации гостиницы и села сзади, чтобы совершить короткую поездку от Санта-Моники до Малибу. Было шесть тридцать утра. И у меня было десять минут на то, чтобы вернуться домой.

Надя, нянька Терезы, будет на ногах, поскольку она рано встает.

Гектор, наш садовник, скорее всего, уже работал.

Мария, Грациелла и Глория. Определенно будят Кэрри, Шейлу и Фиону в школу. Одевая их, проверяя домашнюю работу.

Дейдра, Лиэнн и Тереза вызовут панику. Впрочем, если я попаду прямо в душ, существовала довольно-таки хорошая вероятность того, что никто не заметит моего отсутствия.

Кроме мамы.

Она была темной лошадкой. Обычно она спала до восьми, но если пила прошлой ночью, то просыпалась очень рано. Невозможно предсказать, что случится, если она поймает меня. Она была беременна шесть раз, с тех пор как я родилась, так что она постоянно находилась в процессе постоянного изменения: большая — маленькая — утомленная — энергичная — пьяная — преодолевающая — один человек — два. Она едва ли закрыла бы меня дома и действовала, как ни в чем не бывало, рассказав моему отцу, а это будет плохо. Очень плохо. Всё плохо.

Отец не любил терять контроль. Судя по всему, у него были только две эмоции: холодный расчет и удовлетворение.

Я любила его. Любила их обоих. Но я никогда не знала, что с ними делать. В конце концов, я осознала, что они не двигаются вперед, и каково им было, излишне обеспокоенными самими собой. Я уважала это. Это означало, как я думала, быть взрослым.

Я была уверена, что подтолкнула это в себе — игрой в покер на раздевание с двумя парнями из почти известной рок-группы, в роскошном гостиничном номере, и, вдобавок, сообщая им своё настоящее имя.

Боже мой! Я не знала, что родители сделают со мной, но всё указывало на то, что меня ждут неприятности. Отец всегда беспокоился о том, что скажут люди. Он заботился о приличиях и целомудрии. Даже если его не было в городе, у него были няньки, одевавшие нас всех и сопровождавшие нас в церковь по воскресеньям. Отец удостоверился в том, чтобы у нас был пепел на голове¹ и пальмовые ветви² в руках. Он вообще никогда не упоминал Бога, но католическая церковь всегда выступала в качестве авторитета.

Я спросила его: «Почему?», а он ответил что-то неопределенное. Он сказал: «Невидимые Боги неэффективны».

Мне пришлось надеяться на то, что у Стрэта и Инди не было никаких причин выяснять о том, кем были Дразены, и как много у них было денег.

«Они не станут. Я была никем для них».

Мысленно я представила себя невидимкой, когда такси добралось до моего дома. Я дала таксисту одну из сотен Инди, побежала к задней двери и прошмыгнула в ванну незамеченной.

Я смывала ночь обжигающей водой.

«Шесть-ноль-шесть Б-Р-О-В-Б».

Отложить предварительный подсчет в машине.

История.

Компьютер.

«Глупость — существительное, дебил».

Сорок минут, чтобы запомнить сотню спряжений на латыни.

Теннис.

Фотографирование.
Съесть что-нибудь.
«Как твоё имя?»
Католический женский клуб.
Клуб шахматной стратегии.
Затем?
Затем?
Затем...

Примечания:

1 — пепел на голове — имеется в виду — пепельная среда — первый день Великого поста в католическом (григорианском) календаре. В этот день (за 46 дней до Пасхи), в соответствии с древним обычаем, на лоб верующим священник во время мессы наносит знамение креста освященным пеплом из пальмовых ветвей в знак их покаяния, произнося слова «Прах ты и в прах возвратишься», или «Обращайтесь и верьте в Евангелие».

2 — пальма в руке - в христианской традиции день Входа Господня в Иерусалим считается символом будущего воцарения Бога. С тех пор во всем мире праздник так и называется — Пальмовое воскресенье.

Глава 7

1994 год

— Я знаю, что по сравнению со мной, тебе всё дается довольно-таки легко, — прошептала я Дрю/Индиане в коридоре, прежде чем вернуться на своё рабочее место. Мне надо было забрать свои вещи, прежде чем бежать за пончиками для Эллен. — Но я невероятно трудилась, чтобы находиться здесь. И я буду признательна, если ты не станешь упоминать о том, что мы знали друг друга одиннадцать с небольшим лет назад.

— Это так унижительно? — он ухмыльнулся так, как будто я была полностью в его власти.

Типичный мужчина, думает только о напряженной работе сейчас/сегодня/на этой неделе. Если вся эта история просочится, то меня выставят шлюхой, а его будут считать героем. Моим единственным достижением станет копировальная комната, и, будучи осуждаемой за дерьмо десятилетней давности, я буду удивляться тому, почему у меня никогда не было хорошего дела, а он улетит обратно в Нью-Йорк и получит повышение.

— Это не унижение и никогда им не было.

— Это моя Синнамон.

— Теперь — Марджи, — я развернулась к нему лицом, спиной к рабочему месту и тихо проговорила. Тэрри, другой клерк, был на расстоянии фута за серой полу стенкой. — Полная рабочая неделя. Это моя жизнь. Как я и сказала. У меня куча привилегий, но нет члена.

— Сейчас 1994 год.

Он сказал это так, как будто мы вступили в современную эру, и его член не представлял никакой чертовой разницы на рабочем месте. Только мужчина мог думать нечто столь совершенно невероятное.

Дрю должен был увидеть, как я вскипела, поскольку он поднял руку, прежде чем я смогла возразить.

— Я только усложняю тебе жизнь. Я бы никогда и словом не обмолвился об этом, но я буду в городе всю неделю.

Я открыла нижний ящик и вытащила свою сумочку.

— Хорошо, — я захлопнула ящик.

— Хорошо?

— Мне нечего сказать по этому поводу.

— Приятно видеть, что ты не изменилась, — подмигнул он и улизнул.

Глава 8

1982 год — до ночи [Куаалюд](#)

Я не должна была помнить: Б-Р-О-В-Ь или ШЕСТЬ-НОЛЬ-ШЕСТЬ — кентуккский номер моего друга из отеля «Карлтон», который мне довелось узнать. В середине занятия по шахматной стратегии мне пришло сообщение со звуковым сигналом: перезвонить на номер Нэшвилла.

Часом позже, я сидела на пассажирском сиденье «Монте Карло»¹, двигающимся в направлении [Пасифик Палисайдс](#)².

Стрэт был за рулём, а Индиана сидел позади вместе с Линн и Йони.

Я понятия не имела, почему я была там. Я не была самой красивой девочкой из тех, кто вешался на этих парней. Также я не трахалась ни с одним из них, хотя было очевидно, что Йони и Линн прекрасно провели время со Стрэтом, прежде чем началась игра в покер. Я недоумевала, почему была вместе с ними, ведь я совсем не понимала мужчин.

Пока.

Это пришло ко мне намного позднее, при чтении «Ролинг Стоун». Во время интервью Инди сидел перед [микшерным пультом](#)³, который они установили в Палихуд Хаус. Он был продюсером. Это была историческая закономерность: в начале провинциальный маленький городок — сплоченность группы — художественное удовлетворение — коммерческий успех — наркотики — разрушение — дно — спасение — брэндинг⁴. Волосы Инди были ненамеренно всклокочены. Рубашка была чистой. Он избежал от темных кругов вокруг глаз и говорил о Стрэте.

— Он был мне как брат, но больше. Партнер. И когда он умер, чувак, это было так, словно кто-то разорвал меня на части.

На пассажирском сиденье «Монте Карло», с двумя из них, по-прежнему играющими в покер, незнакомцами, я не знала, что они были как братья. Годами позже, читая статью в «Ролинг Стоун», я вспомнила ту поездку на «Монте Карло».

Я вообще была не в курсе того, как близки они были и насколько им было одиноко.

Я всегда предполагала, что пришла в этот мир полностью сформированной. Может быть, я не была такой. Возможно, я не понимала людей так, как я думала. Я грызла себя за то, что затем позабыла их, поскольку это лишь накаляло обстановку в кипящем котле с маслом, которая имела всё и ничего общего с парнями из «Пули и Кровь».

Инди наклонился вперед и указал на запертые ворота, перекрывающие дорогу в предгорья Палисайдов.

— Прямо здесь. Код доступа: «Пятьдесят-один-пятьдесят», — он повернулся ко мне, и я смогла почувствовать его дыхание на своей щеке. — [Погоди, пока не увидишь это место.](#)

— Здесь хорошо, — сказала Линн, перед тем как лопнуть свой пузырь из жвачки. Она была одета в черный кружевной корсет и многослойную юбку. Красные-красные губы и черная-черная подводка для глаз.

— Это в жопе мира, — вмешалась Йони. — Это — Палихуд.

— Ага, всего ничего на востоке от парка.

— На юге.

— На востоке.

Я закатила глаза.

Стрэт проигнорировал их.

— Это ему не по карману.

— Мы только что подписали контракт на четверть миллиона долларов, — Инди отклонился назад и пнул сиденье Стрэта.

Стрэт покачал головой.

— Ты читал его?

— Ты тоже не читаешь по-гречески.

Мы поднимались по холму под ясным весенним небом, и тот факт, что Стрэт прочитал контракт и понял его, заставил меня взглянуть на его руки, на его музыкальные татуировки и на мускулистые ноги, он вызвал во мне сексуальное влечение.

Мы подъехали к дому, сделанному из стекла и выступающего из деревьев, окруженных высокими кустарниками. Когда мы вышли из автомобиля, тень стала отрадной передышкой от палящего солнца, и птицы своим щебетом заменили пустой шум автострады.

— Здесь мило, — сказала я.

— И я могу себе это позволить, — Инди указал на Стрэта, который направлялся к передней двери.

— Черта с два, ты можешь, — пробормотал Стрэт.

Йони и Линн это было не интересно. Они начали подтрунивать про койотов на холмах, подпрыгивая от восторга, в то время как мы поднимались по разбитым ступеням, цепляющимся за шербатые каменные плиты.

— Ты просто в нас не веришь, — Инди открыл дверь. — Я сделаю первоначальный взнос на следующей неделе. Уже внес залог.

Черный линолеум на полу сверкал, а дом полностью просматривался от западной стороны и до океана. Йони и Линн уже проверяли бассейн в форме боба на заднем дворе.

Вы думаете, музыкант на пике славы не захочет связывать себя обязательствами по покупке дома? Он захочет колесить по турам на автобусе и трахать несколько сотен девочек? Это было бы нормой. Но Инди стоял в пустом пространстве между передней дверью и горизонтом, он прикурил две сигареты, прежде чем одну протянуть мне.

— Я могу переехать на следующей неделе.

— Чувак, — сказал Стрэт.

— Чувак, — огрызнулся Инди.

Стрэт повернулся ко мне, протягивая руки и умоляя. Всю поездку я задавалась вопросом, почему они взяли меня с собой, и в этот момент мне было страшно, что они выяснили кто я, когда уходили в библиотеку или разговаривали со своими адвокатами. И теперь они собирались просить у меня денег, а я не могла им их дать. Не было никакой другой причины брать меня с собой в эту машину.

Они мне нравились, но этот дом, должно быть, стоит двести штук.

«Будут ли они угрожать рассказом отцу обо всем? Покер? Лифчик? Курение? Расскажут ли о том, что я пила и целовалась? Или что я продавала их?»

Когда я поднесла сигарету к губам, моя рука дрожала. Я не знала, какой сценарий пугал меня больше. Я вдыхала никотин и пускала кольца, как будто у меня всё было под контролем. Как ни в чем не бывало. Эта была моя первая сигарета за день, и мои ладони тряслись.

— Какого хрена я тут делаю? — спросила я.

Стрэт двинулся вперед, указывая пальцем сначала на меня, потом на Инди.

— Удержи меня от его убийства.

— Иди на хер, — парировал Инди.

У меня не было более разумного ответа для них.

— Это хороший дом. Нуждающийся в доработке. Заставь бухгалтера сказать, что он ему не по карману.

— Позволь мне изложить короткую версию, — сказал мне Стрэт, но предназначалось это для Инди. — Двести пятьдесят минус пятнадцать процентов к WDE⁵. Двести двенадцать с половиной. Восемьдесят три штуки. Минус по контракту нашему продюсеру. Двести-мать-их-пять. И, между прочим, мы — ты, я и Гэри — группа, и мы должны компенсировать свои затраты.

— Мы сможем. Я уверен.

— Двести пять поделить на троих? Шестьдесят восемь тысяч долларов за трехлетний контракт. И вы еще даже не оплатили налоги.

Я закатила глаза и посмотрела на потолок. Если ли бы Стрэт и Инди знали мой настоящий возраст, они бы ничего не сказали.

— У нас есть доход, долбоёб, — Инди похлопал себя по карманам и нашел толстый маркер, более подходящий для граффити. — Мне нужна салфетка. Бл*дь, найдите мне салфетку. Конверт. Я напишу на обратной стороне.

— Пятьдесят кусков мы должны заплатить студии, — сказал Благоразумный Стрэт. — Возмещение. Продюсер. Аренда оборудования. Воз...

Я чувствовала напряженность между ними. Я толком не знала, что происходит. Я не знала, как управлять бизнесом или как делать деньги, но я знала, как думать подобно богатому человеку. Возможно, именно поэтому они взяли меня с собой.

— Вы, парни, такие милые с вашим говно-восприятием среднего класса. Вы действуете так, как будто эти деньги нужно тратить. А вот и нет. Эти деньги нужны для того, чтобы сделать больше денег. Ты, — указала я на Стрэта. — Ты переезжаешь сюда с Инди. Ты берешь свои шестьдесят кусков, и вы основываете студию в гараже или гостиной комнате. Мне плевать где. Ты, — указала я на Инди. — Берешь коммерческий займ. Вы делаете следующую запись здесь и сохраняете пятьдесят кусков вместо того, чтобы платить вычитаемые расходы. Вы сдаете её вашим друзьям музыкантам и позволяете им выплачивать вашу ипотеку, и ты оплатишь этому мудаку восемнадцать процентов интереса, и это тебя не убьет.

Я затянулась сигаретой. Она уже догорала, так что моим пальцам стало горячо. Господи, я действительно почувствовала себя хорошо. Будут ли они делать то, что я сказала или нет, объединившись, но, твою мать, я практически кончила.

— Мне нужно гребаное пиво.

Примечания:

1 — Chevrolet Monte Carlo — американское двухдверное [купе](#), модель выпускается с 1970 года.

2 — Район на самом западе Лос-Анджелеса на высоком берегу Тихого океана.

3 — Микшерный пульт («микшер», или «микшерная консоль», от англ. «mixing console») — электронное устройство, предназначенное для сведения звуковых сигналов. Микшерный пульт используют при звукозаписи, сведении и концертном звукоусилении.

4 — процесс формирования имиджа бренда в течение длительного периода, делающего продукт более привлекательным для конечного потребителя, а также продвижение торговой марки на рынке.

5 — департамент занятости Вайоминга.

Глава 9

1994 год

Долина Сан-Фернандо — Ван-Найс, в частности, была адом для автостоянок из-за ширины полос автострады. Всё выглядело новым, даже будучи покрытым бежевой пылью. Дрю и я расстались сразу после совещания, спускаясь вниз на дальнем лифте. Это походило на старые деньки, когда в десять у меня был комендантский час, который я игнорировала.

Мы подъехали к задней части «Аудио Сити» со стороны входа. Дрю поставил автомобиль на паркинг и наклонился назад.

— Ты собираешься открыть дверь? — спросила я.

— Я не видел этих парней долгое время. Дай мне минуту, чтобы собраться с мыслями.

Он улыбнулся, и что-то в этом заставило меня почувствовать себя действительно хорошо.

«Да-а-а-а».

Я передвинулась и встала коленями на сиденье лицом к нему. Затем схватила его за лацканы пиджака.

— Сними его. Ты выглядишь, как чертов адвокат.

— Правильно. Окей, — он повозился со своим пиджаком и кинул его назад. Его рубашка была в светло-голубую полоску с белым воротничком, а галстук был достаточно узким и выглядел стильно, не достигая пряжки ремня.

Я схватила галстук, потянула за конец и отпустила, так что он шлепнулся.

— Давай, снимай его.

Дрю развязал свой галстук.

— Я и забыл, какая ты властная.

— Я все еще не могу поверить в то, что ты вспомнил меня.

— Ты незабываема.

— Хватит! — сказала я. — Там были сотни девчонок.

Он выдернул галстук из узла.

— Я помешался на тебе через секунду после того, как ты заговорила. Ты испугалась, съ*бывая от Стрэта. Он думал, что потеряет меня из-за тебя.

Дрю прислонился головой к сиденью, лениво поднял руку и дотронулся до моего подбородка. Мои закрытые веки затрепетали, поскольку я годами была слишком занята, чтобы позволять мужчине трогать меня, а этот мужчина знал, как следует прикасаться. Он пробежался своим пальцем вдоль края моей челюсти, вниз по моей шее, и я схватила его за палец, прежде чем он смог двинуться ниже.

— Мы на работе.

— Что случилось с тобой? — прошептал он.

— Я пошла на юрфак.

— До этого. Ты испарилась. Мы не смогли найти тебя. Стрэт зависал возле твоего дома. Мы обошли все клубы. Твои друзья не знали, где ты.

Он не знал, о чём спрашивал. Дрю думал, что получит какой-нибудь разумный, нормальный ответ, но не было ни единого ответа.

— Это не имело к тебе никакого отношения, — солгала я. Это имело к нему прямое отношение. Каждая деталь.

— С чем это было связано, Син? — его голос источал секс и музыку, и мне стало интересно: был ли это его способ вернуться назад к той личности.

Я потянулась к его воротничку и провела своим пальцем под ним, по крошечным белым застегнутым пуговицам.

— Воротник расстегни.

— Ты должна рассказать мне, куда ты исчезла.

— Я путешествовала.

— Мы всё ждали, а ты так и не появилась.

Кончиком своего пальца он прошелся вниз по моей рубашке. Мое дыхание участилось, и я не могла оторвать своих глаз от его губ.

— Прости. Я слиняла. Вас, парни, было слишком много для меня, — я не знала, почему должна была дать ему понять, что дело было не только в этом. Мне следовало сдерживать тон моего голоса и говорить без подтекста, но моя интонация выдала меня. Если он не заметил, что я о чём-то умолчала, то он — идиот.

А он не был идиотом. Это было чертовски ясно.

— Ты не скажешь мне, не так ли? — спросил Дрю.

— Нет.

Он убрал свою руку. Облегчение и разочарование боролись во мне за господство, в то время как он поднял свой жесткий воротничок вверх и начал расстегивать его.

— Мы хорошо проводили время, — сказал он. — Парочку хороших месяцев.

— Семь недель.

— Я никогда даже не задумывался о том, как долго это продолжалось. В любом случае, я был таким тупым. Стрэт был смышлёным. Он играл на том, что он безрассудный музыкант, но, бл*ть, он был резок и словно на пятьдесят лет умнее нас. Он сказал мне остыть. Стрэт говорил мне, что всё, что мы делали, было временным, а я спорил с ним словно debil, — Дрю покачал головой от своей глупости и оторвал последнюю пуговицу, дернув за воротник.

— Выглядишь лучше, — сказала я, разглаживая свой китайский халат с широкими рукавами.

Он взял мое запястье и полностью поглотил меня силой своего взгляда.

— Я думал, что буду единственным, кто потерял своё дерьмо, когда всё закончилось. Но это был он.

Я выхвалила свою руку. Я не смогла бы за секунду притвориться, что мне всё равно.

— Что произошло?

— Я могу спросить тебя ещё об одной вещи?

— Конечно.

Но он этого не сделал, и я открыла дверь, чтобы закончить разговор.

Глава 10

1982 год — после ночи [Куаалюд](#)

Богатая семья. Богачи — свиньи. Шесть няnek, два повара и большой штат уборщиков. Многочисленная собственность. У нас своя собственная экономика. Мой отец не станет экспериментировать с лишением хотя бы доли этого ещё в течение следующих двадцати с небольшим лет.

У моего отца было два брата, а у моей матери — сестра, с которой она почти не разговаривала. Она никогда не называла причину. Мама никогда не говорила много того, чего стоило бы слушать. Она не казалась мне молодой до той осени с «Пули и Кровь».

Осознание этого факта пришло ко мне на приеме. В нашем доме по случаю годовщины моих родителей собрались две сотни человек. Струнный квартет. Персонал в смокингах. Открытые двери к нашему плавательному бассейну, с плавающими в нем цветущими лотосами и свечами. Участие являлось обязательным, так что мне пришлось сказать Инди и Стрэту повеселиться где-нибудь ещё без меня.

Здесь была вся семья и все деловые партнеры, их жены, сформировавшие группы около кушеток, а большинство мужчин зависало возле бара. Кроме Тети Морин. Она никогда не крутилась возле женщин. Она была моей «крутой теткой», которая управляла бизнесом и говорила парню, с которым встречалась последние лет десять, что она не видела никакого смысла в свадьбе. Тетя Морин разговаривала с моим отцом и несколькими парнями в костюмах, имен которых я не помнила, но узнала их по внешнему виду. Я находилась поблизости и ловила каждое слово всякий раз, когда она говорила что-нибудь о переговорах с наиболее устойчивыми компаниями с первоклассным рейтингом. Это была куча чисел и процентных показателей — я всё понимала, поскольку помнила всё, что говорили взрослые в моей семье о бизнесе. Но в конце разговора она засмеялась.

Это был такой чистый звук: обычно отсутствующее, звенящее свойство ее голоса. Она звучала так молодо.

«Подождите, она и была молодой».

Она всего на восемнадцать лет старше меня. Плюс-минус, немного меньше. И это означало, что моей маме было пятнадцать, когда всё изменилось и появилась я.

Я посмотрела на отца сквозь ледяную скульптуру и цветочную композицию, находившуюся в самом центре бального зала, и произвела больше математических расчетов.

Я чуть не засмеялась над схожестью ситуации.

Но это было не смешно. Потребовалось слишком много времени, чтобы я поняла, что происходит, но я пообещала себе, что не буду поступать как моя мать. Я не ненавидела её, но также и не уважала. Она была родом из хорошей семьи, красива и умна. Но она была ничтожеством. Моя мать ничего не делала: она жила в условиях вакуума с единственной целью — там и оставаться, чтобы больше никто тебя не увидел хотя бы раз.

Я не собиралась становиться такой, но я уже была на этом пути.

Я, в своём голубом платье и небольших золотых серьгах-обручах, была одета подобно маленькой чопорной мисс. Шифон и шелк струились по моему телу и позволяли всем в это верить. Меня тошнило.

Меня выбил из колеи маленький ребенок. Пятилетняя Фиона обернула свои ручки вокруг моих ног. Остальные последовали её примеру. Дейдра и Лиэнн тоже обняли меня. Девятилетняя Шейла и одиннадцатилетняя Кэрри остановились поблизости, выглядя возбужденными. Не хватало только Терезы, которой был всего год, и она только начала ходить две недели назад. Они смотрели на меня глазами с вариацией оттенков голубого и зеленого и с волосами от пшеничной до темно-коричневой рыжины. Именно это случается, когда рыжеволосый женится на рыжеволосой, и мои внутренности свернулись, как молоко на плите.

— Кто присматривает за вами, ребята? — я говорила обо всех, но задала вопрос Керри, самой старшей из них, у которой были наибольшие шансы собрать всё в последовательном предложении.

— Все снаружи. У тебя есть торт или нет?

«Как давно я пнялась в пустоту?»

Достаточно давно для всех, кто переместился в сад, оставляя несколько группок людей, толпившихся во французских дверях. Я позволила моим маленьким сестрам вывести меня наружу, где родственной иерархией определялась близость к тарту. Я потерялась в себе и зависла позади всех. В действительности я не хотела торт. Меня выворачивало наизнанку уже несколько дней, я боролась с головной болью, ощущая болезненность в теле, однако я вынуждена была действовать так, как будто десерт имел для меня значение.

Моя мать и отец стояли у тарта, улыбаясь профессиональному фотографу. Он носил журналистский пропуск «ЛА Таймс». Камера и близко не подходила ко мне, но я чувствовала себя выставленной напоказ. Они захотят сделать фотографию со мной, а я не могла. Я просто не могла. Я хотела оставаться относительно неизвестной миру, но люди читают страницы новостей о президентстве Рейгана, Бейруте, закрытии «Студии 54»¹ и знаменитостях Голливуда. После этого, но до биржевых котировок, идут страницы из жизни общества: свадьбы, годовщины, некрологи.

Мой отец постучал ложечкой по стеклу своего стакана с виски. Он был выше метра восьмидесяти и выглядел во всех отношениях олигархом, которым он и являлся, с копной темно-рыжих волос на голове. Волосы моей матери были скорее красновато-клубничного оттенка, и она высоко держала голову, когда он был рядом. Той ночью, в частности, она сияла немного ярче.

Гости притихли, и даже фотограф опустил свою камеру, когда папа поднял свой виски.

— Дамы и господа, — сказал он, демонстративно обращаясь к концу зала, — спасибо, что пришли. И, я надеюсь, вы хорошо проводите время, отмечая событие — мою годовщину с моей прекрасной женой.

Хор звяканья усилился, в то время как больше ложек встретились с бокалами. Я подумала: чудесный звук, им надо попробовать его в студии!

В носу защипало, и я практически заплакала, но мой отец быстро поцеловал мать и вернулся к своей речи.

— У нас есть объявление!

— *Мы хотим услышать его, Деклан!*

— *Слушаем! Слушаем!*

— Эйлин собирается сделать меня отцом в восьмой раз!

— Отвали от неё, бога ради!

Крик из задней части вызвал громкий смех и поздравления каждого, кроме детей, которые не понимали этого.

Кроме меня. Но ведь я не ребенок. Никогда не была им и никогда не буду.

Фотограф начал снимать снова. Папа и мама сказали, что мы должны встать позади стола, так чтобы мы все улыбались для фотографии в завтрашней газете, но я не могла.

Я достигла своего предела. Складывалось ощущение, будто бы я гнала около ста миль в час, и без предупреждения в дюйме от меня появилась кирпичная стена.

Этим утром я сделала тест на беременность. Я спрятала его, даже не взглянув, и решила, что не стану думать об этом до окончания вечеринки. Притворилась, что ничего плохого со мной не происходит, но с другой стороны, ничего плохого со мной раньше и не случилось.

Я купила тест практически в шутку, поскольку мои месячные не были регулярными. Но это было не смешно.

Непреодолимое стремление увидеть результат стало для меня большим грузом и действовало, словно бомба замедленного действия. Мне нужно было спрятаться, прежде чем осколки искромсали бы меня изнутри.

Моя комната была расположена примерно в трех минутах ходьбы через весь дом, и я воспользовалась этим и побежала, скользя по мраморному полу и поправляя себя на ходу. К тому времени, как я достигла коридора, я зарыдала. Где-то по пути в комнату я сдалась... Всё...

О боже... о... боже... о... боже.

Я была здравомыслящим человеком. Я знала, что у меня есть варианты, и первым шагом к их изучению было — выяснить, что происходит. Тошнота и головные боли. Чувствительные сиськи и живот. Ощущение в основании моих бедер, что *что-то происходит*. Я должна была вычеркнуть беременность из списка, чтобы я могла двигаться к следующему варианту, однако я знала, что не могла просто вычеркнуть это дерьмо из списка. Я просто знала.

И когда они объявили об очередной маминой беременности, я не могла больше ждать и секунды.

Когда я добралась до своей комнаты, затаив дыхание в своем бледно-голубом платье, я распахнула аптечный шкафчик, в который положила небольшую пластмассовую баночку.

«Если жидкость была бы одного цвета, я могла бы забыть обо всём. Если в ней было коричневое кольцо...»

— С тобой всё в порядке?

Я развернулась в сторону голоса, доносившегося из дверного проёма, при этом заслоняя спиной открытый шкафчик. Мой отец стоял в дверях, проталкиваясь вперед после его бега вверх по лестнице.

— Всё нормально, — ответила я.

— Твоя мать думает, что новости дались тебе нелегко. Я сказал ей, что ты сделана из стали, — в его улыбке сияла стопроцентная гордость.

— Я просто не то съела, что-то испорченное.

Развернувшись, я схватилась за дверцу аптечного шкафчика и захлопнула его, но она отскочила обратно, оставляя внутреннюю часть приоткрытой на дюйм. Я повернулась обратно к отцу, надеясь, что не расплескала жидкость. Пряча пипетку и трубочку теста, я чувствовала себя, как в лабораторном классе. Мне не хотелось делать всё снова. И я не хотела, чтобы папа увидел это. И я также не хотела быть беременной. Мне хотелось перемотать всё это назад, чтобы я не сделала глупейшую ошибку в своей жизни.

— Ты была так занята со своими внеклассными занятиями, что твоя мать волнуется, — он перестал смотреть мне в глаза и взглянул на аптечный шкафчик. Он не смотрел в зеркало. Глаза проследили за край и скользили туда-сюда.

— Я немного устала. Я могу пропустить торт?

— Возвращайся фотографироваться через полчаса.

Его резкий ответ означал приказ. Я могла быть зеленой и находиться при смерти, но от меня ожидали, что я буду улыбаться в камеру.

— Хорошо, — я хотела, чтобы он ушел.

Он перевел свой взгляд на мое лицо, сканируя его. Я чувствовала себя сделанной из тонкого изящного стекла — полого и прозрачного. Слишком красивая. Слишком изысканная. Стою чересчур дорого, чтобы быть сломанной любимым, о ком я когда-либо заботилась, чтобы огорчиться по поводу потери.

Я склонила голову и обошла его, направляясь к двери, где обещанный комфорт кровати ждал меня. Он должен будет последовать за мной и оставить меня на тридцать минут. Я могла бы сделать много чего успокаивающего за полчаса.

Я только наступила на ковер в своей комнате. Он был сиреневым и серым. И на втором шаге цвета превратились в шерстяное пятно, когда я снова влипла, и всё завертелось.

Отец покраснел как помидор. Он схватил чистый пластмассовый пузырек в левую руку, в то время как правой — схватил меня за руку.

— Что это?

— Ты делаешь мне больно, — я попробовала вывернуться, но он схватил меня ещё сильнее.

— Что ты сделала?

Я была так испугана, что едва могла соображать. Мой отец никогда не поднимал на меня руку, но я всегда знала, что там был бескрайний океан жестокого потенциала под этим его внешне гладким лоском: холодное, глубокое море, которое казалось безмятежным, но всегда угрожающим.

— Он отрицательный, — закричала я, не зная, было ли это действительно так. Я не взглянула на пузырек, прежде чем он вошел.

— Этот? — он повернул пузырек ко мне, открывая его верхушку моему взгляду.

Желтая жидкость опустилась вниз. Внизу расплзлось коричневое кольцо более толстой мембраны, собирающееся в овал, прежде чем стать трапециевидной формы обвинительным заключением.

У меня не было ни ответа, ни оправдания или причины — ничего, кроме объяснения, чем я занималась в свободное время, которое, я была уверена, он не желал бы услышать.

— Кто он? — рычал папа.

«Не было ли это вопросом года?»

— Отпусти!

— Тебя изнасиловали?

— Что?

— Я убью того, кто это сделал.

— Папа! Нет! — теперь я плакала. У меня было достаточно времени, чтобы осознать, что я сделала с собой. Я ощущала сопли и слюни так, как если бы они были чужими. Лицо папы напоминало влажное, серое облако, и мое дыхание перешло в резкие всхлипывания. Я задыхалась от того, что должно было быть, как я думала, чем-то вроде утешения. — Это не изнасилование.

Он крутанул меня, пока я не оказалась перевернутой лицом вниз на белой подножке для ног, тонкая древесина больно врезалась мне в живот. Пока я пробовала сориентироваться в происходящем и еще отмахнуться от слез, которые текли с силой шторма, я ощутила острую боль на своей заднице.

Странное снижение ясности происходящего сквозь рыдания — мой крик оборвавшийся, словно я затормозила на самом краю обрыва, пока слезы капали на дно.

Папа шлепал меня снова и снова, и это действие превратило мое дыхание в хрипы. Я пробовала повернуться, но он держал меня и вновь наносил звонкие удары. Я была растеряна и обездвижена. Я обернулась к нему. Его рука с растопыренными пальцами была поднята надо мной, а локоть стремился ударить меня ещё раз, при этом отец рассматривал свою руку, как будто она делала что-то, чего он не понимал.

Затем, в эту долю секунды, он посмотрел вниз на меня, и мы встретились взглядами. Он смотрел на меня, но не видел. Я не знала, что именно он видел. Я не знала, что складывалось в его голове. Жестокое море его пределов не успокоилось. Бушующие волны не стекли в огромную воронку и не унеслись прочь, но поток изменился и переместился подобно рокочущему животному, отступающему за горизонт, в место, которое я не могла увидеть.

Он отпустил меня, и я всем телом навалилась на подставку для ног. Я сделала два глубоких вдоха, и только первый из них был затруднен.

У меня не было времени для выбора. Мое семейство, при всех своих деньгах, было слишком религиозным, слишком строгим, слишком традиционным. У меня было море привилегий, но никаких прав. Так что, если я собиралась избавиться от ребенка, то надо было действовать сейчас или никогда. Позволить им отречься от меня.

«Мне надо бежать».

Примечание:

1 — легендарный ночной клуб.

Глава 11

1994 год

В течение нескольких последних лет бизнес пребывал в упадке, но «Аудио Сити» по-прежнему оставалась самой лучшей музыкальной студией в Лос-Анджелесе. И она располагала кое-чем. Репутация + талант + акустика + время + оборудование = более знойная, больше, чем просто горячая студия. До вечеринки, посвященной годовщине моих родителей, данная информация имела для меня огромное значение. Но теперь, находясь с главным инженером студии в звуконепроницаемой комнате, которая пахла потом и сигаретами, всё, что имело для меня значение, был план — уловка, для урегулирования вопроса клиента-виолончелиста, который мог бы помочь раскрыть богатого продюсера.

— Вы были единственной группой в нашей истории, которая отменила студийные сроки, — сказал Тэдди.

Я смутно его помнила. Тогда, ещё до «Пули и Кровь», я тусовалась с «Роудибойз»¹. В то время на голове у Тэдди было полно волос, а улыбка — полна прямых белоснежных зубов. Сейчас, когда я сидела в кабине с ним и Дрю (не Инди), у Тэдди был сделан зачёс и никотиновые пятна на зубах.

— Мы создали своё собственное место, — ответил Дрю.

— Исходя из того, что я слышал, оно всё еще работает.

— Ага. Мы перешли на оцифровку².

Тэдди покачал головой и схватил пачку сигарет с микшерного пульта.

— На х*й цифру, — он вскрыл большим пальцем пачку и предложил мне одну.

Я взяла её. Затем Дрю удивил меня, вынимая свою собственную пачку и зажигалку.

— Это — будущее, — сказал Дрю, выпуская дым.

— На х*й будущее, — Тэдди дал прикурить мне, потом прикурил сам.

Я затянулась, ощущая сухой жар смолы и позволяя никотину проникнуть в кровь. Я не курила лет сто — я и забыла, как мне это нравилось.

Тэдди оторвал небольшой кусочек табака от кончика сигареты и положил его на язык.

— Цифра не поможет вам с вашей виолончельной проблемой, — он стряхнул соринку с кончика листа. — Это те самые звуки и шумовой фон, которые делают звук магнитной ленты теплым. Это — то, что вы получите здесь. Если бы мы сделали запись в цифровом звуке, это было бы дерьмом.

— Ага, — сказал Дрю, — оцифровка убьёт музыку.

— Конечно. Но тебя это больше не заботит, — он махнул в сторону Дрю рукой, оглядывая его с ног до головы: от причудливых ботинок до консервативной стрижки. — Адвокат.

— Мудак.

Тэдди удивил меня, засмеявшись.

— Да. Познай себя, верно? Я займусь этим. Дай мне этот запрос о предоставлении доказательств, или как вы там его называете, и я покажу его нашему адвокату. Он вернет его вам, — он протянул руку, чтобы пожать руки с Дрю.

Здесь нарисовалась проблема. Запрос о предоставлении доказательств не стоил этого дерьма, потому что дактилоскопия³ была вещью выдуманной. Даже адвокат-жулик поймет это.

— Как насчет сделки? — спросила я.

Рука Тэдди замерла на полпути, и он посмотрел на меня. Дрю выглядел одновременно и удивленным, и заинтригованным. Я тяжело сглотнула.

— Позвольте нам спуститься в архив за записями «Пули и Кровь». Дебютная запись была записана здесь, верно?

— Верно.

— Мы только взглянем на оригинал «Опуса 33». И убедимся в том, что это стоит того, чтобы тебе пришлось платить адвокату две сотни в час. В свою очередь, Инди покажет тебе, как они перешли на оцифровку. Покажет тебе правильное оборудование. Так что вы здесь сможете решить для себя, стоит ли переходить на цифру, если вы того пожелаете.

Тэдди загасил окурок в наполовину заполненной пепельнице. Я взглянула на Дрю. Его голова была наклонена вниз в мою сторону, большой палец находился у лба, чтобы скрыть выражение лица. Его сигарета вспыхнула до фильтра, в то время как он улыбнулся.

— Да-а-а, — сказал Дрю, поднимая взгляд. — Мы дадим консультацию. Законным образом. Вы, наверное, сможете частично перейти на цифровой звук. Я знаю, что вы получаете клиентов и теряете их, поскольку вы — аналог. Давай посмотрим, сможете ли вы записывать оба варианта, — Тэдди, отвернувшись, задумался о чём-то, затем вернулся к нам, переместил пачку сигарет, топнул ногой и кивнул сам себе.

— Да, а почему, бл*ть, нет? — он протянул свою руку снова, и Дрю сжал её. — А почему, бл*ть, нет?

Примечания:

1 — *Шумные парни.*

2 — *цифровой звук.*

3 — *Дактилоскопия — способ опознания (идентификации) [человека](#) по отпечаткам [пальцев](#) (в том числе по [следам пальцев](#) и ладоней рук), основанный на неповторимости рисунка [кожи](#).*

Глава 12

1982 год — до ночи [Куаалюд](#)

Практически сразу же они сообща открыли студию. Ребята сделали запись и скорректировали даты тура. Таким образом, в течение дня дом был заполнен рабочими, артистами и звуковыми техниками в кожаных клубных куртках.

Я запуталась в ситуации со Стрэтом и Инди. Всю следующую неделю или около того, я была с ними всё чертово время. Как предмет мебели нового дома. Иногда они кидали мне сообщение на пейджер, а иногда я Б-Р-О-В-ЕДЛА им. Я встречалась с ними везде, где они были, и мы продолжали делать вид, будто мы, в своём роде, друзья.

Но они ничего не предпринимали. Взгляд Стрэта был подобен его пальцам — он находил способ пройти между моей кожей и одеждой. Но он никогда ничего не делал

для этого. Не на той неделе, после того, как я подсказала им, как получить их дом и жить в нём.

Однажды, когда мы были на вечеринке в Малибу, Инди положил свою руку мне на плечо и сказал мне что-то на ушко. Я даже не помню, что это было, просто музыка была такой громкой, так что он вынужден был говорить мне на ушко, если хотел, чтобы я его услышала.

Стрэт, подобно ястребу, подлетел сразу же после этого и ткнул своим пальцем в лицо Инди, сильно сжимая свои губы. Инди пожал плечами. Впервые я увидела, что они вели себя как угодно, но совершенно не как братья.

Инди поднял свою правую руку.

— Обещание, задница.

— Пошел ты, — но Стрэт тоже поднял свою правую руку. Я смогла увидеть одинаковые татуировки змей на [внутренних сторонах их рук, ниже локтя](#). — Обет дан.

— Ничего, — сплюнул Инди. — Ничего, ладно?

— Закрыли тему, чувак. Мне жаль.

Они опустили руки вниз и обнялись, похлопывая друг друга по спине, как будто они закончили разговор.

— Что это было? — спросила я, когда Стрэт отчалил.

Инди пожал плечами, но нас прервали — кто-то подошел, чтобы поговорить с ним. Сامةц-музыкант-слеш-продюсер-слеш-рэкетир-подонок. Примерно под тридцать. Черные пластмассовые солнечные очки с красными линзами, скрывающими его малюсенькие голубые глазки с расширенными зрачками. Мультишный нарик. Такие парни всегда разговаривали со Стрэтом и Инди, и у них был способ удостовериться в том, что со мной общались не как с системой жизнеобеспечения киски. Потребуется три минуты, чтобы он поменял свою точку зрения, развернулся ко мне спиной так, чтобы оказаться между мной и Инди.

«Как по часам...»

Я смотрела на его спину.

*«На х*й всё это, за*бало!»*

Я ничего не понимала из происходящего. Я пошла внутрь, пробиваясь через совокупления тел и разговоры, по пути к передней двери. Я приоткрыла её, впуская прохладный бриз Западной Стороны, когда Стрэт перехватил меня.

— Куда направляешься? — спросил он с затвердевшими от ночного воздуха сосками.

Я позволила своей руке соскользнуть с дверной ручки.

— Купить тебе рубашку.

Он подарил мне тот взгляд. Тот самый, от которого я становилась разгоряченной, и меня бросало в дрожь. Комната была полна женщин, одетых в стринги и малюсенькие треугольники на сиськах, и всё же он смотрел на меня так, будто хотел поглотить целиком, от кожи до костей.

Конечно, это завело меня, равно как и взбесило.

— Что это там было? С Инди? — спросила я.

— О чём ты?

— На х*й это.

Я открыла дверь, но далеко не ушла. Он наклонился и нажал на неё, закрывая.

— Ты не знаешь? — спросил он. — Ты не можешь сказать?

— Начиная с первого дня, как вы притащили меня в этот дом, вы обращаетесь со мной как с младшей сестрой...

У меня накопилось, что сказать им. Очень много слов. Речь достойная Рональда Рейгана, но Стрэт засмеялся. Я просто съела все слова, прожевала и проглотила, поскольку я серьезно в чём-то ошиблась. Он открыл дверь, всё еще улыбаясь, как недоумок.

— Набери нас, — это всё, что он сказал, перед тем как я ушла.

У меня была оранжевая кнопка на пейджере. Я нажала её, и мой водитель подъехал. Это было подобно магии. Его работа заключалась в том, чтобы отвозить и забирать меня, в независимости от того, чем бы я ни занималась. Его задачей было не говорить, куда мне ходить и не сообщать моей семье, где я находилась. Я едва проехала полквартилы в сторону дома, прежде чем, как я знала, раздался сигнал о сообщении от «ШЕСТЬ-НОЛЬ-ШЕСТЬ Б-Р-О-В-Ь». Или от Инди. Это было не важно.

Я пристрастилась к ним, также как Линн к голубеньким.

Возбуждение от их компании было для меня лучшим наркотиком в мире.

Глава 13

Вот исчерпывающий перечень того, что значит быть зрелым для своих лет:

1. Вы видите людей через их собственное восприятие — не через ваше. Так вероятность получить оскорбление будет меньше. Вы меньше реагируете на это дерьмо.

2. У вас есть собственная точка зрения, но нет опыта. Вы знаете, что, в конце концов, всё утрясется. Так, маленькие проблемы — это маленькие, а большие проблемы — маленькие.

3. Вы становитесь дерзкими, поскольку стали взрослым, и вы знаете это. Глупые ошибки — это чужие проблемы.

4. Ваше тело — всё ещё раб вашего собственного мозга, и, если ваш мозг подумывает о взрослой хренотени, такой как секс, ваше тело собирается быть его сосредоточием. Причём, если ваше тело созревает рано... хорошо, тогда следуйте по дороге из желтого кирпича. Изумрудный Город¹ ждет Вас с широко расставленными ногами.

Примечания:

1 — Изумрудный город (англ. Emerald City) — вымышленный город из цикла повестей Лаймена Фрэнка Баума о сказочной стране Оз, а также написанных по их мотивам произведений Александра Волкова и других авторов. Город находится в волшебной стране Оз, сама же эта страна в сказках Баума расположена на далёком неизвестном континенте посреди непроходимой пустыни, а у Волкова находится в Северной Америке, и помимо пустыни окружена также кольцом гор.

Изумрудный город был построен по приказу Гудвина. Город окружала стена, а на башнях города сияли настоящие изумруды. Дорога из жёлтого кирпича соединяла город со страной Жевунов.

Глава 14

1982 год — до ночи [Куаалюд](#)

Дом в Палихуд занимал площадь более тысячи квадратных футов¹ со всеми дополнительными надстройками. В некоторых даже был смысл. Одна спальня была пяти футов шириной², и на одной из её стен была деревянная наружная дверь. В одну из надстроек — чердак в форме перевернутой буквы «V», можно было попасть только с

помощью пяти предательских шагов двухфутовой высоты³, а в другую спальню — только снаружи из внутреннего дворика или через туалет.

Однажды вечером я приехала после одной солидной встречи, которую никогда не могла бы воспроизвести в памяти без черных туфель-лодочек и жакета от Шанель. Дом будто вымер, за исключением одной приоткрытой двери и грязного панк-рока, раздающегося из звуковой системы, которую парни установили на всём протяжении свежеекрашенных стен и отколотого молдинга.

Я не предупреждала о своем приходе и никогда не делала этого раньше — я в какой-то мере, была предметом мебели. Услышав голоса в одной из запасных комнат, я прошла через третью ванную в туалет и практически открыла дверь из жалюзи, чтобы разобрать звук, когда остановилась. За дверью раздался крик.

Железные жалюзи давали мне смутное представление, но я увидела достаточное количество голой кожи, что должно было заставить меня отступить. Я слышала тяжелое дыхание... стоны... голос мужчины... Стрэта. Я резко отступила назад и замерла. Наклонившись вперед, я смотрела сквозь имеющееся на дверях пространство между жалюзи.

Я узнала девушку по её шелковистым каштановым волосам. Когда она двигалась, они ниспадали на её плечи. Она стояла на четвереньках. Стрэт стоял позади нее, вколачиваясь в неё так усердно, что мое лицо вспыхнуло, а уровень температуры тела поднялся до невиданных высот. Я могла их почуять. Их пот и что-то подчеркнуто сексуальное: аромат между моих ног плюс аромат мужчины. Я прислонилась к стене. Мне это было необходимо, чтобы удержаться на ногах.

«Уйди. Отвернись».

— Прими его, детка, — бормотал Стрэт, сжимая её задницу. Его кожа блестела от пота.

Я хотела его. Я желала быть этой девушкой с каштановыми волосами, принимая его в себя. Я слегка сместилась так, чтобы видеть место соединения их тел. Его член скользил в неё туда и обратно.

«Боже... боже... боже, я хочу этого».

Я зависла: не хотела уходить и не могла двинуться вперед. Я могла только надеяться, что никто не захочет войти в запасную спальню прямо сейчас. Я переместилась, увидев кого-то, кто ещё находился в комнате.

У второй женщины были светлые вьющиеся волосы и великолепные голые бёдра. Я хотела быть ею — голой с ними. Посмеяться над какими-то прошёптанными словами Стрэта.

«Ты спятила. Это настолько за пределом того, что ты готова сделать».

— Ты хочешь вылизать её, детка?

— Да, — ответила Прямые Каштановые волосы. Она повернулась к Сочным Бедрам, в то время как её всё ещё трахали, и глаза девушки на мгновение задержались на жалюзи.

«Она увидела».

— Позволь поцеловать мне твою киску?

«НЕТ. Она не даст».

Сочные Бёдра села прямо перед Каштановыми волосами и раздвинула ноги. Я не думала, что мой клитор может быть ещё более набухшим, или моя киска может стать ещё более влажной. Я не могла оторваться от вида того, как лицо девушки оказалось между ног её подружки. Я не могла видеть, что она делала, но Стрэт, этот голос...

— Поглощай её жёстче. Соси там. М-м-м. Да. Заставь её кончить.

— Я такая мокрая... такая влажная, — простонала Сочные Бедра.

Стрэт просунул руку между ртом и влагалищем. Я не знаю, что он делал, но соединение этих трех вещей возбудило меня так сильно. И я сделала непостижимое:

засунула руку под свою юбку, порвала колготки, чтобы забраться под мои хлопковые шортики. Я чуть не потеряла сознание от собственного прикосновения.

— Сделай их мокрыми, — скомандовал Стрэт девочке на четвереньках, при этом сосущей его пальцы. — Они войдут в твою задницу.

«Он это сказал?»

«Я думаю, что умираю».

Стрэт ввел один палец в задницу Трахабельной Девочки — та девушка, которую он продолжал трахать, и лицо которой было прямо на киске Сочных Бёдер.

— Да! — она восхищалась достаточно долго, соглашаясь с ним.

Стрэт ввел два пальца. Она кричала, насаживаясь лицом на киску. Сочные Бёдра держала Трахабельную за затылок, подталкивая ее рот к своему влагалищу, раскачиваясь своими бедрами вдоль лица Трахабельной, в то время как Стрэт вколачивался сзади и входил тремя пальца в ее задницу.

«О боже, я хочу этого... хочу».

Но я не хотела кончать. Я ущипнула клитор, чтобы отсрочить свою кульминацию. Я хотела увидеть больше.

Сочная кончила, крича:

— Поглощай мою киску, поглощай, боже... да, детка, да... лижи меня! — она застонала и закинула свою голову назад в освобождении.

Боже! Это было горячо. Я жаждала, чтобы кто-нибудь поглощал меня также вплоть до оргазма.

Стрэт протянул свою руку и сказал что-то Сочной. Она полезла в тумбочку и вытащила бутылку с детским маслом.

«Что ты собираешься делать, Стрэтфорд?»

Он вылил его на Трахабельную. Вниз по спине между половинками её задницы. Затем Стрэт стал втирать его внутрь.

— Ты готова? — спросил он, возвращая бутылочку Сочной.

— Трахни меня в задницу.

Я клянусь, внутренняя сторона моих бедер покалывала, и каждое нервное окончание между ногами практически взрывалось.

Стрэт вытащил из нее свой член и переместил его к ее попке.

«Он собирается сделать это».

Лицо Трахабельной напряглось, она сморщилась, глаза закрылись, зубы заскрипели, как только Стрэт медленно, но целеустремленно стал вставлять свой член в её задницу.

— Как ты, детка? — спросил он.

— Полностью, — сказала она. — Возьми меня в задницу.

Я еле слышно застонала, пока наблюдала, как его член исчезал в её анальном отверстии.

Они не слышали меня.

Я думала, что они не могли.

Сочная положила свою руку между ног Трахабельной.

Я не видела остального. Я слышала скрипящую кровать, крики и стоны, рык Стрэта, когда он кончил у неё в заднице. Мои глаза были закрыты, в то время как я доводила себя до самого охренительного оргазма за всю мою недолгую жизнь.

Как только всё закончилось, и эти трое стали смеяться и тяжело дышать, я вытащила свою руку из колготок. Средний и указательный пальцы были полностью покрыты соками моей киски. Я сжала их в кулак и вышла из туалета.

Стрэт был прав: я не могла справиться с ним.

Примечания:

1 — более 92,5 кв. м

2 — 1,52 м

3 — 0,61 м

Глава 15

1994 год

— Аппччии, — это был мой четвертый или пятый чих.

«Аудио Сити» хранили всё в окрашенном, но все равно ржавом трейлере-слеш-грузовом контейнере в северном углу позади стоянки автомобилей. Тэдди дал нам ключ от навесного замка, и, открыв задние двери, мы нашли стену из банковских коробок, сложенную до потолка. Коробки были разложены по дате — с древним дерьмом, погребенным в задней части, за исключением тех, которых не было. Нам необходимо было просмотреть каждую коробку и надеяться, что лейбл был корректен. Мы нашли образец «Опуса 33» в коробке владельца — Мартина Райта — довольно быстро, примерно на трети пути. Она была подписана его именем и годом издания. Дрю положил её на невысокую кучу и открыл крышку. Коробка потрепалась от сырости. Запах плесени становился всё резче с каждой разворошенной нами кучей.

Контракты. Счета-фактуры. Записи владельца. Пенал.

— Это стрёмно, — сказала я.

Дрю передал мне его. Солнечный оранжевый чехол для винила, подписанный ручкой. Я потянула за застежку-молнию, чтобы открыть его. Он был пустым внутри, за исключением рассыпанного первоклассного белого порошка. Я держала его открытым для Дрю.

Когда он посмотрел, то рассмеялся.

— Конечно. Нам, наверное, лучше открыть все эти коробки и продавать кокс прямо из задней части этого контейнера.

Я застегнула пенал и бросила его обратно в коробку.

— Он — виолончелист. Я даже представить себе не могу, что тогда во всех остальных коробках. Мы забираем её целиком?

— Вероятней всего, что нет, — Дрю задвинул крышку обратно.

Мы нашли то, зачем пришли, но мы оба колебались. Он посмотрел на заднюю часть, где стояли другие десять футов твердых банковских коробок. Толстая стена музыкальной истории.

— Ты думаешь о том же, о чём и я, — сказала я, как отрезала. В трейлере был жарко, и это угнетало, но всё же я не желала покидать его. — Мы пришли не за владельцами «Убийца из Штата Кентукки».

— Тебе следует вернуться в офис.

— Более вероятно, что нет.

— Ты не можешь оставаться здесь со мной. Ты и так потратила уже слишком много времени на посещение адвоката.

— А по закону клерк не может взять больничный на оставшуюся часть дня или для чего-то ещё.

— Ты могла бы сделать это на выходных, — Дрю положил руку на верхнюю коробку и стащил её вниз, затем вложил её в мои протянутые руки. Там было написано: «*Нейл Йан — 1990*».

— Да-а-а, но я ненавижу работать в выходные, — я положила коробку к остальной части начала девяностых. — Возможно, ещё пять минут. Затем я вызову такси и вернусь в офис.

— Ты должна оказаться в офисе и позвонить. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня.

У него на плечах была пыль, и Дрю закатал рукава, выставляя свои татуированные руки. Я проделала хорошую работу, сняв с него костюм адвоката.

— Пять минут, — я протянула свои руки к следующей коробке. — Десять. Если честно, я уже сказала, что трафик Дозера может задержать меня здесь. А также у меня сегодня семейный ужин. Так что они не ждут меня до завтра.

— В субботу?

— Да ладно, ты же знаешь порядок: шесть дней в неделю и так далее.

Он сдвинул другую коробку сверху. Я никогда не слышала об этом исполнителе. Дрю аккуратно поместил её мне в руки, по-прежнему удерживая.

— Я рад, что мы закопались в этом дерьме вместе.

— Я тоже, — прошептала я, поскольку это не была любезность, я говорила чистую правду.

Увидеть его снова было не просто счастливым совпадением. Он напугал меня до усрачки. Я не поддаюсь чувствам. Они не управляют мной. Я делаю то, что хочу, когда я хочу и как я хочу. Но я была испугана, а страх причинял мне неудобство.

Я решила, что дискомфорт — это хотя бы хорошо. Я хотела быть рядом с ним.

Его пальцы схватили мои локти, в то время как он сам перехватил вес коробки.

— Мы не заодно. Просто у меня есть юридическая степень.

Он хотел что-то сказать мне, и я хотела что-то сказать ему. Но мы не могли. Мы с Дрю были разные. Мы не знали друг друга, и нас никогда не существовало, но притяжение было. Я хотела, чтобы он узнал меня. Я хотела поведать ему свои тайны. Не из-за того, кем мы были, а поскольку что-то в его части пазла соответствовало моей. Я почувствовала щелчок, как будто детали этого пазла сошлись воедино.

Я отстранилась с коробкой, а его пальцы продолжали очищать мою руку, в то время как я отходила дальше.

Это ощущалось хорошо.

Я отвернулась и поставила коробку на кучу. Страх был неудобным, но ливень между моими ногами был ненамного лучше.

Глава 16

1982 год — до ночи [Куаалюд](#)

Мне посчастливилось узнать, что большинство звезд — реальных звезд — не получали ипотечных кредитов. Они платили наличными, или их корпорации давали им денег взаймы, так что они платили процент сами себе. Но Дрю, Стрэт и Гэри в меньшей степени были нормальными парнями, которые находились на пороге становления настоящими рок знаменитостями.

Мы жили на чипсах и солёных крендельках, поскольку были молодыми и тощими. Инди бездельничал на голубом бархатном диване, перебирая струны своей гитары, Стрэт ломал голову над документами, разложенными на кофейном столике. Мои ноги были заброшены на подлокотник соответствующего голубого бархатного кресла.

— Вы можете начать бронировать студию на август? — спросила я.

Инди тренькал на своей двенадцати струнной гитаре. Даже без усилителя звук был более ярко выражен, чем у шестиструнной, и парень переставлял свои пальцы через узкие пространства между струнами так, будто играл на ней с младенчества.

— Ага, — ответил Стрэт.

На нем не было рубашки, и я пробовала не смотреть в его сторону. Стрэт был таким красивым, что это причиняло боль. Перспектива секса уменьшилась со времен той ночи игры в покер. Частичка меня говорила забить на это, а другая часть просто хотела узнать почему.

Инди, Гэри и Стрэт были очень близки. Реально близки. Они выросли вместе в Нэшвилле. Единственные сыновья в своих семьях. Закончили свою местную пригородную среднюю школу. Как пирожки, выпавшие из одной и той же сковороды. Разные, однако вылепленные из одного и того же теста.

Пустая пачка красного «Мальборо» приземлилась на мои колени.

— Мы уходим, — сказал Стрэт.

— Там в холодильнике есть блок, — сказала я.

Его колени подпрыгнули, и бурлящий вихрь безумия музыкального набора партитур¹ покосились там, где сложилось тело. Змея, обвитая вокруг руки, захватывала внутреннюю часть запястья. У Гэри и Инди были такие же татуировки змей. Гэри женился в юности и быстро стал отцом, так что его не было рядом до тех пор, пока не требовалось записывать музыку.

— Расскажите мне про этих змей, — попросила я. Я хотела послать Стрэта за пачкой сигарет, но не хотела делать это, потому что тогда он попросит меня. Он был властным придурком. Сексуальный и мощный, но все-таки придурок.

— Расскажу, если принесешь новую пачку.

Я не двигалась. Инди продолжал свои удары по двенадцати струнной. Я не думала, что он обращал на нас внимание.

— У вас же у всех одинаковые татуировки, мог бы ты не быть гребаной задницей? Бл*ть, может, я собираюсь сделать тоже одну.

— Почему? Ты уже стала сучкой? — слова Стрэта не соответствовали его тону. Слова были жестокими, призывающими к ссоре. Тон же был теплым и дружественным. Его лицо приглашало меня к поцелую, как будто он был единственным, кто сможет мириться с Марджи-сучкой вместо Синнамон-группы.

Мне потребовалась доля секунды, чтобы придумать резкий ответ, но Инди оборвал его, опустив гитару вниз и вставая. Он стрельнул в Стрэта таким красноречивым взглядом, а затем вышел из комнаты.

Стрэт наблюдал за ним.

Что-то происходило, но Стрэт был слишком крутым, чтобы рассказать мне об этом.

Я спрыгнула со стула и последовала за гитаристом. Дом был практически не обставлен и лишь частично покрашен. У парней не было ни денег, ни времени, чтобы навести лоск. Они проводили вечеринки, но все сидели либо на полу, либо на складных стульях. Я перешла на южную сторону дома, откуда могла видеть бассейн. Они вычистили и закончили его, так как для того чтобы проводить вечеринки, нужен был бассейн.

Кухня никак не использовалась. Одноразовые тарелки и пластиковые вилки. Газ был подключен, но использовался только для того, чтобы прикуривать сигареты и нагревать ложки с белым порошком. В холодильнике было пиво, водка, сигареты и китайское фарфоровое блюдечко с синими пилюлями, разложенными в центре круга.

Инди стоял перед холодильником, вытаскивая блок. Он резко двинул своим запястьем, и блок перевернулся в воздухе, со шлепком приземляясь на кухонном острове. Красно-белые пачки вывалились наружу. Я схватила одну, прежде чем она упала.

— Это не твоя работа делать всё, что он скажет, — сказала я.

— Я могу задать тебе вопрос? — Инди взял себе пачку и сорвал пленку, даже не бросив на нее взгляд, позволяя той соскользнуть на пол. Они оба, Стрэт и Инди, были долбаным быдлом.

— Конечно.

— Что ты хочешь?

— Жизнь, свобода и стремление к счастью?

Инди не ответил, словесно или каким-либо ещё образом. Он только вытянул на половину пару сигарет и протянул мне пачку. Я взяла одну.

— Не пори херню. Ты прошла это, — он достал Зиппо² из кармана и щелкнул, выпуская огонь. — Мы прошли это.

Инди дал мне прикурить. Я задула огонь, как только он наклонил свою голову, чтобы прикурить сам, прикрывая огонь руками так, как будто мы находились посреди урагана, а не на кухне. Инди был раскован в эту секунду, а я восхищалась его лицом и плечами.

— Тогда будь более конкретным, — парировала я.

Он с грохотом поставил стеклянную пепельницу между нами.

— Ты не задаешься вопросом, что здесь происходит? — он направил палец вниз и описал круг. «Здесь».

Я точно знала, о чём он говорит, но пока он был таким расплывчатым, что я могла бы продолжать игру достаточно долго для прогулки Стрэта за его сигаретами. Но я не могла. Я так устала от всего этого дерьма, таким, какое оно было. Оба. Никто. Все. Ни один. Пространство между ними стало некомфортно близким.

— Ты имеешь в виду, что вы, парни, постоянно посылаете мне сигналы и держите меня рядом, но никто из вас не трахает меня? — спросила я. — Вот к чему ты ведешь.

— Ага. Хотелось бы знать.

Я задавалась этим вопросом ночью, когда была дома одна со своими руками под одеялом. Когда я чувствовала внутри себя нетронутую девственную плеву, напряженную под моим пальцем. Когда я представляла образы их двоих, ласкающих мое тело. Или кого-то одного из них, или же другого. Или они боролись за меня, и оба побеждали. Я не знала, что или кого я хотела, но моё тело становилось влажным для них обоих — Сексуального Стрэта и Искреннего Инди. Не то, чтобы я знала, что с этим делать. Я была зрелой для моего возраста, но не обладала никаким фактическим опытом.

— Маленький Стрэтфорд и я не боремся из-за женщин.

— Хорошо.

— В этом дело.

— Ты намекаешь, что вы воюете из-за меня? — спросила я.

— Ага.

— Ты же понимаешь, что это сделает с самооценкой девчонки, верно?

В действительности я не верила ему. Это было проблемой. Я чертовски симпатичная, но... да ладно!

— Когда я нуждался в Стрэте, он был рядом со мной. Мой отец был пьяным ублюдком, — Инди стряхивал пепел с кончика сигареты об янтарное стекло пепельницы. — Всё ещё остается им. У меня была причина нуждаться в этом доме. Гостевой домик сзади? Для моей матери. Когда я наконец-то уговорю её бросить его, она должна иметь место, куда уйти и чувствовать себя в безопасности. Если я переезжаю от гостиницы к гостинице на автобусе, это — клево, но это равносильно тому, чтобы оставить её гнить там. И парень, который находится там... — Инди ткнул большим пальцем в сторону гостиной комнаты, где его лучший друг, вероятно, все еще просматривал документы, — ... он понимает это. Я не смогу делать любое из этого делового дерьма без него. Моя голова не для этого. Он отдает свой кусок аванса, чтобы сделать реальным этот дом и студию.

— Я рада, Индиана. Правда. Он — хороший друг, — я затушила сигарету. — Что вы хотите от меня?

Его разочарование было больше, чем всё, о чем мы говорили. Пальцы сжаты, зубы стиснуты. Индиана подошел и протянул свои руки прямо к моему подбородку, и, замерев в дюйме от прикосновения, как будто он был настолько близко, чтобы прикоснуться, но так далеко, что не мог это сделать. Так, словно его пальцы и моя челюсть были северными полюсами двух магнитов.

— Я схожу с ума по тебе, — прорычал он, затем наклонился вниз так, чтобы его лицо было на одном уровне с моим. Он пах табаком и одеколоном, с намеком на музыку и риск. Сколько раз я наблюдала за его пальцами на гитаре и желала, чтобы они были на мне?

— Ты должна сделать шаг, — сказал он более мягко, но крайне настойчиво. — Тебе необходимо сделать выбор.

— Ты не должен испытывать никаких чувств, — сказала я так, будто «не должен» было важнее всего.

Голос Стрэта послышался из внутреннего дворика.

— Чувак, — он пересек кухню за три шага, схватил пачку сигарет, затем указал на Инди той же рукой, — я все вижу.

— Он говорит правду? — вмешалась я. — У вас есть договоренность относительно меня?

— Договоренность? — спросил Стрэт, срывая пленку со своей пачки. — Я бы не назвал это договоренностью.

— И как ты это называешь? — спросил Инди. — Обещание?

— Я называю это *банным перемирием.

— Вы, парни, оба...

Безумные.

Раздражающие.

Красивые.

Посмотрев на одного, затем на другого, зная, что могу получить любого из них, я не могла выбрать даже прилагательное, не говоря уже о мужчине.

Мне никогда не нравились чувства, даже прежде чем я сознательно отодвинула их. А они оба заставили меня одну чувствовать за семь людей сразу, живущих под одной кожей. Теперь у меня было два парня, смотрящих на меня так, как будто я должна была что-то сказать.

Что они хотели от меня?

Один или другой?

Что было нормального во всем этом? Я не целовалась не с одним из них. Или вообще с кем-нибудь.

Я вскинула руки:

— Пошли вы оба на х*й.

И я ушла. Я не хотела, чтобы автомобиль с личным водителем моей семьи забирал меня. Я хотела пройтись пешком и отпустить всё это. Это дерьмо. Это давление. Я не могла признать, что это было мне не по зубам. Я никогда не признаю, что ситуация вообще существовала, тем более нечто такое, как два парня желающие, чтобы я выбрала между ними.

Я была разгорячена заходящим солнцем, но воздух охлаждал мою кожу. Хорошо. Я хотела сенсорное отвлечение. Что угодно, лишь бы эта хрень ушла подальше.

«А чего ты ожидала?»

Ничего. Я ничего не ожидала.

Нет... я ожидала, что они выберут. Я подозревала, что нравлюсь одному из них, а другой держит меня рядом в качестве любезности другому, и я ожидала, что тот, кому я нравлюсь — Инди. И это вызывало больший вопрос.

Кого из них хотела я?

Обоих. Никого. Вообще. Какой-то четвертый вариант.

— Подожди!

Я подумывала о том, чтобы не оборачиваться. Просто дойти до самого ближайшего перекрестка и вызвать водителя. Я сделала три шага, пока принимала решение. Я слышала, что шаги позади меня ускорились, и обернулась, чтобы увидеть Стрэта. Он был одет в куртку, которую хранил за дверью.

— Ты оделся. Тебе идет.

— Подожди, — повторил он, захватывая мой локоть.

Я выхватила его.

— Вам, парни, необходимо разобраться и вернуть меня.

— Нет, детка. Ты должна проснуться. Этот парень там? Ты не найдешь никого лучше в своей жизни. Ты повернулась к нему спиной, и ты — идиотка.

Я была удивлена. Вот он — их Бог, Бог миллионов фанатов и поклонников, склонился ко мне и резким голосом падшего ангела защищал своего друга.

— Почему я чувствую себя пешкой в какой-то вашей игре? — спросила я.

— Это — не игра.

— Что, если я хочу тебя? — я не имела это в виду, когда говорила, даже если это и было так. Я не хотела подразумевать, что сделала выбор, поскольку я даже не знала, что необходимо было выбирать.

— Жаль, — сказал он, прищуривая один глаз и слегка покачивая головой. — Я — не то, что тебе нужно, — и Стрэт начал уходить.

— Я видела тебя, — позвала я, и он остановился. — С двумя девушками. Пару дней назад.

— Да? — Стрэт наклонил свой подбородок так, как будто я могла заехать ему, если бы я хотела, а ему было наплевать.

— Это было горячо.

— Это дерьмо не для тебя, Син. Это — пара голубеньких и скука. Не для тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Ты слишком хороша для этого дерьма. Он слишком хорош. Это — херня, всё целиком. Я не знаю, кто ты или с какой планеты, но это — не моё. Это — его, — больше ничего не сказав, он вернулся на холм, длинные волосы развевались, когда он шел против ветра.

Я наблюдала за ним до ворот, затем нажала небольшую оранжевую кнопку на моём пейджере. Если я заеду домой переодеться, то смогу сделать это до комитета по планированию Общества Суффражисток. Мне необходимо сбежать от этой ситуации.

Примечания:

1 — Партиту́ра (*итал.* — разделение, распределение) в *музыке* — *нотная запись* многоголосного музыкального произведения, предназначенного для исполнения ансамблем, хором или *оркестром*, в которой все партии (голоса) одна над другой даны в определённом порядке.

2 — марка бензиновых зажигалок.

Глава 17

1994 год

Я прекратила чихать. Или мы забрались так глубоко в трейлер, что древние аллергены хранящегося здесь мусора смиловались, и я перестала на них реагировать, или моё тело сдалось.

Руки Дрю и перед его рубашки были покрыты пылью, а на лице была защитная раскраска — серая полоса через челюсть. Она позже попала и на его щеки и образовала темную тень. Я чувствовала себя так, как будто мы даже не приблизились к коробке «Пули и Кровь», и была близка к тому, чтобы сдаться. Но каждый раз, когда я подумывала о том, чтобы озвучить это, я останавливала себя. Я наслаждалась Дрю. Его связью с моей прежней жизнью. Болью, что мы разделили. Даже если он и не знал об этой разделенной боли.

— Я сохранил бизнес, даже после того, как группа распалась, — сказал он. — Гэри хотел найти другого вокалиста, однако я покончил со всем. Я только хотел тот дом, — Дрю достал коробку. Рассмотрел ярлык. Надпись была изменена. Кому-то следовало сменить работу.

— Твоя мама переехала?

— Ага. После того, как отец умер — отказала печень.

Я забрала у него коробку: «Рик Спрингфилд».

— Жизнь трахнула его.

Дрю засмеялся.

— Да. Трахнула.

Я положила коробку Рика сверху на остальные. Мы разработали ускоренную систему, так, чтобы могли положить все коробки назад на их место, но нам всё ещё предстоит большая работа. Мы глубоко увязли.

Я повернулась, чтобы встретиться с ним. Я собиралась сказать что-нибудь типа: «Слушай, нам надо бросить это», но Дрю стоял с открытой коробкой, глядя на содержимое с тихим почтением, и я поняла. Я стояла рядом с ним. Было уже поздно, и флуоресцентное освещение трейлера мерцало голубым.

— Это она? — спросила я, стоя рядом с ним, уставившись на содержание коробки — коробки с записями. Ампекс¹. Четыре из них. Еще папка. Конверт. Дрю засунул руку в коробку, подписанную «Убийца Штата Кентукки». Они сделали запись в «Аудио Сити» как безымянную, прежде чем я объявилась.

— Ничего не произошло, — сказал он больше себе, чем мне. — Когда мы записали её, то могли стать кем угодно. Но ничего не произошло.

— Вы не первые.

— Помнишь его голос? То, как он визжал, а затем звучал так чисто, на одном дыхании? Он развил это здесь. До этого Стрэт всё время звучал как девчонка. Видишь ли, он мог симитировать в совершенстве любой голос. Любой акцент. Он абсолютно точно мог повторить за русским всё задом наперед, причем, не понимая ни единого слова. Но он не хотел звучать как кто-либо ещё. Так что он пробовал создать этот новый звук в течение той первой песни и провалился. Так ужасно. А мы были так сильно обкурены. По-настоящему сильно. Всё звучало как дерьмо. Студия пахла травкой и пончиками.

Дрю сделал паузу и улыбнулся в никуда. Он был красив. Сиял.

— Что изменилось? — спросила я.

Его глаза обратились ко мне, и ответ был напряженным.

— После того, как ты ушла?

— Его голос. Что изменило его голос?

— Мы смеялись над Гэри. Он изображал своего ребенка. Ей было два, и она говорила «пикапы» вместо икоты, «щелки» вместо щелкать-хлопать. И...

Улыбка засияла на его лице. Дрю зажал переносицу между его большим и указательным пальцами.

— Стрэт не мог дышать. Мы думали, что он всё ещё смеётся, но он подавился грёбаным пончиком.

Дрю убрал свои руки и посмотрел в потолок.

— О, мой Бог, что произошло?

— Я помню. Я применил к нему прием Геймлиха². Он выплюнул комок пончика, который походил на устрицу. Мы засмеялись. Я почти сломал ему ребра, а мы смеялись. Но его голос... его пищевод, должно быть, искривился или что-то типа того. И его горло стало ощущаться по-другому, но Стрэт знал, как им пользоваться. Он звучал так, словно звук прямиком исходил из легких. Словно он сделал это однажды и больше не мог этого не делать. Это было грёбаным даром.

Дрю склонил голову назад к коробке и вытащил набор катушек аудио записей.

— Тебе не хватает его. Мне так жаль.

— Я мечтаю о том, чтобы я смог остановить его.

Я не ожидала, что Дрю обернет свою руку вокруг меня, но он заскользил по моей спине, вверх по позвоночнику, по моему плечу, затем притянул меня к себе. Я наблюдала, как он поднял крышку маленькой коробочки. Внутри была чистая пластиковая катушка с коричневой магнитной лентой. Это не выглядело волшебством, но для него так и было, и мы стояли в тишине в течение минуты, как будто молились на неё. Затем он захлопнул крышку, как будто выпустил оттуда мысль.

Его рука сжималась вокруг меня до тех пор, пока мне не пришлось обернуть свои руки вокруг его талии. А дальше все было словно танцем. Он обернулся. Я обернулась вместе с ним. Он наклонился. Я приподнялась.

Он пах по-другому. Одеколоном и твидом. Острый и чистый.

Я отвернулась, прежде чем наши губы встретились, и, несмотря на это движение, с ним пришло осознание, что я не знаю этого мужчину; я думала о том, чтобы рассказать ему обо всём, что со мной произошло.

Примечания:

1 — фирменное название системы видеоманитофонной записи в телевидении.

2 — приём Геймлиха, поддиафрагмальный толчок. Геймлих изобрел методику спасения человека, погибающего от удушья от попадания в горло инородного предмета. Статью с описанием своей методики спасения человека, погибающего от удушья, впервые опубликовал в 1974 году, и уже в следующем году она была принята как стандартная методика Американской ассоциацией врачей неотложной помощи. Согласно методу, человек, оказывающий помощь, должен встать за спиной пострадавшего, затем сжать одну руку в кулак и положить её на живот тому, кто в тот момент задыхается. Ладонь другой руки кладётся поверх кулака, быстрым толчком вверх кулак вдавливается в живот. Благодаря этому у человека восстанавливается дыхание.

Глава 18

1982 год — после ночи Куаалюд

Я не знала, что брать с собой, но я точно знала, что должна была уйти. Я вытащила свой самый маленький чемодан Louis Vuitton из дальней части своего гардероба. Я открыла чемодан и начала скидывать туда всё, что первым попало под руку.

Снаружи, продолжалась вечеринка по случаю годовщины. Длинные черные лимузины двигались вниз, оставляя только светящиеся точки белых и красных огней. У меня осталось мало времени.

Я должна была уйти отсюда.

Выйти из этого дома и направиться к клинике абортот. Я примирилась с тем, от чего отрекалась. У меня не будет этого младенца. Не сейчас. Не тогда, когда я стояла испуганная в своей комнате подальше от вечеринки, продолжающейся внизу. Не с моей матерью, получающей сотню поздравлений о том, что она была такой же беременной, как и я. Не со шлепаньем, которое я только что получила, так что мою задницу до сих пор жгло.

Мой отец никогда не делал этого раньше. Будет ли он делать это снова?

Я подняла телефон, чтобы скинуть сообщение... кому? Линн или Инди, или даже Стрэту — кто был последним парнем, которому я бы скинула сообщение, если бы я не была в отчаянии.

А я была.

В отчаянии.

Время шло, и последствия моей глупости собирались обрушиться, как наковальня из мультлика. Меня расплющит. Я не знала, что мои родители собирались делать, не знала, даст ли мне отец даже шанс сказать маме хоть что-нибудь. Но я не могла вернуть назад последние полчаса, которые я потратила, смотря в окно, пробуя разобраться в своей голове.

Определяя чувства, какими они были — Бесполезными.

Это — страх.

«Игнорируй его».

Это — стыд.

«Отправь всё подальше».

Это — сожаление.

«Избавься от него».

Я держала гарнитуру своей верхней губой. Семья Линн знала мою семью. Все мои друзья были одного и того же круга. Меня отправят обратно домой.

«Б-Р-О-В-Ь».

Я набирала так быстро, что мои пальцы скользили на кнопках, и я должна была позвонить. Звонок. Звонок. Три звуковых сигнала.

Я ввела свой номер. Он не узнает его. Я всегда звонила с автомобильного телефона или телефона-автомата. Никогда из дома. Они не знали, где я жила. С одной стороны, это была самая умная вещь, которую я когда-либо делала, поскольку это защищало их. С другой стороны, когда сообщение было сброшено, он не будет знать от кого оно.

Так что я ждала.

Когда телефон зазвонил, я быстро схватила трубку.

— Стрэт?

Он находился на открытом воздухе. Я слышал свист движения машин и звуки музыки вдалеке.

Вечеринка? Показ?

— Син? Как дела?

Голос Стрэта был карамельным, сладким и грубым, он срезал путь к той части моего мозга, которая говорила, что это была плохая мысль. Стрэт должен был уловить остатки паники в моем голосе, поскольку он не звучал подобно обычному себе. И что было делать? Что я могла сообщить ему по телефону из моего собственного дома?

— Мне нужно с тобой встретиться в Санта-Монике у Виноградной лозы в полночь. На бензоколонке.

— Что случилось, детка?

— Не называй меня так, — в то время как я заканчивала своё предложение, дверная ручка в мою комнату повернулась.

— Что...?

Я бросила трубку, прежде чем расслышала остальную часть вопроса.

Глава 19

1982 год — ночь [Куаалюд](#)

«Палихуд» даже не был словом до тех пор, пока мои друзья не стали высокомерно высказываться на счёт неправильной стороны [Пасифик Палисайде](#). Но потребовалось полторы недели, чтобы Палихуд Хаус обрел репутацию, которую Стрэт проницательно сотворил на пользу их общего дела.

«Саунд Брозерс Студиоз». Они зарегистрировали товарный знак во вторник, а в пятницу подали в корпорацию подготовленные документы. Звуковую комиссию ещё даже не назначили, а они уже украли бизнес у «Аудио Сити».

Их вечеринки были полны музыкантов. Некоторые из них были на пике своей славы. Они ожидали, что все будут отсасывать им. Хоук Вромберг мог бы просто прокричать поверх подходящих звуков классической гитары, и его член был бы облизанным за считанные минуты. Это была его прерогатива, но в ту ночь Хоук взглянул на меня, одетую в обрезанные шорты, покрытую зловонием «Мальборо», и решил, что он имеет на меня полное право.

Я щелкала каблуком своих джинсовых башмаков по ворсистому ковру, слушая его разговоры с таким видом, как будто хотела с ним трахнуться. Я не хотела с ним трахаться. Я хотела Инди и Стрэта. У меня было сильное и неприятное ощущение, что я потеряла их обоих, так и не выбрав одного из них.

Хоук что-то рассказывал мне о том, какие все сволочи и предатели в рекорд-лейблах¹. Что они не были музыкантами. Они не понимали процесс (о, Господи!) и были там только из-за денег, а не из-за музыки (Господи!). А понимала ли я?

Я понимала. Его глазки были влажными, а губы — сухими, и мне это очень не нравилось. Я была расслаблена и счастлива, как никогда раньше. Обходя аккуратно гребанные тюльпаны.

— У них есть здесь ванна? — спросил он.

— Ага, конечно. Я покажу тебе.

Я была как хозяйка дома, даже если и не трахалась ни с одним из мужиков, проживающих здесь. Я была вежлива, никому не давала и придерживала низкий уровень алкоголя в своей крови. Должно быть, я была влюблена в них обоих, не чувствуя необходимости выбирать между ними.

Я пробиралась сквозь толпу, Хоук шел позади меня, держась своей рукой за мою спину, а я о ней даже не думала. Он просто не хотел отстать. Инди заметил меня краем глаза через толпу, пока разговаривал с Вилли Шарпом. Линн подмигнула мне, когда я проходила мимо неё. Пару раз нам пришлось останавливаться, чтобы поздороваться с тем или иным гостем, но я помнила о потребности Хоука, поэтому быстро срывалась с места, чтобы добраться до тихой части дома.

Стрэт был на кухне, сидя на кухонной стойке ногами на столешнице, в то время как две девочки хихикали около него. Рука одной из них лежала на ноге Стрэта.

Я сказала себе, что не ревнива, поскольку ревность — это чувство, а у меня их нет. Также, Стрэтфорд Гиллиам не был моим, чтобы мне становиться ревнивой. Это было верное утверждение.

В туалет выстроилась очередь вниз по коридору. Я посоветовала ему отлить в кусты, как это делали другие парни, но он настаивал на ванной. Возможно, ему нужно сделать сидячую сессию. Или у него была фобия.

— Я отведу тебя в спальню, — сказала я. — Ты закатываешь свои глаза.

Я тоже закатила свои глаза.

Существуют такие ошибки, которые Вы можете сделать лишь однажды, Вы просто не посмеете сделать их во второй раз, потому что ставки слишком высоки. Это было одна из таких ошибок.

Я отвела его в туалет через жалюзийные двери. В спальне был матрас и тумбочка из комиссионки. Белые шторы на окнах закрывали вид на заросшую сторону подъездной дороги.

Я указала на полуоткрытую дверь в ванную. Она была отделана розовым матовым стеклом и обоями в цветочек. Дом не переделывался, начиная с шестидесятых годов, а новые владельцы были перспективными рок-звездами, которые вложили всё на преобразование половины здания в студию. Ни у кого не было времени на шикарные ванны.

Хоук улыбнулся мне и поднял свои солнечные очки на макушку. Его глаза были покрасневшими, и он выглядел старше своих лет.

— Это там, — указала я снова и отвернулась, чтобы выйти назад в холл. Я хотела посмотреть, что делал Стрэт. Это было принуждение, и я это понимала, но, если он собирался кого-то трахать, я хотела увидеть это. Видеть её. Или их. Только чтобы удостовериться в том, что я его полностью потеряла.

Хоук не пошел в ванную, а я вновь была настолько потеряна в своих собственных мыслях и намерениях, что не смогла бы заметить это и за милую — когда он схватил меня за руку, я была раздражена, но не напугана.

— Что? — все еще стараясь быть вежливой, я уменьшила резкость своего голоса.

— Ты действительно симпатичная, — сказал он, слегка демонстрируя своё доминирование.

— Благодарю.

— Сексуальная. Со слишком длинным языком. Но мне нравится.

— Позволь мне уйти.

Он отпустил меня. И я почувствовала облегчение буквально на секунду, поскольку он закрыл дверь во внутренний дворик.

Я сложила руки на груди и переместила вес на одну ногу.

— Чувак, я не буду смотреть, как ты отливаешь. Не моя тема, лады?

— А что твоя тема? — Хоук придвинулся ближе ко мне, язык скользнул по нижней губе — так же, как он делал, когда играл на гитаре. Девчонки любили это. Они сходили с ума. Но он не был моей темой.

— Моя тема — пить пиво.

О, Боже, что именно он собирается делать? Моя тема... Индиана был моей темой. Стрэт был моей темой. Те два засранца, которые заставляли меня чувствовать себя так чертовски хорошо, а они почти не прикасались ко мне.

— Как ты любишь делать это? — рука Хоука потянулась ко мне, а я отклонилась подальше.

— Мне нравится делать это по средам, сегодня — суббота. Извини. Мои ноги закрыты на выходной.

Я попыталась обойти его, но он вытянул свою руку и схватил меня за челюсть. Хоук сжал свои пальцы так, что мой рот открылся. Я согнула свои колени в попытке вырваться, однако он дернул меня вверх.

— Твой рот открыт, как хорошая дырка для члена.

«Я упоминала раньше, что он был блестящим лириком?»

Я вскрикнула и толкнула его, а он зажал меня между стеной и своим телом, его эрекция прижалась ко мне. Первый стояк, который я когда-либо чувствовала. Я завизжала.

Хоук провел двумя маленькими синими капсулами перед моими глазами. Я пробовала сфокусироваться, но всё мое лицо болело от его хватки.

— Ты полюбишь это, — он закинул одну капсулу себе в рот, а другую засунул глубоко мне в глотку. — Глотай.

Я трясла головой, пытаюсь кричать и вырваться, но он зажал мою челюсть, чтобы закрыть рот. Я пробовала дышать, пытаюсь избавиться от веса его тела на моих ногах, но он рухнул вниз вместе со мной. Я залепила ему пощечину, и он принял её с рычанием.

— Тебе нравится грубость. Я так и знал. Могла бы и сказать.

Я не могла пошевелиться. Мы оказались в углу, его ноги и рука прижимали меня к стене. Лицо Хоука было скользким от пота, а язык продолжал облизывать сухие губы.

Я собрала все свои силы. Если я достаточно наслюнявлю, может быть, это позволит выскользнуть моему лицу? Возможно, кто-нибудь на вечеринке услышит мой крик сквозь музыку. Но дополнительная слюна растворила желатин капсулы, и мой рот затопил горький сок.

— Хорошая девочка, — сказал он.

«Если я такая хорошая, то почему он по-прежнему держит меня?»

Я не могла спросить это у него из-за руки, зажимающей мне рот. Если бы я смогла пошевелиться, прежде чем начнет действовать [куаалюд](#), я добралась бы до Стрэта или Инди, и они защитили бы меня. Но как только он попадет в мою кровь, я буду под кайфом и сильно возбуждена. Я не буду собой. И, вероятно, я раздвину свои ноги, как будто сегодня среда.

Он мог трахнуть любую девчонку, которую хотел. Эта вечеринка была полна кисок для таких парней. Почему я? Я хотела спросить, но его рука всё еще зажимала мой рот. Другая раздвигала мои колени.

— Ты такая прелестная, маленькая штучка. Я думаю, что ты очень тугая. Каждый здесь хочет тебя. Ты знаешь это? Мы говорили об этом. Как мы хотим тебя, а ты нам не даешь. Хорошо, теперь мы можем поговорить о том, как я заставлю тебя отдаться мне.

Я тяжело дышала через нос, руками вцепившись в его куртку. Я не знала, как удрать, в то время как Хоук продолжал говорить слова, которые должны были льстить и возбуждать меня.

— Я вижу соски под твоей рубашкой. Такие напряженные. Детка, ты такая сексуальная. Тебе захочется этого так сильно через пару минут. Ты будешь умолять об этом. Не борись с этим, — он протолкнул свою руку к внутренней стороне моего бедра, пальцы достигли моих шорт, касаясь кожи. Моей киски.

Я пиналась так, что один каблук моих башмаков отломился.

— Видишь? — сказал Хоук. — Не золотая совсем.

Я снова начала визжать и извиваться, а он достал пальцами до моих шорт и потянул. Я соскользнула на ковер, и мои шорты оказались спущены до середины бедер. Я открыла свой рот, чтобы закричать, но он засунул туда четыре пальца, блокируя звук.

Откуда-то последовал удар, и я подумала, что он ударил меня, но была неправа. Я могла слышать и чувствовать запах вечеринки, и внезапно Хоука больше не было на мне. Я заглывала воздух. Я пыталась отодвинуться от него, но только лишь покачнулась в воздухе. Я просто завершила действие, которое не могла завершить секундой ранее.

— Эй, мужик! — выкрикнул Хоук, но было слишком поздно.

Хоук отскочил от двери туалета, а Стрэт бил его в лицо. Две девочки из кухни стояли в дверном проеме. Та, что с размазанной помадой на лице, сбежала, а другая стояла в шоке и ужасе, в то время как Стрэт обрушивал свой кулак снова и снова. Мышцы его спины напрягались и растягивались, перемещая музыкальные линии подобно холмистым волнам.

Стрэт разносил Хоука в пух и прах. Девочка закричала и посмотрела на меня, вот тогда я поняла, что мои шорты и трусики были спущены до колен.

— Скажи ему, что ты хотела этого! — визжала она из дверного проема.

— Что?

— Он убьет его! — закричала она.

Словно в ответ, я услышала треск и грохот дверей туалета. Я пробовала встать, но моя рука поскользнулась на каблуке моих башмаков. Я приземлилась на локоть.

Я ничего не почувствовала. Это было моё естественное состояние, однако это конкретное оцепенение вызывало беспорядок и причиняло боль. У меня получилось встать на колени, в то время как Стрэт бил Хоука снова и снова.

Девочка в дверном проеме была довольно смелая. Она встала между ними и пробовала отодвинуть Стрэта прочь. Она определенно усложнила ему задачу наносить прямые удары, но выиграла достаточно времени, чтобы Инди мог пробраться в комнату.

Всё случилось так быстро и с такими сложностями, что мои шорты всё ещё были спущены. Это — было именно тем, что замертво пригвоздило Инди. Не кровь, стекающая по лицу обладателя Гремми. Не вскинутый кулак Стрэта. А я. Моё голое тело.

Дерьмо!

Я натянула свои шорты.

Инди повернулся к Стрэту, положил свою руку на его плечо и, подтолкнув, стал протискиваться между Стрэтом и его грушей для битья.

— Что случилось? — спросил Инди так мягко, словно это была гармония сотни тысяч небесных тонов.

— Я отмудохал его, — Стрэт развернулся ко мне, и Инди последовал за ним.

Я стояла на коленях, задницей-на-каблуках, руки скрещены на груди.

— Я в порядке.

— Ты не в порядке, — наехал на меня Стрэт.

Своим взглядом он проследил, как Инди поднял меня, затем повернулся к Хоуку, который только поднимался на ноги с помощью девочки со смазанной помадой.

— Съ*бывай, — сказал Инди, размахивая рукой. — Все вы. Вон.

Инди помог мне. Он посмотрел мне в глаза.

— Что он тебе дал?

— Люд².

Он покачал головой.

— Хотел бы я, чтобы Стрэт убил его.

*Бл*дь. Я собиралась плакать?*

*Во имя любви, бл*дь.*

Останови это.

Он положил свою руку на заднюю часть моей шеи. Следующая вещь, которую он сказал, была настолько нежной и сильной, и его голос звучал как слой гравия на дне глубокого синего моря.

— Ты в безопасности теперь.

Море возвысилось, продвинулось вперед, завернулось наверху белыми пузырями и окатило меня. Я не могла больше сдерживать поток эмоций, это было бы так, словно я старалась удержать спичками приливно-отливную волну.

Чувства: радость, похоть, приятное удивление, возбуждение, ненависть, отвращение, гнев, любовь, любовь, любовь... хорошенько смазанные куаалюдом, а также то, что мне едва удалось избежать изнасилования — всё это сокрушило меня обрывочными фрагментами. Я ничего не могла понять. Я рыдала грёбаным потоком слез обо всём, за что я держалась в течение месяцев.

Возможно, лет. Возможно, всегда. В комнате никого не было, кроме Инди и меня. Стрэт выкинул Хоука за шиворот. Инди крикнул, и дверь закрылась перед носами всех зевак.

Инди взял меня за подбородок и посмотрел мне в глаза. Всё становилось темным, а я была вся в слезах, но он увидел достаточно в моём лице.

— Они уже расширились.

«Я в порядке».

Я думала так, но не могла сказать.

Он обхватил меня за плечи и под коленями. Другой мой башмак упал, пока он нес меня...

«Куда ты несешь меня?»

...на матрас, где он попробовал опустить меня вниз...

«Я так не думаю».

...но я схватила его за шею и потянула вниз до тех пор, пока его лицо полностью не заполнило моё зрение...

«Видишь? Я больше не плачу!»

...и он опустил меня вниз, но оставался очень близко. Инди смотрел неохотно, но его зрачки были размером с шары для боулинга. Он был со мной, вне зависимости от того, где я витала. Зрачки не врут. Он был под теми же колесами, которыми меня накачали, либо каким-то другим... запрещенным наркотиком.

«И что теперь? Сделай это сейчас!»

Он пах как мужчина. Мой мозг не мог сформулировать предположения, но...

«мускус, пот и хлорка из бассейна»

...этот смешанный аромат привел к всплеску вожделения между моих ног, да такому, что стало практически больно. От этого я выгнула спину, мои веки затрепетали, а губы приоткрылись и...

— Это — люд, Син.

...это было здорово, хотя возможность для более приятных ощущений казалась безграничной пустотой, которую я могла заполнить здесь и сейчас. Я засунула руку между ног и потерла себя через шорты, потому что...

«о, Боже, как же хорошо... хорошо».

...вся пустота была внутри меня, и я должна была её заполнить. Он должен был заполнить её. Инди должен был. Он был красив, и я любила его. Тихий голосок в моей голове был наркотическим бредом. Я знала, что он не пробьется к здравому смыслу, но мне было плевать.

Я взяла Инди за руку и положила её между своих ног. Я была такой горячей, что он всосал воздух между зубами, когда его пальцы оказались там.

— Я хочу тебя, — прошептала я, внезапно осознавая достаточно, чтобы связать три слова.

— Нет, не ты. Это всё...

— Люд. Я знаю. Я могу сказать, что чувствую.

Я раздвинула свои ноги и...

«Ты действительно это делаешь?»

...провела его рукой по промежности, и пальцы Инди нашли путь к остальному, пока он не почувствовал насколько влажной я была.

— Ни хрена...

— О мой...

— ...себе.

— ...Бог!

Его пальцы пробежались вдоль моей щелки, потом ещё раз по моему клитору, и я взорвалась: рот приоткрылся в молчаливом крике, мышцы сократились, колени подогнулись.

Это был самый мощный, и в тоже время самый неудовлетворяющий оргазм, который у меня был. Я нуждалась в большем. Я была пустой. Полная эмоций. Наполненная радостью, похотью и циркулирующим стремлением, я представляла собой воронку из всего этого, стремившуюся заполнить пустоту его сформированным телом.

Инди задумался на миллион лет, а потом опустил свои губы на мои, открывая свой рот и просовывая язык.

«Это оно».

Я доверяла ему. Вес его тела, толчок его бёдер, подталкивающий его член в меня. Я распадалась напротив него так, как будто это была моя основная задача. Я собиралась кончить снова, цепляясь за его рубашку и стягивая её через голову. Возбуждение было таким сильным, что затмило всё.

— Сколько тебе лет, Марджи?

— Восемнадцать, — я стянула свою майку. — Плюс-минус.

У меня не было привычки носить лифчик, но я даже не успела полностью снять рубашку, прежде чем почувствовала его зубы на своих сосках.

— Мне двадцать, — сказал он.

— Приятно познакомиться.

Инди стянул мои шорты и трусики одним движением и расположился между моими раздвинутыми ногами. На его голой груди было немного каштановых волос и татуировка в виде скрипичного ключа с птицей над сердцем. Я потянулась к его ремню, но мои руки не были достаточно длинными для этого.

Он схватил мои запястья и поднял руки над моей головой, прижимая их к стене, затем поцеловал меня.

— Я хотел тебя уже очень давно.

— Я знаю.

— Я не должен, — сказал он. — Ты не в себе.

— Так же, как и ты.

— Да.

Он скатился с меня и лег на спину. Подцепил большими пальцами свои шорты, приподнял задницу и стащил их с себя.

Его член!

Мое сердце ушло в пятки. Я хотела этот красивый член. Возможно, у меня была хорошая дырка для траха, поскольку при виде члена пожар в ней разгорался. Я села с широко раздвинутыми ногами, как только его шорты были сняты.

Это был люд. Я не могла даже думать. Инди толкнул меня на себя, его длина терлась по моей промежности, где я была насквозь мокрой. Я скользила вверх и вниз, дразнясь от самого процесса.

— Люд заставит тебя кончать много раз, — сказал он. — Так сделай это. Давай.

Слова. Я не знала, что такие слова могут сделать. Разрешение отбрасывает тень на свет запрещения. Я прижималась к нему — клитором к члену, и кончила снова, цепляясь пальцами в его плечи. Я вздохнула, сомневаясь, что делаю всё правильно. Я посмотрела на него для подсказки и поняла, что я, должно быть, была хороша, поскольку парень прикусил свою нижнюю губу, толкаясь в меня.

Такой полу секс был хорош, но я всё ещё оставалась девственницей.

— О да, — сказала я. — Давай сделаем это.

— Ты такая горячая. Такая горячая, — он схватил свой член у основания и приставил к моему входу.

Я расположила себя над ним, затем...

«Вот оно, Маргарет»

...я опустилась вниз. Его лицо нахмурилось от беспокойства, когда...

«Сейчас или потом, но лучше сейчас»

...мы столкнулись с сопротивлением, но...

— Подожди, — сказал он.

Я сильно толкнулась вниз, и что-то внутри меня порвалось. Что-то повредилось, и это причинило мне боль. Я замерла на секунду, с ним, похороненным внутри меня, удивляясь боли, возникшей от растяжения во время моего открытия и аккуратного проникновения внутрь.

— Ты мне не сказала, — выдохнул он сквозь зубы, но не от гнева, а от осознания, что он не предполагал такого расклада.

Я нуждалась в нем. Я не могла притворяться, что была опытна или компетентна в таких делах. Я видела, что видела и знала то, что знала, но этого было недостаточно. Куаалюд сделал меня нетерпеливой и радостной, наполненной чувством, что ничто не могло идти не так, как надо.

— Покажи мне, что теперь надо делать, — сказала я.

Он взял меня за шею и притягивал к себе до тех пор, пока я не была в дюйме от его моргающих глаз и не смогла почувствовать его дыхание на своих висках.

— Я не хочу причинить тебе боль.

— Я запомню тебя навсегда. Ты собираешься сделать это незабываемым или как?

Инди погладил мою щеку большим пальцем. Его слова были жестокими, но тон оставался ласковым.

— Ты уверена, что у тебя нет пары яиц?

— Это — последняя вещь, которую ты должен спрашивать.

— Ты действительно нечто, Марджи. Ты не нуждаешься во мне. Ты ни в ком не нуждаешься. Это — то, чего я боялся всё это время, что кончу в тебя и больше никогда тебя не увижу.

Сколько минут прошло с тех пор, как Хоук заставил меня проглотить люд? Пятнадцать минут? Двадцать? Комната под углом освещалась солнцем, омываясь голубым, но сейчас время ничего не значило.

Я не понимала ничего из этого, я просто чувствовала. Немотивированный восторг, вызванный наркотиком, я насильственно напичкана и скачу на жеребце позади деревянного забора. С каждым ударом, замок сгибался. Скоро забор собирался

обрушиться вниз — расколотой кучей, а я собиралась пообещать ему вечность вместе, ради следующего, следующего и последующего оргазмов.

— Я двигаюсь как-то так? — я крутанула бедрами и опустилась вниз до тех пор, пока не достигла уровня, где почувствовала сдавленную боль глубоко внутри, а мой клитор не потерял об него.

Инди застонал. Это было хорошо. Он взял меня за бедра и приподнял вверх, а затем снова опустил вниз.

— Как-то так, — сказал он, руки скользнули вверх от моей талии к сиськам. Он сжал их, и новый всплеск удовольствия сотряс мое тело.

Я двигалась вверх и вниз, пока он был глубоко во мне.

— Толкайся на меня, — Инди взял мои сиськи, чтобы прижимать их к себе, так, чтобы мои соски терлись об его тело.

Я задышалась.

— Когда ты будешь кончать, наклонись так, чтобы получить всё, что возможно. Давай.

Я сделала то, что он сказал, позволяя моему клитору прочувствовать его длину.

— О боже! Это... Бл*дь.

Мы двигались медленно вверх и вниз, глубоко надавливая; трение и давление, приближающее меня так близко к третьему оргазму.

— Если я заставлю тебя кончить в твой первый раз...

— Золотая звездочка! Твою мать. Боже. Золотая звездочка — это так хорошо.

— Ты скоро кончишь. Пожалуйста, скорее кончай, я так-близко-нет-я-уже, — глаза Инди закрылись, а его челюсть напряглась.

Я думала, что наркота уже заставила меня почувствовать себя хорошо. Я думала, что она возбуждала меня больше, чем обычно, но я даже не была на полпути к этому. Скачка на жеребце прорвала эмоциональные щиты, и я была ошарашена вспышкой радости и любви. Я закричала, разрывая грудную клетку, взорвав мозг эмоциональным взлетом.

Мой мир омыло солнечным светом и, в то время как я вобрала в себя его член, глубоко и сильно, мой оргазм затопило оранжевым, глубоко красным, взрывчаткой, сосредоточенной на клиторе и разуме, в центре чего-то настолько яркого, что я не могла увидеть, кем была до этого.

Я упала на него сверху, едва дыша. Его грудь поднималась и опускалась подо мной.

— Золотая звездочка, — я задышалась. — Я запомню тебя навсегда.

Он засмеялся.

— Ты даже ещё не начала запоминать меня.

Примечания:

1 — Лейбл звукозаписи ([англ. record label](#), торговая марка звукозаписывающей компании) — [бренд](#), созданный компаниями, занимающимися производством, распространением и продвижением аудио- и иногда видеозаписей (главным образом музыкальные видеоклипы и видеозаписи [концертов](#)) на носителях разных соответствующих форматов, среди которых [виниловые пластинки](#), [компакт-кассеты](#), [компакт-диски](#), [мини-диски](#), [SACD](#), [DVD](#).

2 — сокращение от [Куаалюд](#).

Глава 20

1983 год

Стрэт умер примерно через шесть месяцев после того, как я видела его в последний раз, а узнала об этом я ещё примерно через шесть месяцев. Я находилась в библиотеке, пытаюсь догнать школьную программу с новообретенными амбициями.

Стойка с библиотечными журналами была прямо перед материалами для Дискуссионного Клуба, я остановилась, когда увидела усыпанную музыкой голую грудь Стрэта на ней. Я прикусила нижнюю губу. Я была дома целый месяц, но не звонила ни ему, ни Инди. Я не хотела объясняться насчет ребенка или того, что было (или не было). Мне хотелось забыть. Я стала новой женщиной.

Но Стрэт выглядел величественным на том фото, которое была затемнено таким образом, чтобы сделать его более загадочным. Мне стало любопытно.

Глава 21

1982 год — утро после ночи [Куаалюд](#)

Утром, после того, как мне засунули в глотку куаалюд, я проснулась на кушетке с головной болью. Инди уже был на кухне, медленно поглощая стакан воды.

— Куда ты ушла прошлой ночью? — спросил он.

— И тебе доброе утро, — свет ощущался слишком жёлтым. Воздух причинял боль. Пол и небо были слишком громкими.

— Сюда, — Инди вытряхнул три таблетки аспирина из бутылки мне в ладонь. Кружки были слишком идеальными и слишком белыми, большая «Би»¹, выгравированная на них, слишком выделялась.

Он налил стакан воды для меня. Я проглотила пилюли и целиком опустошила стакан.

— Спасибо тебе, — сказала я, протягивая ему стакан обратно.

Он забрал его, а затем взял моё запястье и притянул меня к себе. Кость скрипнула о кость, но это не было больно. Я позволила себе облокотиться об него.

— Я должен кое-что тебе сказать, — сказал Инди мне на ушко и погладил мою спину. Это тоже не причиняло мне боль.

— Я хочу провести ещё одну первоклассную ночь, но без людя.

— Ммм.

— Или Стрэта.

Я сглотнула.

«Иисус! Прошлая ночь».

Я ничего не забыла, как бы сильно мне не хотелось проснуться, будто бы у меня была лихорадка Денге² или что-то в этом роде. Но, да. Вчера всё случилось.

Я отклонялась назад до тех пор, пока не смогла заглянуть ему в глаза.

— Я думаю, что мне сегодня надо просто поспать.

— Ты можешь остаться?

Я прикинула. *«Конечно. Я якобы была в походе».*

Я ненавидела походы, но мне пришлось солгать.

Правильно? Я должна обернуть свою жизнь в ложь.

— Инди, я хочу сказать тебе кое-что. После того, как я расскажу тебе это, ты не захочешь больше меня видеть.

Он сделал кое-что, от чего у меня перехватило дыхание. Инди наклонился и вытащил мои ноги из-под меня, располагая свою руку прямо под моими коленями.

— Никогда не рассказывай. Никогда не говори мне это.

Его губы были слегка сжаты, и я без слов поняла, что он всё знал.

— Ты уверен?

— Да.

Я подняла одну руку.

— Даю обещание.

Инди засмеялся, и, хотя этот звук был громким, он не причинял головной боли.

— Мои руки заняты. Представь, что я её поднял.

— Клянись, что ты не хочешь узнать. Клянись, что сейчас всё хорошо, и не важно, что я собиралась тебе сказать.

— Клянусь. Я принимаю твоё обещание.

Я обернула свою руку вокруг его шеи, опустила голову ему на плечо и позволила Инди отнести меня в его комнату.

В течение последующих нескольких недель я жила, постоянно проводя своё время с Инди. Я помогала со студией, стучала молотком и красила, получала коробки и протягивала провода. Я могла бы делать это вечно, потеряв целый мир, но приобретая свою душу.

Но там не было души, которую можно было получить.

Примечания:

1 — заглавная буква названия таблеток.

2 — пятидневная лихорадка — острое трансмиссивное вирусное заболевание.

Глава 22

1994 год

— Право на отказ от дачи показаний или представления доказательств, — сказал Дрю, запихивая коробку наверх.

Я подала ему следующую коробку. Уже почти что стемнело, но мы практически всё сделали. Я хотела провести всё время, наблюдая за венами на его предплечьях и тем, как его бицепсы выпирали из-под рубашки, за движением его губ, когда он говорил.

— Я сделал всё сам, — пожаловался он.

— Ты не должен останавливаться, пока можешь выставлять счёт в двести пятьдесят за час. Право на отказ от дачи показаний или представления доказательств.

Я подняла другую коробку и принесла её ему. Они не были тяжёлыми.

— Адвокат-клиент. Доктор-пациент. Супруги. Священник-кающийся.

Он подтолкнул коробку на самое верхнее место в гряде таких же коробок, и я подала ему последнюю.

— Всё, — хлопнула я в ладоши.

— Контракты, быстро...

— Ты не можешь перейти от улик к контрактам...

— Строительство. Дай мне средства правовой защиты.

Я уперлась руками в бедра. Он добавлял затруднений, и мне это нравилось.

— Нарушения застройщика. Нет — средства правовой защиты. Нарушения владельца. Строитель получает рыночную стоимость проделанной работы.

Он придвинулся ко мне.

— Продажа земли, — сказал он бархатым нетребовательным тоном.

— Платежи меньше стоимости земли.

Он прикоснулся к моим локтям, притягивая к себе, так что они перестали образовывать углы на моих бедрах.

— Продажа товаров.

Я позволила своим рукам обвить его талию. Я хотела его прямо здесь, на кипе коробок, вдыхая плесень и спертый воздух. Начиная с Ирландии у меня было несколько парней, но я никогда не чувствовала себя настолько умиротворенно. Мог ли он вернуться в мою жизнь всего лишь на денек? Неужели это происходило только сегодня утром, когда он налетел на меня в комнате ожидания? Я чувствовала себя так, как если бы мы добрались туда, где всё оставили.

— Мы всё ещё об аннулировании? — промурлыкала я.

— Ты действительно очень милая, когда тянешь время.

— Контракт будет отменен, а другая сторона сможет предъявить иск о нарушении.

Я наклонила свою голову, вдыхая сущность Дрю/Индианы. Я могла фактически попробовать его.

— Не совсем, — сказал он с придыханием, его губы задевали моё лицо. — Необходимо выявить несоответствующие товары, прежде чем аннулировать контракт и получить судебный запрет.

Наши губы должны были соприкоснуться на слове "судебный". Я приподнялась на пальчиках ног и потянулась к нему, мои руки чувствовали напряжение его талии.

Но затем гром разорвал воздух, и дождь внезапно забарабанил в окно, я отскочила слишком далеко, чтобы снова прикоснуться к Дрю.

— Дерьмо, — сказала я.

Без слов мы бросились к двум коробкам, которые оставили снаружи. Он засунул их в багажник своей арендованной Ауди, и мы забрались внутрь.

— Где ты остановился? — спросила я. — Я имею в виду... просто...

— Они поселили меня в квартире в Сенчури-Сити¹.

У фирмы были апартаменты для приезжающих клиентов. Имело смысл, что они также использовали эти апартаменты для приезжающих адвокатов.

— Она находится через весь город от офиса, — заявила я очевидное. Для клиента — Сенчури-Сити имел смысл. Для служащего — это было глупо.

— Я получаю реальный Лос-Анджелесский опыт, трафик и прочее, — он завел машину. — А где ты обитаешь?

— Я живу в Калвере, но моя машина осталась в центре города, и сегодня вечером у меня семейная встреча в Малибу.

— Это хреново, — сказал он.

— Я могу взять такси до центра.

Час пик, мне придётся двинуться на Запад. Так я доберусь к ужину только после десяти и не увижусь с моим братом. У него были неприятности в школе и, хотя вытаскивать из них брата не было моей работой, я была единственной, кого он слушал.

Больше всего, я не хотела брать такси до центра города. Я ещё не закончила с Дрю.

Я говорила раньше, что подумывала о том, чтобы раскрыться перед ним.

— Партнеры пригласили тебя на ужин сегодня?

— Прошлым вечером.

— Поехали на ужин в дом моей семьи. Ты сможешь поглазеть на размер этого дома. У нас классный повар, и у меня есть семь мелких родственников, чтобы играть с ними. Если, конечно, ты любишь детей.

— Я люблю детей.

Конечно, он любил.

Примечание:

1 — район Лос-Анджелеса.

Глава 23

1982 год — через пять недель после ночи Куаалюд

Тест на беременность в моем рюкзаке повис более тяжким грузом, нежели огромная квадратная глыба книг, которую пришлось тащить. Я, как правило, не таскала все свои учебники с собой. Обычно мы покупали отдельный набор учебников для дома, так что я носила только свои тетради. Но мне было необходимо спрятать глупый тест. Няньки и домохозяйки начали подозрительно приглядываться к тому, что я делаю и куда хожу; и я совершенно не знала, когда одна из них собиралась «без задней мысли» ускользнуть или шпионить.

Группа уехала в Нэшвилл на встречу с продюсером. Две недели — идеально. У меня, как предполагалось, должны были быть месячные в тот же период времени.

Но их не было.

В день, когда парни должны были вернуться из Нэшвилла, я получила сообщение с телефонного номера из дома в Палихуд. Я вышла со своим рюкзаком, не имея никакого дальнейшего плана. Я не знала, что им сказать. Я не могла даже сделать тест до следующего утра, ну и чего я ожидала? Что я хотела?

«Должна ли я вообще говорить им, что у меня задержка — девять дней?»

Я имею в виду, ну и что из этого? У меня и раньше были задержки — мой цикл не регулярный. Был ли смысл беспокоиться обо всём этом, пока я размышляла о том, стоит ли попросить у них телефонный номер клиники абортот?

Боковая дверь была не заперта, и я как всегда пришла без предупреждения. Я подумывала оставить свой рюкзак около двери, однако эту огромную проблему стоило держать под замком, так что рюкзак по-прежнему висел на моем плече.

Я собиралась пойти на кухню, так как там были пиво и сигареты, но почувствовала вибрацию пола. Я замерла, прислушиваясь. Птицы. Автострада. Тиканье часов. Мужчины, разговаривающие за стеной. И музыка.

Я пошла в ту сторону дома, где находилась студия.

Студия была отштукатурена и покрашена. Она находилась этажом ниже. Золотые пластинки и фотографии группы висели на стенах. В изолированную кабину было установлено окно, а звукоизоляция на стенах была похожа на картонки из-под яиц.

Стрэт стоял перед микрофоном, его медно-золотые волосы были завязаны у основания шеи, высвобождая ноту, которую я не могла видеть. Дверь к смежной технической комнате была приоткрыта. Я заглянула внутрь. Инди сидел за пультом, в то время как парень с козлиной бородкой, которого я встречала раньше, распутывал какие-то провода.

— Чувак, — сказал Инди в микрофон, смотря на Стрэта через окно.

— Чувак, — ответил Стрэт в собственный микрофон. — Действительно?

— Теплый, как девочка по середине, — радостно ответил Инди.

Мое сердце резко сжалось. Я отругала себя. *«Ради бога, это была просто метафора»*. Я внушала себе, что мне всё равно. Так или иначе, у меня не было чувств по данному поводу. Мне нравился Инди, и он был для меня просто забавой...но только он не был.

Мне не нужно быть особенной для него.

«Как долго ты ещё собираешься убеждать себя в этом?»

Я открыла дверь, прежде чем смогла бы ответить себе на вопрос.

Инди обернулся. Затем звукоинженер. Мужчина, чьего ребенка я могла вынашивать, в приветствии дёрнул свой подбородок в мою сторону, затем развернулся обратно к яично-картонно-разлинеенной комнате.

— Дай мне следующую строчку, Стрэтти, — Инди быстро что-то черкнул в записной книжке, и даже не взглянул на меня, когда сказал. — Закрой дверь, Син.

Я закрыла её спокойно, мягко положила свой рюкзак на диван позади пульта, как будто монстр внутри меня спал.

Стрэт был одет в белую футболку и черные джинсы с цепью, которая образовывала петлю от пряжки ремня до его заднего кармана. Она раскачивалась всё время, пока он пел. Его голос был магическим. Прошло слишком много времени с тех пор, как я слышала его в последний раз.

— Мне надо поговорить с вами, парни, — сказала я.

— Думаю, что нам надо убрать предусилитель¹, — сказал Козлиная бородка.

Инди слегка переместил рычаг так, что это было практически незаметно. Версия более низкого уровня голоса Стрэта заполнила комнату, в то время как он рокотал в микрофон.

— Нет, — сказал Инди, даже не взглянув на меня. — Заставь это работать. Мы не будем менять звучание вокала.

— Несомненно, но... — последовало слишком много технических терминов, которые я не понимала.

Инди уклонялся от технической ерунды, а Козлиная бородка собственно преследовал цель предъявить кипу счетов, которую он вытащил из своего переднего кармана. Судя по всему, моя просьба об аудиенции была отклонена.

В кабине Стрэт рокотал ноты, притопывая ногой и напевая строки.

Никогда до этого момента я не чувствовала себя с ними посторонней, но я никогда и не видела их за работой. Это было неудачное время. Я вернусь к ним, после того как сделаю тест. Или нет. Но в любом случае, я сделаю то, что должна, с их разрешения или без него.

Я схватила свой рюкзак. Когда ручки натянулись под весом, мне пришлось приложить немного больше сил, чтобы поднять его, а мне хотелось, чтобы я могла положиться на кого-нибудь. Ещё мне хотелось, чтобы я не всегда была такой отстраненной, такой холодной, такой сдержанной. Я хотела привыкнуть к эмоциям, поскольку у меня они были, а я не умела их выражать. Они проносились во мне так быстро, что я не могла их определить, гораздо проще было преодолеть их.

Я закинула рюкзак на плечо и посмотрела на своё отражение в стекле. Я стала прозрачной. Наложённая на безразличие Стрэта.

Я возненавидела это. Нужду. Ребячество. Нытьё. Привязанность. Отчаянье. Я увидела себя со стороны. Без контроля. В попытке выпутаться. С жадной одобрения. Несколько синонимов типа «всё будет хорошо» не спасут меня от проблем. Даже чуть-чуть. Тогда почему они так сильно мне нужны?

Когда я открыла дверь, Инди развернулся на стуле.

— Ты что-то хотела?

— Это может подождать.

Я ушла, спасаясь от самой себя. Я смогу справиться с пустотой. Я смогу справиться с одиночеством и изоляцией. Этот натиск необходимости собирался убить меня. Если любой из них станет поглаживать меня по головке и скажет, что он «поможет мне», «будет там со мной» или «я сделаю всё, что ты захочешь, детка», то я пошлю его на х*й.

Так что, когда я услышала голос Инди позади себя, меня захватило искушение просто продолжать идти по коридору. Но нуждающаяся часть меня победила. Я обернулась, по крайней мере, сказать ему: «Не парься. Со мной всё в порядке». Положение

его тела, на половину выглядывающее из технической комнаты, сказало мне, что он только приветствовал мой уход.

Но я не могла. Этот горячий пузырящийся беспорядок внутри меня нельзя было заставить заткнуться.

— С тобой всё в порядке? — спросил он.

«Я думаю, что я беременна».

«Меня тошнило утром».

— Всё в порядке. Добро пожаловать обратно.

— Спасибо, — он отклонился назад в техническую комнату, и это предоставило мне возможность сделать ещё на несколько шагов по коридору к выходу — спасенная и в тоже же самое время покинутая. — Ты вернешься сегодня вечером?

— Зачем? — я не обернулась, всё еще находясь к нему спиной.

— Зачем?

Я не знала, как ответить. Не знала, как продолжать двигаться или думать. Я знала только, как выпалить о своих проблемах.

Что-то внутри меня оборвалось.

Но было поздно.

Но я знала, как заткнуть себя. И я едва знала, как дышать без чувства напряжения между словами и дыханием.

— Ага, — сказала я. — Зачем?

— Затем, что мы вернулись, и соберутся люди. В чём проблема, Син?

Он хотел получить хреновый честный ответ. Он знал моё гребаное имя, но он никогда, бл*ть, меня им не называл.

Син.

Син, моя задница. Моя бл*дская левая сиська. Принимая мою глупую выходку с фальшивым именем и бросая его в меня подобно ушату с холодной водой.

— Вы работаете. Мы поговорим позже.

Если бы я просто была способна уйти, ситуация могла сложиться по-другому, но мы были молоды. Я должна была дать ему шанс предоставить мне то, в чём я так нуждалась. Но нет, этого не должно было произойти. Индиана Эндрю МакКаффри должен был застолбить свою территорию.

— Возможно, — он пренебрежительно махнул мне, и это потенциально спустило все мои потребности в унитаз.

— Что ты имеешь в виду под «возможно»?

— Люди соберутся, и станет трудно разговаривать. Значит, ничего страшного.

Я бросилась из коридора к нему, вес моего рюкзака подталкивал меня вперед, я ткнула в него пальцем.

— Ничего страшного?

Он пожал плечами и оглянулся назад к технической комнате так, будто ему до смерти не терпелось туда вернуться. За всю свою жизнь я ни разу не чувствовала себя настолько одинокой.

— Ага.

— Не смей говорить мне, что ты не найдешь времени поговорить со мной. Я, бл*дь, никогда ни о чём тебя не просила, ты...

— Бл*дь, это правда, — его тон был словно шлакобетонный блок стены, и я сжалась внутри, даже когда выстроила свою собственную стену, высокую и надежную. — Послушай, если ты слетела с катушек, ты не будешь, бл*дь, первой.

— Что?

— Я буду удивлен. Ты не походила на такой тип. Но прежде чем мы «поговорим», я собираюсь повторить то, что мы сказали друг другу в ночь, когда встретились. «Чувства — не реальны», так что мы не паримся. Правильно? Мы не сходим сума. Верно?

Сумасшествие. Мир и каждый в нём были сумасшедшими. Ведь у меня были чувства. Я не знала, что это за чувства или даже кому они предназначались. Возможно, у меня были чувства к такому образу жизни, который уже собирался завершиться.

— Послушай, — сказал он, протирая большим пальцем нижнюю губу. Достаточно сильно, чтобы причинить дискомфорт. — Мы действительно заняты прямо сейчас. И нет времени для этого.

Какими бы ни были мои чувства, Инди не собирался помогать мне с ними разобраться, да и хрен с ним. Я не нуждалась в нем или в его помощи. Он даже не знал, что делать с его собственными грёбаными чувствами.

— Тебе лучше вернуться к работе, — ухмыльнулась я.

Я забрала свое сумасшедшие и пошла по коридору, не оглядываясь.

«Пошли его подальше всеми возможными способами к воскресенью».

«Пошли их обоих».

Примечание:

1 — Предусилитель (предварительный усилитель) — электронный усилитель, преобразовывающий слабый электрический сигнал в более мощный.

Глава 24

1994 год

Ауди скользила сквозь дождь подобно мачете, и Дрю вел машину так, как будто он жил в месте, где дождь шел более двух месяцев в году. Я чувствовала себя в безопасности. Снова.

— Я видела тебя в «Ролинг Стоун», — сказала я так, будто только пыталась завязать разговор. Я просматривала черную сумку с CD дисками. Несомненно, это — малая часть того, что у него была дома.

— Это была такая шутка.

— Слишком искупительная?

— Я употреблял только половину наркотиков, что мне приписали.

— Это всё ещё слишком много.

Он улыбнулся.

— Ага. Их было навалом. Это были восьмидесятые. Что я могу сказать тебе? Я был разбит. «Саунд Бронзерс» приносили кучу денег, а я был разрушен после смерти Стрэта.

Я выхватила диск из кармашка. «Убийца штата Кентукки». Альбом, который превратил меня в группы и принес им договор, который профинансировал студию. Тот, что лежал с демо¹ в багажнике автомобиля.

— Мне жаль, — сказала я.

Дрю пожал плечами и посмотрел в зеркало заднего вида, прежде чем сменить полосу, как будто ему было необходимо что-то сделать с его руками и мозгом.

— Ага, спасибо... Я просто... Я не знал. После того как ты ушла, мы начали драться. Дурацкое дерьмо. Кулачные драки. Я не знаю, что было не так с ним. Или со мной. Возможно, это был я. Я думаю об этом слишком много. Была ли это действительно моя вина? Я имею в виду, он обвинял меня в том, что я позволил тебе уйти. Он сказал, что он бы этого не допустил. Так что я закрылся. Я даже не хотел смотреть на него. Я стал очень

увлечён студией. Он был главой бизнеса, а я лишь продолжал хотеть делать собственное дерьмо по-своему.

— Ты сделал студию действительно успешной.

— Я никогда не чувствовал себя так без него. Такое чувство, что я топчусь на одном месте большую часть времени. Он сказал, что студия должна оставаться пассивной. Она должна работать сама, пока мы пишем музыку, а я лишь продолжал становиться всё более и более увлеченным день ото дня. Я едва мог появляться на наших собственных репетициях, а у Гэри был ребенок, так что он съехал. Только Стрэт потерял всё. Он вернулся в Нэшвилл.

— Это была не твоя вина.

— Моя. У него было больное сердце. Врожденное что-то аортального клапана². Если бы Стрэт знал, он мог решить принимать больше героина вместо амфетаминов.

— Это должно было быть забавно?

— Ага.

— Так и было.

Я оплакивала смерть Стрэта. Он умер от весьма незначительной передозировки стимуляторов. Его сердце не выдержало. Я думала об этом слишком часто, читая очень много о сердце, которое могло остановиться от применения препаратов. Я разыскивала подробную информацию о его смерти, чтобы избежать грусти. Я убедила себя, что он был придурком, что он не имел значение, что он остался в моем отдаленном прошлом. Но это было важно. Это преследовало меня словно дымка, потому что он был моим реальным прошлым. Я так жила, это всё ушло, все те истории, которые построили меня, и всё это прошло и умерло, пока я не смотрела.

— Он беспокоился о тебе, — сказал Дрю, поглядывая на меня, прежде чем вернуть свой взгляд на автостраду. — Мы пошли, чтобы встретиться с тобой в Санта-Монике в Виноградской лозе. В том районе... — он покачал головой. — Забирались во все углы. Мы не знали, затащили ли тебя в переулок, а возможно и убили.

Я выдавила смешок, он был слишком близок к правде.

— Прости, что я исчезла.

— Ты не исчезла. Мы пошли к тебе домой...

Я села так, будто аршин проглотила: глаза широко открыты, адреналин затопил мои вены.

— Вы не сделали этого.

— Сделали. Мы заставили адвоката выяснить, где ты жила, но мы получили с десяток различного вида отговорок. Затем парень с оружием и значком открыл дверь. Он сверкнул запретительным ордером³ и угрожал нам. Мы перестали приходить.

— Они никогда не говорили мне об этом.

«Конечно, они не сказали мне. Я была потерянной и беспомощной».

— Мне жаль, — сказала я, глядя на свои открытые руки, словно я пробовала освободить прошлое. — Я больше не могу этого выносить. Я...

«Глубоко вдохни».

«Это важно».

— Мне просто нужно было начать всё сначала.

— Я был скотиной с тобой, — сказал он.

— Ты был прекрасен. Это была я. Это было выше моих сил.

— Мы выяснили, что ты не умерла, так что мы просто... ладно, мы не забыли. Я отпустил это, но я не забыл. Полагал, что дело в том, как я разговаривал с тобой в последний раз, когда тебя видел. Стрэт взбесился. Он был тем, кому ты позвонила, и он настаивал, что твой голос звучал расстроено. Я сказал ему, что Син не расстраивается. Син себе на уме. Она никогда не позволяет своим чувствам взять над ней верх. Однако он клялся и божился. Он платил детективу, чтобы наблюдать за домом до дня своей смерти.

— Через восемь месяцев после того, как я всё бросила.

— Ты не бросила всё.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю тебя. Если тебе понадобилось сбежать от нас подальше, то я пойму. Это не значит, что ты всё бросила.

Я хохотнула. Он знал меня. Да, ладно. Я всегда делала то, что говорила. Если я сказала: «встретимся в Санта-Монике в Виноградной лозе», значит, я собиралась выйти из автобуса в Санта-Монике в Виноградной лозе с моим самым маленьким чемоданом «Луи Виттон».

Дождь барабанил по окнам, окрашивая их под мрамор и придавая им непрозрачности.

Дворники ветрового стекла не справлялись с потоком. Я схватилась за край кожаного сиденья, поскольку красные огни появились перед нами слишком быстро и стали слишком большими.

Дрю свернул вправо, вылетая на обочину. Это случилось в один миг, но это был единственный способ спастись.

Из него получится хороший отец.

Я закрыла своё лицо руками. *Украдала ли я это у него?*

Взять на заметку: тема «не чувствовать кое-что» не означает, что вы не чувствуете это. Быть бесстрастной и холодной не означает, что в вас нет горшочка полного эмоций, ожидающего, чтобы вскипеть. Это означает, что температура не поднималась достаточно высоко, а горшочек просто не был настолько наполнен. Это означает, что горшочек не достиг потенциала.

Но это произойдёт.

И ваше сердце будет биться так быстро и тяжело, что вы захотите умереть. Ваши глаза омоют слёзы, а ваше горло перекроется, словно был повернут клапан. Сожаление заполнит вас на клеточном уровне, до тех пор, пока кончики ваших пальцев не начнет покалывать от ненависти к себе самому.

— Прости меня, — сказала я.

Дрю припарковал автомобиль и заглушил его.

— Ты не заказывала дождь. Просто переждем минут десять.

— НЕТ! Прости меня, за то, что я исчезла. Прости, что не рассказала, что произошло. Прости, что оставила тебя там. Я сожалею обо всём.

— Марджи? Что случилось?

Дрю приобнял меня руками, но я яростно его оттолкнула. Однажды я сказала ему, что он будет сожалеть, что просто прикоснулся ко мне.

— Я была беременна.

Я могла видеть, как округлились его синие глаза, пока он смотрел на меня с удивлением: челюсть отпала, выражая таким образом опустошение. Было ли это удивлением? Была ли я неправа, полагая, что он уже всё знал? Или это было принятие желаемого за действительное? Я проглотила комок, разжала свои зубы, изучая проливной дождь, до того тех самых пор, пока не смогла вдохнуть достаточно, чтобы говорить.

— Я собиралась встретиться со Стрэтом и сделать аборт, поскольку не хотела, чтобы ты попытался отговорить меня от этого, и я была так чертовски зла на тебя. После того, как я позвонила, я пыталась добраться до вас. Я выбралась из окна моей спальни, но мои родители поймали меня в дороге и отослали прочь.

Он покачал головой, глаза суженные, как будто я только что сбросила бомбу на его мозг, и он пытался найти смысл в оставшихся кусках.

— Дальше выхода не было, — продолжила я. — Прямо в аэропорт Лос-Анджелеса. В *банный монастырь в Ирландии. Извини. Мне так жаль. Я должна была позвонить, когда вернулась. Но я была трахнута на всю голову, и я не могла с этим справиться.

Он достал белый носовой платок из своего кармана, я выхватила его, чтобы вытереть свои глаза. Это не помогло.

— Где... ребенок? — спросил он, обозначая огромную проблему.

— Усыновлен.

— Где?

— Иисус, Индиана! Откуда, бл*дь, я должна это знать?

Он посмотрел в окно со своей стороны, вероятно, так он избегал возможности смотреть на меня.

— Мои родители прибыли в Ирландию во время моего последнего триместра, чтобы организовать усыновление, так что, скорее всего, младенец там.

Забавно, что я всё ещё думала о нём как о младенце. Он или она уже должен быть в возрасте Джонатана. Дрю оглянулся на меня, всё ещё удивленный, продолжая держать дистанцию.

— Моя мама тоже была беременна, что было просто здорово, поскольку она ненавидела меня за то, что я залетела в то же самое время. Она родила своего младенца в больнице, затем я родила своего в женском монастыре, и отец просто забрал его. Я даже не слышала его плача. Неделей позже, они забрали меня домой. У мамы была послеродовая депрессия. Отец вел себя так, как будто это целиком была увеселительная поездка, и дерьмо никогда не случалось. Ты знаешь, я признаю — это работало для меня.

Тени от дождя упали на изгиб его красивого лица, накладывая изображение морщин и возраста. Он всё ещё выглядел на двадцать, потрясенный артист на краю жизни богатства и известности. Ребенком, не имея ничего, кроме совершенных ошибок. Он видел многое. Он потерял своего лучшего друга. Столкнулся со смертью своего отца и капитуляцией родной матери. Он был сильным для своей семьи даже тогда, когда все преимущества и прелести жизни обходили его стороной. А я не дала ему шанса подумать.

Я была настолько обернута своими собственными проблемами в течение одиннадцати лет, что я даже не задумывалась о том, чего бы он захотел. Был ли он такой же частью всего этого, как и я? Разве он не имел право знать? Отстаивать то, что было его?

Ладно, так оно и было.

— Тебе никогда не приходило в голову найти меня? — спросил он. — Я тут подумал о том, что это было легко для меня. И даже когда я увидел тебя в офисе... Я всё ещё думал только о себе. Прости меня.

Я не хотела с ним разговаривать, но была ли это проблема, была ли? Я никогда не хотела найти его и поговорить с ним. Я хотела отпустить его. На переднем сиденье в его арендованной Ауди, с дождем, барабанившим по стеклам, всё изменилось. Я хотела узнать, о чём он думал. Я бы хотела вынести гром и стрелы, которые он бы швырнул в меня, если он просто скажет, что было у него на уме.

Дрю открыл свой рот, чтобы заговорить, а я, признаюсь, слегка вздрогнула.

Я хотела нравиться ему, чтобы он хотел меня, чтобы он снова любил Син и научился любить Марджи. Я должна была почувствовать себя как маленькая плаксивая сучка из-за этого, но я не чувствовала. У меня не было сил даже на то, чтобы отругать себя за желание быть кому-то нужной.

— И... — начал он, а я терзала себя, — о чём ты только думала, когда пригласила меня на семейный ужин?

Это было безумно смешно, но я не смеялась. Я не привыкла чувствовать нутром, что облажалась. Меня выбил из равновесия эмоциональный маятник. Балансируя на скользком гимнастическом бревне. Конечно, я упала, но, по крайней мере, я упала на сторону смеха. В случае если бы я снова расплакалась, мне пришлось бы выжимать его носовой платок.

— Дело во мне! — ответила я ему. — Я хотела снова провести с тобой время, и я думала только о себе. Просто ты какой-то другой. И мы можем звать тебя Дрю и никогда не обсуждать того, что случилось. Они не узнают.

— Но я знаю.

Я остановила качели на самой середине их колебания. Просто застыла.

Он не говорил о ребенке, и каких бы у него не было прав, он не сделает или не думал, что ему придется это сделать. НЕТ. На его лице не было боли или такого выражения, словно он стал жертвой. Лицо этого мужчины было перекошено от ярости.

— Не притворяйся, что это из-за меня, — сказала я.

— Почему нет?

— Просто не надо, — я практически кричала. Я звучала, как слетевшая с катушек. Пьяная *от чувств*.

— Это из-за тебя.

— Нет, это...

— Кто-нибудь постоял за тебя? Всё это время? Кто-либо...

Я больше не могла слышать ни слова. Я стала дёргать ручку двери. Она выскальзывала с глубоким треском. Я ворчала и тянула её снова, даже когда Дрю перехватил выше, блокируя дверь. Ни ливень, ни неизвестный район не смогли бы остановить меня. Я не заботилась о своих рабочих туфлях или о холодном дожде, который впитывался в мою белую блузку. Я промокла прежде, чем смогла сделать и три шага от автомобиля.

Я не рассчитывала, что он развернется прочь и бросит меня там. Я полагала, что поймаю такси или найду таксофон, пока он остается в автомобиле и следит за мной. Потому что кто вылезет наружу в этот, бл*дь, шторм? Какой нормальный человек покинет водительское сиденье, чтобы только при свете фар схватить меня за руку?

— Дай мне...

— Заткнись! — кричал он, у него уже намокли волосы на голове, ресницы слиплись от воды. Его рубашка прилипла к телу и стала достаточно прозрачна, чтобы продемонстрировать скрипичный ключ над его сердцем. — На этот раз, закрой рот и слушай. Я никогда не забывал тебя. Никогда! Ни один день не прошел в той студии без меня, думающего о тебе. О чём ты думаешь. О чём ты говоришь. Что ты чувствовала, когда я был внутри тебя.

— Замолчи! Ты забыл меня, ты должен был.

— Я не забыл.

— Я была никем, — я тыкала в него своим пальцем. — Я была краткосрочным увлечением.

Он продолжал стоять так, как будто я вообще ничего не говорила; вода стекала, повторяя овал его лица, вдоль его скул и челюсти, встречаясь на подбородке и создавая не прекращающуюся серебряную линию.

— Когда Стрэт умер, я не смог его спасти. Я хотел, чтобы ты была там. Я нуждался в тебе! Как только ты позвонила ему той ночью, я должен был найти в себе мужество, чтобы пойти прямо к тебе домой и заполучить тебя. Теперь, когда я знаю, что случилось, я понимаю, что это была самая большая ошибка в моей жизни. И я всегда буду сожалеть об этом.

— Тогда, ты — глупец.

— Да, я такой.

На темной городской улице, с освещаемыми фарами Ауди диагональными шрамами дождя, я не видела, что он двигался, но ощущала теплые капли дождя, нагретые его дыханием. Этот мужчина был слишком быстр, он поцеловал меня, прежде чем я поняла, что должно было произойти.

Его поцелуй лишил меня дыхания.

Его поцелуй развеял мою защиту в прах.

Его губы смели меня и превратили в ничто.

Он превратил мою твердость в жидкость.

Одной рукой Дрю держал мой подбородок, а другой притягивал меня ближе за заднюю часть моей шеи, и бл*дь, бл*дь, бл*дь... поскольку мои руки снова потянулись к его груди, к его плечам, его шее, к его затылку, и мои пальцы зарылись в его мокрые волосы. Я снова почувствовала его близко, так же, как это было раньше, когда я держала его сердце в своих руках, а кто-то ещё разрушил это.

— Я не откажусь от тебя снова, — сказал Дрю между поцелуями, проводя своим лицом по моей щеке подобно воде, которая стекала по нему.

— Не глупи.

— Пожалуйста. Позволь заслужить это.

Я оттолкнула его. Его правый глаз выглядел прозрачным, купаясь в свете фар и дожде.

— Ты упустил это, Индиана.

— Я верну. Медленно. Начиная с тех самых пор, как я увидел тебя сегодня утром.

Мои зубы стучали, в то время как я смотрела на него сверху вниз. Я не знала, что с ним делать. Я не знала, что чувствовать.

— Я использовала тебя, — произнесла я правду для себя также, как и для него. — Я искала плохие вещи, которые можно было сделать, и ты был там. Я использовала тебя, чтобы испортить себя.

— Я знаю, — его скрипичный ключ поднимался под влажной тканью, шрам от мечты, которая была у него однажды. След от того, что он любил и потерял.

— Я без проблем могу видеть тебя через рубашку, — сказала я. — Это неприлично.

Дрю притянул меня к себе, и мы побежали обратно в машину. Он открыл дверь для меня, и я согнулась внутри и открыла водительскую дверь. Как только она закрылась за ним, он перегнулся через сиденье и поцеловал меня снова. Я положила свою руку на его влажную грудь, а он засунул свою под мою юбку. Я позволила ему это, пересекаясь с его телом, раздвигая свои ноги для его прикосновения.

— Это не дождь, — сказал он, скользя пальцем внутри меня.

— Боже, нет, — простонала я. — Это ты.

Он покружил своими костяшками по моему клитору.

— Посмотри на меня. Открой свои глаза и посмотри на меня.

Его щетина промокла и стала темно-коричневой, и капельки воды цеплялись за его ресницы. Его волосы прилипли ко лбу.

— Ты прекрасен, — прошептала я. Когда он потёр меня ещё раз, я застонала, двигая свои бедра вперед. — Возьми меня.

Я потянулась к нему между ног и почувствовала его. Он всосал воздух сжатыми зубами.

— Мы не закончили, — он рывком расстегнул свой ремень. — Я собираюсь трахнуть тебя прямо здесь, прямо сейчас. Но это — не в последний раз. Ты слышишь меня?

— Да.

«Да я пообещаю ему собственность на береговой линии в Штате Невада, особенно, после того, как он вытащит свой член».

Я выскользнула из своих трусиков, пока он залез в бумажник за презервативом. Хороший мужчина. Нет никакой необходимости повторять одну и ту же ошибку дважды. Я закинула свою ногу на него, располагая его подо мной.

Он сжал головку члена одной рукой возле моего входа, а другой взял меня за челюсть.

— Это — не в последний раз. Скажи, что ты это понимаешь.

— Да. Я понимаю. Я клянусь.

Лгала ли я? Возможно. Но он прижался ко мне, и каждый нерв, заканчивающийся между моими ногами, завибрировал от этого.

— Скажи это.

— Это не в последний раз.

Дрю потянул меня вниз, медленно наполняя меня.

— Посмотри на меня, — прошептал он снова.

— Так хорошо тебя ощущать. Трудно держать свои глаза открытыми.

— Почувствуй это, Марджи. Чувствуй это.

Он подтолкнул меня на себя, заполняя до самого основания, каждый дюйм служил напоминанием того, что мы имели и какими мы были — переосмысление, начиная с прошлого, которое оставило нас.

Примечания:

1 — Демозапись, также демоальбом — «черновая» [фонограмма](#), предназначенная для демонстрации музыкального материала.

2 — Аортальный клапан (*лат.* *valva aortae*) — один из [клапанов сердца](#) человека, или других теплокровных животных, располагающийся на границе левого желудочка и аорты, препятствуя обратному току крови из [аорты](#) в [левый желудочек](#) в [диастолу](#).

3 — Запретительный судебный приказ (*англ.* *Restraining order*)^[1] — вид [судебного приказа](#) в [англосаксонском праве](#), в особенности — в [США](#) (в праве [Великобритании](#) он известен как *англ.* *non-molestation order* — *букв.* приказ о не досаждении^[2]), которым суд предписывает тому или иному лицу совершать определённые действия в отношении другого лица либо, напротив, воздерживаться от совершения таких действий.

Глава 25

1983 год — после Ирландии

Восемнадцать, плюс-минус. По большей части. Мне всегда многое сходило с рук, поскольку я выглядела и рассуждала, как взрослая, в большинстве случаев я ей и была. Я не терпела оскорблений и унижений, и я знала себе цену. Это был длинный путь, но я всё ещё была жадной, как ребенок. Я жаждала опыта. Чего-то нового. Живого. Освобождающего. Выматывающего. Я любила тестировать мир. Смотреть, что я могу по-новому сделать.

Я бы стала социопатом, если бы не училась переживать дерьмо, вернувшись из холодного каменного женского монастыря в старой стране. Я съела этот сраный бутерброд, которым меня накормили, выбросила кожу рок-группы и стала поступать подобно восьмилетней.

Первое время, когда моя мать передавала Джонатана в мои руки, она выглядела нервной. В течение первой недели она не хотела, чтобы я притрагивалась к нему. Все могли, но не Марджи. Возможно из-за того, что он был драгоценным, единственным мальчиком из её восьми детей, однако она притягивала его ближе к себе, как будто я смогла бы броситься на него или сделать что-то ещё. Или мое безответственное поведение передастся ему. Я не принимала это на свой счет.

Послеродовая депрессия не была должным образом диагностирована в те годы, так что с мамой обращались как с истеричкой, а я не обращалась вовсе. Я чувствовала себя так, как будто мои внутренности были вырваны и заменены опилками. Я не ела. Я не разговаривала много. Мы обе испытывали сильную боль и действовали так, как будто ничего и никогда не шло наперекосяк.

В конечном счете, я забираю Джонатана у медсестры, в то время как мама дремала. Он был всем. У него был небольшой пучок рыжих волос и кристально голубые глаза, которые в конечном итоге превратились в зеленые. Я заботилась о нем, как и обо всех своих сестрах, но что-то ещё ощущалось в Джонатане. И запах. Запах младенца не был новым, но его — был другим. Это был аромат небес и земли. Он хватал мой палец своей крошечной ручкой, и это не чувствовалось как рефлекс новорожденного. Его власть походила на просьбу. Связь.

Я собиралась сделать это своей обязанностью — быть там ради него. Стараться помогать, если не моему собственному ребенку, то брату, рожденному в тоже самое время. Я поклялась ему в этом.

Я так быстро выяснила, что моя семья была долбанутой на всю голову. Я никогда больше не разговаривала с Линн или Йони. Я не заводила друзей, но я приобрела несколько нужных знакомств.

Это даже не было трудно.

— Ты кормила кого-нибудь из нас грудью? — спросила я, в то время как мама вытаскивала бутылочку изо рта Джонатана.

Ему было три месяца, а я всё ещё приспосабливалась к моей новой жизни. Или своей старой жизни, зависит от того, как на это посмотреть. Это была жизнь нормального человека моего возраста, не жизнь кого-то ещё, кого отправили в другую страну для обучения жесткими ирландскими монахинями, чтобы она могла тайно родить ребенка, которого никогда не поддержит в своих руках.

— Боже, нет. Почему я должна была это делать? — мама вручила младенца няньке, чтобы он отрыгнул.

Ее имя было Филлис, и она протянула свои руки, но посмотрела на меня. Она и я создали схему. Мама уходила, прежде чем младенец срыгивал своё молоко, и как только она уходила, Филлис вручала его мне. Я клала его на свое плечо и гладила по спинке, прижимая свою щеку к его щеке, так что я могла вдыхать его младенческий запах. Лучший в мире.

Я знала, что я делала Джонатана заменой для младенца, которого они отдали, но я ничего не могла с этим сделать. Он пах настолько хорошо.

— Я буду защищать тебя, мой младший братик, — прошептала я, положив его небольшую ручку на свою так, как будто клялась на Библии. — Я клянусь.

Я училась и прилежно себя вела. Я была образцом хорошего и правильного поведения. Я вернула доверие своих родителей, оставаясь такой, помогая сестрам делать их домашние задания и обретая глубокий колодец забвения.

Вы можете подумать, что я была так или иначе запугана, поэтому хорошо себя вела. Что я была обижена. На то, что потеряла дикую часть себя, чтобы оправдать ожидания других. Однако это не похоже на то, что я чувствовала. Я чувствовала себя замечательно. Я помогала Кэрри и Шейле с их домашней работой, в то время как папа вел бизнес, а мама сидела в своей комнате. Я оттирала шоколад от рук Фионы, когда она нашла пекарский порошок какао в кладовке и съела целую коробку.

Я делала всё, но я кормила Джонатана. Мама настаивала на том, чтобы ей приносили Джонатана до того, как он пошёл, затем она отказалась от него так же, как и от всех остальных. Она была номинальной главой, и, странным образом, мне было хорошо от этого. Я любила её воспитание на расстоянии вытянутой руки, потому что она дала мне возможность наполнить мои дни кое-чем важным для меня.

Папа не был любящим человеком, но после того, как он отшлепал меня, когда я залетела, он больше никогда не подходил ко мне ближе, чем на половину комнаты. Даже когда я боролась на заднем сиденье лимузина по пути к моему рейсу в Ирландию, он предоставил итальянскому телохранителю заниматься рукоприкладством. Он наблюдал за всем со своего места с пиджаком на своих коленях.

— Однажды, — сказал он, в то время как Франко прижал меня, — однажды ты поймешь, что это было сделано для твоего же блага.

Я показала ему средний палец.

— Кто отец? — спросил он. — Кто это сделал с тобой?

Я вытащила свою руку из руки Франко и выставила свой другой средний палец.

— Я собираюсь это выяснить.

Всё, что ему нужно будет сделать — копать вокруг толпы группы, и он узнает, но пока он был слишком далек от этого, а я хранила это очень далеко от своей обычной жизни, так что у меня оставалась надежда, что он оставит Стрэта и Индиану в покое.

Отец сидел рядом со мной в течение всего перелета. Только он пугал меня. Он сдал меня в женский монастырь и уехал. Они посылали Сестре Морин письма и заставляли меня отвечать. Я писала хорошие вещи, но я была заперта до тех пор, пока они с мамой не показались за три месяца до рождения ребенка.

— Ты выглядишь хорошо, — сказала мама.

Она была такой же далёкой, как и я.

Я тоже чувствовала себя неуютно рядом с ней.

— Так же, как и ты. Как твоё самочувствие?

— Лучше, чем когда-либо, — она улыбнулась, и её рука осталась лежать на животе. Она любила быть беременной. Я не знала, как она чувствовала себя относительно того, чтобы потом растить детей, но она любила их вынашивать. — Мы нашли семью для твоего ребенка. Они живут здесь. Это — хороший дом.

— Спасибо.

Я не боролась с этой частью происходящего. Я не хотела так становиться матерью, но в любом случае у меня не было выбора. Я была уверена в том, что для этого они приложат все усилия мира.

— Твои друзья скучают по тебе. Они приходят узнать, как ты.

— Кто приходил?

Она перечислила несколько девочек, которых я знала по Обществу Суфражисток, и Джен из Шахматного Стратегического Клуба, затем она посмотрела на папу.

Он сидел в углу, закинув лодыжку на колено и уставившись на меня. Движение его головы было еле заметным, но он определенно ответил ей «нет» на то, что она спрашивала. Мама была львом, когда имела дело со всеми, кроме папы. Она действовала так, пока никто не приходил, продолжая улыбаться, как будто наше семейство было настолько простым, как горох и морковь.

Схватки начались на три дня раньше.

Папа был там, когда я рожала, не мама. Я не ожидала, что он будет в комнате. Я пробовала игнорировать его, и, когда боль стала действительно сильной, я смогла притвориться, что его там не было. Акушерка вручила ему младенца, все ещё в слизи и с пуповиной.

— Это мальчик или девочка? — спросила я, пробуя отдышаться.

Он не ответил. Никто не ответил. Сестра Маура только шикнула на меня, и папа унес его. К тому времени, когда отошла плацента, я поняла, что они никогда не скажут мне этого.

Я прилетела домой одна. Мои сестры приветствовали меня словно давно потерянного ребенка. Даже моя мать выглядела счастливой, когда я зашла в двери.

Папа выглядел настороженным. Он обращался со мной как с музейным экспонатом за бархатной веревкой.

Когда я поступила в Уэлсли, он поздравил меня рукопожатием и подлинной улыбкой, но он больше никогда не прикасался ко мне.

Мне приходилось проводить очень много времени с семьёй, выполняя кучу обязанностей, когда я пошла в Стэндфордскую Высшую Школу, но я всегда делала их. Я

звонила преподавателям, когда Фиона не понимала свою домашнюю работу, устроила разнос Отцу Альфонсо, когда он угрожал огнем и камнями Дейдре, а также пробовала держать Джонатана в рамках, в то время как он раз за разом доказывал, что он мог сдвинуть любую границу с дерзкой улыбкой.

Ко времени сдачи экзаменов, я чувствовала, что восьмидесятые остались позади. Мои родители делали всё от них зависящее, а впереди меня ждала хорошая жизнь. Иногда я даже чувствовала благодарность.

Глава 26

1982 год — ночь [Куаалюд](#)

Я влюбилась во вкус и ощущение его сосков. В странные рыжие волосы на его груди рядом с коричневыми. [Куаалюд](#) сделал нас озабоченными и счастливыми, и мы так много смеялись. Я снова была готова позволить ему трахнуть меня. Но, так или иначе, мне было больно, когда он прикасался ко мне. Я была воспалена. Однако внутренняя боль отступила.

Я прилегла, согнула свои колени, раскачивая ими, раскуривая сигарету. Дешевое стеганое одеяло подо мной ощущалось великолепно. Мягкое. Теплое. Сделанное для моей кожи. И он. Он был хорош. Очень хорош. Целуя меня между сиськами и самый низ моего живота. Инди собирался сделать мне ту же вещь, что девочки делали со Стрэтом. Он собирался попробовать меня. Я зажала сигарету между зубами и запустила свои пальцы в его волосы, раздвигая для него ноги.

В этот момент дверь открылась, и я повернулась, чтобы увидеть того, кто вошел. Я не подпрыгнула или прикрылась от стыда также, как и Инди.

— Чувак, — сказал Стрэт.

— Чувак, — Инди оперся на локти. — Ты избавился от Хоука?

— Да. Вечеринка окончена, — Стрэт наклонился, выдернул сигарету из моих губ и поместил ее между своими. На нем не было рубашки, и музыкальные ноты через всё его тело огибали соски, именно так, как я хотела попробовать. — Сказал, что он дал тебе синенький люд. Похоже на то.

— Ага. Синенькие.

Он выпустил дым.

Я смотрела вниз на Инди, а он посмотрел на меня с пленяющей улыбкой.

— Греховный, — промурлыкала я, читая его мысли. Я повернулась обратно к Стрэту и потянулась, растягивая своё тело, наслаждаясь своей наготой. Я знала, что это были наркотики, но мне было все равно. — Ты собираешься вернуть ее?

Он вложил сигарету обратно в мой рот, впитывая меня ниже, сквозь меня, прикидывая что-то. Я вдыхала восхитительный никотин, не касаясь сигареты. Только всасывала. Затем я выпятила свою челюсть в сторону Стрэта. Он убрал окуроч от меня и затушил его в пепельнице на полу.

— Вы оба под людом, — сказал Стрэт.

— Ага, — сказал Инди, возвращаясь обратно к моему животу.

Я поглаживала матрас, уставившись на Стрэта. Его длинные красно-медные волосы обрамляли лицо, а его челюсть была в грубой полуторадневной щетине.

— Не будь чужим, — сказала я.

Стрэт посмотрел на Инди, который пристально смотрел на него и заявил:

— Ты слышал женщину.

Стрэт колебался, переводя взгляд от меня на Инди и обратно. Я никогда не видела, чтобы он раньше колебался.

— Я знаю, что ты этого хочешь, — сказал Инди. — Одной причиной для ссор будет меньше.

В эти секунды, двое мужчин, которые выросли вместе и жертвовали друг для друга всем, вели бессловесную беседу. Это была клятва, я поняла это. Но что случится теперь?

Я ждала, и это ощущалось как часы, но вероятно длилось не дольше вздоха, я запустила одну руку в волосы Инди, пока другой притягивала Стрэта.

— Давай же. Это будет весело.

Я не думала о смене ролей многие годы, только в тот момент, когда я прочитала о его смерти в «Ролинг Стоун». Даже тогда я улыбалась. Я фактически могла это почувствовать.

— Делай, что хочешь, — сказал Инди, — но прямо сейчас я буду поглощать эту киску.

И он это сделал.

Он раскрыл мои складочки, обнажая клитор. Даже это чувствовалось хорошо, но, когда он дотронулся до него языком, моя шея выгнулась.

— О, боже!

Как будто услышав мою просьбу, Стрэт наклонился над кроватью и поцеловал меня. Не просто поцеловал. Он засунул свой язык мне в рот и заклеил меня. Инди довел меня до оргазма своим ртом, пока я кричала в рот Стрэта — переходник от мужчины к мужчине. Я лежала там задыхающаяся и желала большего.

— Да, — сказал Инди, стоя на коленях.

Стрэт был на мне, штаны сняты, член наружу. Такой, бл*дь, жесткий и прямой, я должна потрогать его.

— Ты уверена, Синни?

— Да, — я погладила его. Я не знала, что делала, но это не могло быть так плохо.

— Я хочу твою задницу. Я попробую сделать это приятным для тебя.

— Я знаю.

Инди поставил меня на колени, и я поцеловала его.

— Скажи, что ты уверена, — прошептал он. — Это перебор для твоего первого раза.

— Я хочу этого сейчас.

Стрэт стоял позади меня на коленях и гладил моё тело. Я почувствовала его эрекцию на своей пояснице.

— Что насчет тебя? А как ты? — спросила я Инди.

— Да. Но, Син. Марджи. Я от тебя без ума. И это ничего не изменит. Я хочу узнать тебя.

Я не сказала ему, что была неузнаваема, поскольку люд заставлял меня чувствовать себя окрыленной годами, открывающимися передо мной, которые собирались начаться — сейчас с этими двумя мужчинами, на этом самом матрасе.

— Ок.

Он улыбнулся, затем взял меня под мышками и швырнул на спину.

— Это будет весело.

Я засмеялась, и следующие минуты провела буквально на небесах. Двое парней покрывали меня своими ртами и руками. Стрэт засунул свои пальцы мне в рот, и я сосала их, стонала для него, пока Инди посасывал мои соски до изысканной боли.

— Мокрыми, Син. Сделай их мокрыми.

И я сделала, облизывая между его вторым и третьим пальцами.

Стрэт вытащил их.

— Хорошо. Ты готова?

— Да.

На самом деле я не знала, к чему я была готова, пока он сильно не согнул меня, вывернув мои колени; Инди пришлось оторваться от моей груди, когда мои бедра взлетели над матрасом. Я была полностью открыта, а они смотрели на меня. Они оба. Инди играл с моим клитором, а Стрэт потирал мою задницу своим влажным пальцем. Они наблюдали за моим лицом.

Палец двинулся в глубь, и моя задница поддалась. Это ощущение распространилось повсюду. Моё обнаженное тело отреагировало дрожью, сжимаясь вокруг него одновременно с набуханием моего клитора. Инди скользнул двумя пальцами в мою киску и наклонился, чтобы поцеловать меня. Я приняла поцелуй, поглотила его, стонала в его рот, даже когда Стрэт вставил в меня два пальца, хороня их внутри.

— Время для трех, — сказал Стрэт за миллион миль отсюда. — Расслабься.

Я никогда в своей жизни не была так расслаблена, однако этот третий палец ворвался с острой пульсирующей болью. Я сжалась.

Инди оторвал от меня свой рот и обратился к Стрэту.

— Смазка, придурок.

Стрэт щелкнул своей рукой по тумбочке. Той же самой, которую открывала девочка с сочными бедрами. Инди открыл ящик и нашел ту же бутылочку с детским маслом. Он передал её ему.

Стрэт щелкал, чтобы открыть бутылочку.

— Ну же, откройся.

Я сдвинула свои колени, а Инди склонился надо мной и расставил их ещё шире. Холодное масло капало на меня, распространяясь повсюду: и внутри, и снаружи. Они удостоверились, что я была скользкая и подготовленная, словно два адвоката, которые всё предусмотрели и расставили все точки над «i».

Я чувствовала себя в центре неизвестной вселенной: циркулирующая галактика удовольствия между моими ногами.

— Парни, — простонала я. — Это так приятно. Пожалуйста.

— Она готова, — сказал Стрэт своему другу детства. Он отползал назад, пока не сел напротив стены, со стоящим как флагшток членом.

Инди помог мне:

— Давай, встань передо мной на колени.

Он переставлял меня, пока Стрэт не оказался сзади и не смог положить свои руки на мою талию.

— Раздвинь их, — сказал Стрэт. — Раздвинь их, открывая для меня.

Половинки моей задницы были скользкими от масла, но я вцепилась в них и растянула, в то время как Стрэт давил на мои бедра, опуская меня ещё ниже.

— Медленно, — сказал Инди.

— Очень медленно, детка, — ответил Стрэт.

Инди опустил передо мной на колени, его глаза все ещё были с расширенными черными зрачками, он прикусывал нижнюю губу, а я опускалась всё ниже, пока не почувствовала член Стрэта напротив входа в мою задницу. Это, казалось, был последний барьер, который я ломала этой ночью, так что я толкнулась к нему ближе.

— Медленно, — потребовал Инди, когда увидел моё лицо. — У нас вся ночь впереди.

Это ощущалось по-другому.

— Расслабься, — продолжая толкаться членом в меня, Стрэт нежно потирал вокруг моего клитора.

От взаимодействия детского масла и возбуждения моего собственного тела, я была мокрая настолько, что не чувствовала ни малейшей боли, а удовольствие лишь расслабляло меня. Моя задница приоткрылась немного, а я продолжала насаживаться на него, пока головка не вошла внутрь. Я остановилась. Задыхаясь.

— Ты сможешь принять его? — спросил Инди.

— Да.

Я опустилась на корточки и приняла его окончательно. Член Стрэта входил полностью, а я продолжала толкаться всё ниже и ниже, растягиваясь, принимая каждый его дюйм внутри себя. Резкий вздох вырвался из меня, с выстрелом боли, но меня это не остановило до тех пор, пока он не был полностью погребен в моей заднице. Затем я улыбнулась, потому что была растянута и наполнена.

— Так горячо, — пробормотал Инди, поглаживая собственный член.

Я толкнулась вверх, ощущая чувственный опыт сжимающихся стенок мышц, затем опустилась снова.

— Да... так, детка, — раздался голос позади меня. — Прими его. Бери жестче.

— Инди?

Он глубоко вздохнул и наклонился вперед. Мы переместились, перегруппировались, и моя киска расположилась так, чтобы он мог взять её: одна рука на стене сзади нас, одна на моем плече — и его член во мне.

Это было то чувство, которое я никогда не забуду, и я никогда не смогу это повторить. Всё, что я могла делать — только стоять, пока они трахали меня подобно двум музыкантам с тем же ритмом. Один внутрь, другой наружу. Затем оба внутрь в одно и то же время.

Полное наполнение. Растянута до предела. Желающая. Влюбленная. Трахаемая бесконечно везде. Два в одном — и богиня, и сосуд.

— Ласкай себя, — сказал Стрэт. Ни у кого из них не было свободной руки, чтобы сделать это.

Я просунула пальцы между Инди и собой. Из меня вырвался длинный стон, я была близка, но это продолжалось дольше, чем я предполагала. Этого было чересчур много. Удовольствие не сосредотачивалось там, где мне было нужно.

Инди уткнулся в меня своим носом и кричал в мою щеку, взрываясь внутри меня.

Я не думала, что физически возможно почувствовать ещё большее удовольствие или урвать какой-нибудь другой кусок чувственного наслаждения, но я смогла, впитывая вибрацию между своими пальцами.

— Давай, детка, — прорычал Стрэт. — Я хочу почувствовать это.

Инди вытащил член и отклонился назад. Он был скользким от моих соков и всё ещё твердым.

— Я почувствовал это.

Инди наклонился вниз и щелкнул своим языком по моему клитору, затем стал жестко сосать его, пока Стрэт щипал мои соски.

Это случилось.

Пока я кричала от удовольствия, Стрэт нагибал меня ниже, пока не оказался глубоко во мне, и я кончила — моя задница пульсировала вокруг его члена.

— А-а-ах, именно так, — застонал он. — Трахай его, да-а-а.

Мой оргазм едва закончился, когда Стрэт толкнул меня вверх, а затем повалил вниз. Три, четыре, пять толчков, прежде чем он кончил в меня.

Я оказалась в руках Инди, и мы с ним свалились отдохнуть в течение пятнадцати минут, пока не отрубались в тепле соков и эйфории плоти.

Глава 27

1994 год

— Мне казалось, что ты станешь другим, — сказала я.

Дождь сверкал всплесками размером с десяти центовые монеты и мчался толстыми ручейками, подобно венам по лобовому стеклу. В машине пахло морской водой и липкой смолой.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дрю, пропуская пальцы через свои волосы, пока он вел машину. Так он избавлялся от своего фальшивого адвокатского стиля, и теперь волосы падали на его лицо как раньше.

Я хотела установить с ним доверительные отношения. Оказаться в той же зоне комфорта, как и одиннадцать лет назад.

— Стрэт был словно животное из джунглей. А ты был самодостаточным. Податливым.

— Податливым? Это звучит слегка унижительно.

— Только слегка? — *Дерьмо*. Когда это вылетело из моего рта, моё подсознание готовилось к убийству.

Дрю ухмыльнулся, опираясь локтем о дверцу, и большим пальцем руки потирал нижнюю губу. Делал ли он так раньше? В Палихуд Хаус? Я не помнила. Он казался задумчивым и, возможно, слегка расстроенным. Я пыталась оградить его, даже если я была именно тем человеком, от которого его необходимо было защитить.

— Если тебя это утешит, именно ты был тем, кто причинил мне наибольшую боль, — я расположила свою руку у него на колене. Дрю положил свою руку поверх моей и сжал пальцы. — После той ночи, когда были только мы, я действительно начала влюбляться в тебя.

— Это не утешает вообще.

— Не думай так.

Дождь прекратился, как будто Бог щелкнул выключателем. И если сейчас был бы день, то солнце осветило бы всё вокруг.

— Я не собирался обижать тебя, — сказал он. — Я отстранился, чтобы не пострадать. Я уезжал, чтобы уберечь себя от боли.

— Притормози здесь, — указала я на выезд, придерживая свою следующую мысль до момента, пока не буду уверена, что он не задрейфует по скользкой дороге. — Ты же знаешь — у тебя нет дела. С твоим виолончелистом.

— Да, я знаю.

— Поверни налево. И ты знал, что я работаю в офисе ЛА.

— Прочел в информационном бюллетене компании. Мелким шрифтом на последней странице: «Новые сотрудники».

— А Мартин Райт? Неужели он и в правду думает, что его обокрали?

— Каждую пару недель. Особенно, когда не принимает свои лекарства.

Я закрыла свои глаза и глубоко вздохнула. Если быть честной с собой, я знала это с самого начала. Случай был построен из ледяных кубиков, выстроенных на сковородке. Также у него не было необходимости приезжать в Лос-Анджелес для этого. Возможно, он мог бы справиться со всей этой историей при помощи факса. Тогда почему? Я собиралась выяснить это. Там было несколько сотен телевизионных каналов и в библиотеках теперь имелись компьютеры.

«На хер это! Дрю был чертовым адвокатом. Он в любое время мог найти меня».

— Чего ты хочешь? — спросила я.

Он глубоко вздохнул, его кадык дернулся вверх и вниз. Он снова сжал мои пальцы.

— Что-то срочное попало ко мне на стол. Я не занимаюсь международными делами, но я помогал партнеру и увидел твоё имя.

— Дом в конце улицы, с изгородью и воротами. Где ты увидел моё имя?

— Оно не было твоим. Имя твоей семьи, — Дрю повернул к воротам и остановился. Ворота были закрыты, а за окном со стороны Дрю висела влажная клавиатура, ожидающая, чтобы я ввела свой код. Он поставил машину на ручник и повернулся ко мне

лицом. — Я не думаю, что это имело какое-либо отношение к тебе. Я приехал в ЛА, чтобы узнать, думала ли ты вообще обо мне. Стрэт имел всех девочек. Я делал всё правильно, но...

— Но? Что очутилось на твоём столе?

— Ты была другой, Син. Прости. Марджи. Я никогда не прекращал думать о тебе. Затем я увидел твоё имя дважды за месяц, и я должен был что-то сделать. Я должен был переслать это по внутренней связи компании или что-то в этом роде, но я не хотел, чтобы ты беспокоилась.

— Это принесло бы гораздо больше пользы.

— Ты думала обо мне? Всё это время? О ребёнке...

— Нет.

Он выглядел пораженным. Или запутанным. Затем он слегка наклонил свою голову так, как будто он не верил мне. Пошел он на хер. Но мягко и сладко. Опять.

— С момента рождения ребёнка и до нашего столкновения в холле, я ни разу не подумала о тебе.

— Ни разу?

— Кроме того раза, когда я прочла о смерти Стрэта, конечно. Иногда "Синяя долина" звучала по радио. Но в другое время — нет. Действительно нет. Ты даже не существовал для меня.

Позади него, крошечный свет в углу клавиатуры перешел от оранжевого цвета к зеленому: включилась камера. Секундой позже раздался бесплотный «бип».

— Введи мой код или служба безопасности будет здесь.

Дрю опустил окно.

— Извини, — сказала я. — Что вот так говорю тебе об этом.

— Всё хорошо, — он высунул руку из окна. Его поза и тон были лучшим индикатором того, что он не в порядке. Совсем. — Какой код?

— Мой код. У нас у каждого свой собственный.

— Хорошо. Что это? — он посмотрел на меня с надеждой, пальцы балансировали в дюйме от клавиатуры.

Я сдерживала удушающее рыдание, которое стремительно практически снесло барьеры в моем горле.

— Пятьдесят-один-пятьдесят.

Я сжала свои губы вместе, чтобы удержать всё внутри и зажмурировала глаза, пока маленькие вспышки света не взорвались в темноте.

— Просто набери это, — сказала я, собирая слова воедино. — Просто сделай это. Я не забыла тебя. Я думала, что ты не хочешь меня, и я смирилась с этим. Я просто решала свои проблемы, но я думала о тебе каждый день. Каждый раз, когда где-нибудь начинала звучать музыка. Джинглы¹ в рекламных роликах. Фоновая музыка в лифте. Ты — был там: иногда ты дразнил меня, иногда поддерживал, но ты был там. Я не хотела, чтобы ты узнал об этом. Никогда.

Он сжал мою руку, постукивая по своему колену, и переплел наши пальцы. Я не открывала глаза, только чувствовала его рядом с собой. Услышала щелчки и звуковые сигналы кнопок. Когда я открыла глаза, лобовое стекло было чистым, но моё зрение затуманилось.

Дрю наклонился и провел своим большим пальцем под моими глазами. Я отодвинула их и вытатила его носовой платок. Он улыбнулся. Я фыркнула, вытирая своё лицо.

— Всё хорошо, — сказал он. — Это было сумасшедшее время. Мы оба были детьми. И на тебя слишком много всего свалилось. Я должен был быть там с тобой.

Ворота закрипели, открываясь. Боже, последняя вещь, которую я хотела — это иметь дело со своим семейством.

— Я не знаю, что я чувствую.

— Но что-то же ты чувствуешь, — Дрю закрыл своё окно.
— Да, — фыркнула я, пока он поворачивался вперед.
— Это всё, что я хотел услышать. Поскольку мне ненавистна мысль о трахе на переднем сиденье арендованной машины, как последнем времени, проведенном с тобой.

Дрю перевел коробку в автоматический режим и припарковал Ауди около передней двери. Камни были влажными и блестели в свете фар. Фонтан звенел, а весенние цветы склонились по направлению ветра. Автомобили выстроились в линию с каждой стороны, а штат парковщиков тусовался под карнизом.

Харви, наш дворецкий, выбежал с черным зонтиком и открыл мою дверь.

— Добрый вечер, Мисс Дразен. Я боюсь, что они начали обедать без вас.

— Благодарю. Все в порядке.

— Будьте осторожны, следите за каждым шагом.

— Дождь прекратился, — указала я на зонтик.

— Изморось.

Я выросла с этим типом внимания и находила, что лучше позволять людям выполнять свою работу наилучшим способом из тех, что они знали.

Дрю стоял рядом с багажником машины, пробуя не смотреть на дворецкого, держащего открытый зонтик с огромной каймой. Но я знала абсолютно точно: всякий раз, когда обычные люди видели дом в Малибу и его персонал, они пытались скрыть свою реакцию.

Я собиралась сообщить Харви, что фонтан звучал громче обычного, когда Дрю посмотрел вниз. Вода выливалась из багажника.

— Блин, — сказала я, стараясь особо не выражаться при Харви. — Вещи водонепроницаемы, не так ли?

Дрю не знал, насколько чувствительным был дворецкий, так что он проклинал шторм, на чём свет стоит, пока открывал багажник. Три дюйма воды покрывало дно, впитываясь в основания банковских коробок.

— Мы лучше занесем их внутрь, — сказала я, а затем повернулась к Харви. — Вы сможете найти для нас несколько сухих коробок?

— Обязательно.

Я взяла его зонтик, а он помчался внутрь.

— Ну что ж, теперь твоё дело против Мокси Зии действительно погибло, — сказала я.

— А я-то ставил свою карьеру на эту технику снятия отпечатков пальцев.

Дрю поднял коробки, поддерживая их снизу. Я протянула руки, и он передал мне одну из них.

— Давай зайдем через боковую дверь. Минуя всех. Сюда.

Дрю взял вторую коробку и захлопнул багажник.

— Я ожидал встречи с твоей семьёй.

— Нет, не ожидал. Доверься мне.

Я провела его к другой части дома, через пятиместный автомобильный гараж, который я редко видела, поскольку у нас был камердинер², чтобы перемещать автомобили вокруг дома, пока восемь из нас скрывались внутри. На настоящую кухню. Не ту, куда поставщики провизии привозили полуфабрикаты, которые любой мог бы увидеть. А кухню, используемую поваром и его штатом. Мы свернули в кладовые и освежились прогулкой по холодильным камерам. Шейла сделала себя подмастерьем и фактически училась здесь готовить.

— Марджи! — выкрикнул Орри с сильным французским акцентом; куча серого начёса подпрыгивала вверх, пока мужчина трусцой бежал ко мне. Этот начёс походил на шлагбаум стоянки — поднимающийся вверх и опускающийся вниз. Орри был нашим семейным поваром так долго, сколько я себя помнила.

Кухня изобиловала криками, огнём, нарезкой-нарезкой-нарезкой для вечернего обеда.

— Хей, — я подставила ему щёку, чтобы он мог поцеловать её. — Это Дрю... Он... — я поймала себя на том, что не хочу распространять слухи среди персонала. — Он работает со мной.

— Приятно с вами познакомиться. Ты не поставишь это на мой мясной прилавок?

— Я думала, что твоя кровать будет...

— Я посмеюсь заранее. Вы можете пойти в винный погреб. Кыш. Прежде чем Грэди забудет о степени прожарки. Грэди! — Орри оставил нас, крича своему гриль-шефу о температуре жарки морского окуня: папа был придирчив относительно степени прожарки.

— Ты управляющая ресторана? — спросил Дрю, манипулируя коробкой так, чтобы она не развалилась снизу.

— В страстную Пятницу³. День поста и страдания, сопровождаемого пожиранием рыбы. Пошли, — махнула я головой в сторону узкой полуоткрытой двери и направилась к ней. Он последовал за мной.

Свет уже горел, и это было хорошо, поскольку у меня не было свободной руки. Мы аккуратно спускались вниз по скрипучей деревянной лестнице в холодный, сухой погреб, в комнату дегустации. Там было только несколько стоек с сезонным вином, которое, как решил сомелье⁴, необходимо было сейчас, чем позже; чистые стаканы, холодильник для сыра и металлический стол с табуретами. Я поставила свою коробку на стол, и Дрю поставил свою рядом с моей.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила я.

— Вообще-то, да.

Я взяла два стакана и бутылку наугад, пока Дрю разгружал коробку, складывая вещи в одну линию. Ярлыки отвалились.

— Они уничтожены? — спросила я, вытаскивая пробку.

— Да, но никого не заботит Опус 33, — Дрю нашел файл и открыл его. На половину мокрые контракты. Растекающиеся чернила на документах. Пакет на завязке. — Они должны были собирать всё, что было забыто в студии. Я понятия не имел, что они даже убрали место. Когда-либо.

Дрю снял крышку со второй коробки. Глубоко вздохнув. Его история хранилась внутри.

— Держи, — я вручила ему вино и подняла своё для тоста. — За... Я не знаю за что.

— За Стрэтфорда Гиллиама. Он может покоиться с миром.

Мы звякнули стаканами. Я посмотрела на него через стекло, потягивая тем временем красный нектар. Это пришло мне на ум.

Стрэтфорд Гиллиам. Ты можешь упокоиться с миром.

Примечания:

1 — Джингл (англицизм от англ. *jingle*) — музыкальный или вокальный продакшн-элемент оформления радио- или телеэфира. Джингл представляет собой короткую, законченную музыкальную фразу с вокальной пропевкой.

2 — Камердинер (нем. *Kammerdiener*, букв. «комнатный слуга») — комнатный слуга при господине в богатом дворянском доме. Он носил чемоданы, приносил еду, наполнял ванну, брил хозяина, помогал в ежедневных заботах.

3 — Вели́кая пѣтница, (также Вели́кий Пятóк, Страстна́я пѣтница) — пятница Страстной недели, которая посвящена воспоминанию осуждения на смерть, крестных страданий и смерти Иисуса Христа, а также снятию с креста Его тела и погребения.

4 — Сомелье́ — работник ресторана, ответственный за приобретение, хранение вин и представление их клиенту. Сомелье составляет винную карту, занимается дегустацией вин и даёт рекомендации по выбору напитков посетителям ресторана.

Глава 28

1982 год — ночь Куаалюд

За шесть часов до того, как я выползла из-под Инди, я была не принимающей наркотики девственницей. Однако ранним утром после того самого вечера, когда Хоука вышвырнули из дома, я осуществила свою фантазию, о которой я и представить не могла, что она у меня была, с ноющей задницей и кислым послевкусием во рту. Я видела Линн, после употребления люда, но я впервые ей сочувствовала.

Палихуд Хаус был тихим и мертвым, он освещался лишь светом луны через окна. Смелая в своей эксцентричности — я потопала на кухню голой. Я не стану глотать то синее дерьмо снова. Противоречивые чувства и прогорклое послевкусие не стоило счастливого возбуждения. Я могла возбудиться сама, спасибо. А счастье — просто херня, так или иначе.

По крайней мере, это закончилось. Во мне больше не было ни одной девственной части тела. Я наполнила стакан водой и опустошила его целиком. Снова наполнила. Выпила. Снова наполнила. Выпила более медленно.

Огни бассейна, в виде совершенно плоской формы боба, притягивали. Возможно плавание взбодрит меня. Это было до того, как я добралась до экранной двери, там я увидела оранжевую точку зажжённой сигареты, делающей дугу ото рта Стрэта в сторону дивана.

— Я слышу тебя, Син.

— Как ты узнал, что это не Инди? — спросила я из-за экрана.

Он вытянул свою спину и шею, пока не смог увидеть меня.

— Он ходит как грёбанный слон, — он снова растянулся на диване. — Ты голая.

Я открыла дверь.

— Ага. Моя задница болит.

— Сильно? — он посмотрел над бассейном и затянулся сигаретой.

Я взяла его пачку со стола.

— Нет. Просто воспалена, — я села и прикурила.

— Это не произойдет снова.

— А я спрашивала твоего мнения? — со щелчком я бросила его зажигалку на стол.

— Этот парень мне как брат. Он заботится о тебе. Действительно заботится.

Полотенце было обернуто вокруг талии Стрэта, но остальная часть его тела была обнажена. Музыкальные ноты на его груди слегка колебались. Я не попробовала их. Не сделала и большей части всего, но я получила его. Я почувствовала себя обманутой.

— А что на счет тебя? — спросила я.

— У нас уговор.

— Ах так?

— Ты — его.

— Вы бросили монетку или что-то ещё? — я произнесла это, не дыша: на половину шутя, на половину находясь слишком далеко, на неправильной стороне люда, чтобы оставаться полностью в негативе. Я освободила свои легкие, позволяя натиску никотина покалывать мои пальцы.

— Сыграли несколько рук¹.

— Ты серьезно?

— У него был стрит.

Я облокотилась о диван.

— Вы могли бы спросить меня.

Он протянул свою руку к пепельнице. Мускулы придавали резкости его татуировке. Каким же великолепным он был.

— Нее, — Стрэт оторвал свою задницу с порханием оранжевых тлеющих угольков. — Мы не хотели драться.

— Тогда как ты объяснишь свой член в моей заднице?

Он пожал плечами:

— Одна ночь.

Я наклонилась к руке на спинке дивана и зажала сигарету между зубами. Пошли на хер. Я не бейсбольная карточка, которой можно торговать.

— Трахнитесь, парни.

— Мы это уже сделали, — он поднялся и навис надо мной. Полотенце упало, и его член стоял между нами прямо и жестко.

— Одна ночь, — констатировала я. — Вы обговорили время? Ты согласился заблаговременно?

— Если бы возникла ситуация, ну да. Это было частью соглашения.

— Трахни себя дважды, — мой голос источал мёд. Хотя я ещё не признавала этого, однако воспаленное ощущение в моей заднице уменьшилось, а несчастное влагище оживало.

Мы рассматривали друг друга, сверху вниз, наполовину угашенные наркотой и такие молодые, ища глупые оправдания, чтобы сделать глупые вещи.

— У тебя есть шанс. Сейчас всё ещё ночь.

— Ещё несколько часов. Затем, да-а-а, я — его.

Он прикоснулся к внутренней стороне моего колена. Никакого давления, только прикосновение.

— Раздвинь свои ноги, Син.

Я медленно развела свои колени. Стрэт забрался коленями на диван и раскинул их, наклонился вперед, чтобы поцеловать меня. Он целовался, как мужчина. Так как будто он отмечал свою территорию языком. Я обернула свои руки вокруг него.

«Только один раз», — сказала я себе. — «Только один раз, я могла бы шантажировать их тем же способом, каким они шантажировали меня».

Я позволила Стрэту взять меня. Не было никакого другого способа описать путь, посредством которого он держал меня снизу, надавливая на клитор до тех пор, пока я

практически не кончила; затем он замедлился, чтобы держать меня на краю, целуя правильно и нежно, прежде чем я кончила, а он взорвался у меня внутри.

Только тогда я была удовлетворена.

Примечание:

I — партии в покер.

Глава 29

1994 год

Вино ударило мне в голову. Казалось, будто Дрю с особым благоговением вытаскивал на свет записи «Пули и Кровь». Я достала полотенце, чтобы оно впитало воду, и Дрю спокойно поставил коробки на него.

Я оказалась перед необходимостью сообщить ему о том, что младенец, который нас разъединил, собственно, мог быть и не его. Мы были небрежны с нашими телами в то время.

Но когда я увидела, как он вытащил конверт из коробки, и осознала связь, которая всегда была между ним и его другом, то ощутила реальную необходимость рассказать ему всё, и ещё более сильную — просто похоронить всё навсегда. Зачем поднимать эту тему? С какой целью мне рисковать ранить его предательством друга? Я не глупа — думать, что значу для него больше, моё предательство такое же, как и Стрэта. Единственная вещь, которой я рисковала, рассказав ему правду — разрушить воспоминания о его лучшем друге. Я не хотела превращать эту связь в ложь.

Я была труслива. Я задолжала ему правду.

— Дрю. Инди... Я...

Голос молодого парня раздался с вершины лестницы, он кричал по-французски. Орри кричал в ответ. Дверь хлопнула. Шаги раздалились по деревянному покрытию, и мальчишка вбежал в комнату, рубашка на половину заправлена, рыжие волосы уложены на бок.

— Какого...?

— Джонатан, — сказала я, замечая, как он превратился в лёд, я была в ужасе от этой его способности.

— Марджи. Когда ты сюда приехала?

— Это — Дрю. Он работает со мной.

Они кивнули друг другу. Маленький Джон был уже мужчиной — слишком жёсткий — для его же блага.

— Что случилось? — спросила я. — Ты выглядишь так, будто только что увидел приведение.

Он сглотнул. Дети приходили в винный погреб, когда им было необходимо вырваться от всей хрени, происходившей в огромном доме. Иногда, чтобы спрятаться. Иногда из-за плохого настроения. Я знала, где пряталась Фиона в течение недели, после выдачи табеля успеваемости, а где Ленни — через каждые двадцать восемь дней, а также Кэрри — всякий раз, когда папа был дома.

— Я в порядке, — и он стал подниматься наверх.

Дрю отвлекся на конверт.

— Подожди, — сказала я Джонатану. — Попробуй это.

Я вручила ему свой бокал вина. Он учился в пятом классе, но уже получил разрешение дегустировать, и к тому же, я не была готова позволить ему уйти, пока беспокоилась из-за него. Джонатан взял бокал. Относиться к нему как к взрослому — всегда срабатывало, и он казался более спокойным, когда вернул мне его обратно.

— На вкус прекрасно, — сказал он.

— Пойдем со мной в комнату хранения на секундочку. Я хочу поговорить с тобой. Дрю, ты не возражаешь?

— Всё в порядке, — на секунду он оторвался от влажной растекающейся записи и взглянул на Джонатана. Я не обратила на это внимание. Ни на сильно напряженную челюсть Инди, ни на его неестественно расширенные глаза. Я просто затащила своего брата во внутреннее хранилище и посадила его на старинную винную бочку.

— Что случилось? — прошептала я.

— Ничего.

— Джон.

— Что?

— Давай тратить наше время эффективно. Ты собираешься мне всё рассказать. Всё равно нам надо покончить с этим делом.

Он сжал свои губы, скрестил руки, выпятил челюсть. Я облокотилась на нижнюю полку и ждала.

— Ты не сможешь рассказать об этом, — сказал он.

— Ты же знаешь, что я не стану.

— Ты должна действительно поклясться.

Иисус! Снова очутиться в начальной школе. Чтобы сделать маленькие вещи более значимыми. Чтобы думать, что вы обладаете контролем, когда на самом деле нет, а взрослая жизнь — только слой детства с манерами и привилегиями. Когда ложь походит на легкие ответы на неудобные истины.

— Хорошо, — сказала я. — Давай сделаем это. Давай дадим обет. Мы поднимем наши руки вверх и поклянемся, что всё, что мы скажем, останется тайной. Когда мы опустим наши руки, мы расторгнем обет и вернемся к обычной жизни.

Джонатан подумал об этом секунду, затем с коротким кивком сказал:

— Договорились.

— Но есть другая вещь. Мы не можем лгать. Не тогда, когда обет открыт.

— Хорошо.

Я подняла свою руку, и он зеркально вторил мне.

— Обещание открыто, — сказала я. — Что случилось?

Джонатан глубоко вздохнул и посмотрел в угол комнаты.

— Керри и я были снаружи, когда начался дождь, и мы застряли в домике с бассейном.

Керри была дочерью одного из папиных партнеров. Она была на год старше Джонатана и довольно сообразительна.

— Продолжай.

— Мы начали заниматься всякими вещами.

«Иисус Христос, используй презерватив».

«Он не готов».

Джонатан взглянул на меня, на долю секунды отрывая своё внимание от угла, затем возвращая его обратно. Я не ответила на быстрый взгляд и не сбросила на него гранату. Я более или менее догадывалась о том, что произошло. Мама и папа были не слишком откровенны с детьми относительно секса, думая о моём прошлом опыте, приведшим к раннему краху.

Джонатан выстроил следующую фразу:

— Я думаю, что она сломала его.

— Сломала кого? — я знала ответ, но мой рот открылся прежде, чем я успела подумать.

Он не сказал, но указывал обеими руками в направлении своей промежности.

«Только. Не. Смеяться. Только. Не. Заржать».

— Что заставило тебя думать, что она его сломала?

— Она прикоснулась к нему. Он стал... он стал слишком жестким — это было сверхъестественно, а затем... — Джонатан посмотрел в потолок.

Мне стоило закончить за него. Поставить его на моё место — не сработает. Он был в пятом классе, и, хотя он начал взрослеть, Джонатан всё ещё оставался ребенком.

— Он стал твёрдым, затем слишком чувствительным, после того как из него брызнула белая жидкость?

Глаза Джонатана вылезли из орбит.

— Да.

— Он не сломан.

— Откуда ты знаешь?

— Вы с друзьями не обсуждаете это между собой? Девочек? Секс?

— У меня не было с ней секса.

Я махнула рукой.

— Я знаю. Хорошо. Я только собираюсь поручиться, что он не сломан. С тобой всё в порядке. Но завтра, если ты позволишь мне взять тебя на ланч, я расскажу тебе почему. Договорились?

Он глубоко вздохнул из-за необходимости отсрочки:

— Да.

— А до тех пор, держись подальше от Керри О'Нил.

— Хорошо.

— Заправь свою рубашку.

Он сделал это, заправляя полы рубашки за свой ремень так как будто папа находился в другой комнате. Джонатан стал делать шаги в сторону дверного проёма.

— Джон. Остановись.

— Что?

Я подняла свою руку, затем опустила:

— Обещание закрыто.

— Обещание закрыто.

Мы возвратились в комнату дегустации. Дрю опирался на одну из скамеек: волосы закрывали его лицо как у рок-звёзд, рубашка, сухая как у адвоката, конверт из манильской бумаги в одной руке и белый прямоугольник в другой. Дрю взглянул на него, потом на Джонатана.

— Что? — спросила я.

Дрю только покачал головой, пока Джонатан убегал вверх по лестнице, слегка покачиваясь.

— Стрэт отправил материал в «Аудио Сити». Я не знаю почему, — Дрю опустил конверт из манильской бумаги. Старые марки. Загаженный почерк. Он вытащил содержимое. — Записка для меня и фотография, когда мы были детьми. Он был... Ему было так больно. Он не мог показать это, поскольку ты была моей. Но... — его голос дрейфовал в тишине.

— Дрю?

— Когда ты уехала, он вел себя так, как будто это ничего не значит, — Дрю подтолкнул мокрое письмо ко мне.

Я не могла разобрать многое, кроме своего имени, моего настоящего имени и фразы: *«...она была твоей, но... никогда не хотела этого... ты, как брат мне...»*

— Я знал о тебе и Стрэте. Он сказал мне из-за клятвы, — произнес Дрю.

— В Нэшвилле.
— Да, но я...
— Поэтому ты вел себя как хрен, когда вы вернулись.
— Я сожалею об этом.
— Я это заслужила.

Дрю посмотрел на фото, встряхнул его, сжал губы вместе и протянул мне фотографию, как будто это была самая тяжелая вещь, которую он делал в своей жизни. Я взяла фото, но продолжала смотреть на Дрю. Я понятия не имела, почему он выглядел таким обеспокоенным.

— Что это? — спросила я.
— Просто скажи мне, что ты видишь.
Я посмотрела на фото.

Два мальчика примерно лет двенадцати, руки на плечах, пригородный тротуар растянулся позади них. Я узнала молодого Дрю МакКаффри по начесу его волос и по форме глаз.

А другой мальчик? Я узнала и его. Я знала, кем он был. Это был Стрэтфорд Гиллиам, ребенок с ещё только несколькими годами жизни впереди, но это был не тот ребенок, которого я узнала. Стрэт выглядел как модель трехмерного ребёнка из моего дома, нанесенная на двухмерную поверхность фотографии.

Я сглотнула. Это не входило ни в какие рамки.

— Это — совпадение, — прошептала я.

«Только в том случае, если Стрэтфорд Гиллиам не трахал мою мать».

У меня в голове не укладывалось: двенадцатилетний Стрэт был клоном моего брата — Джонатана.

«НЕТ! По-другому. Джонатан выглядел точно также, как и Стрэт».

Я оторвалась от фотографии. Дрю стоял надо мной, с таким лицом, как будто он знал что-то, чего не знала я.

— Имя твоей семьи пришло из Дублинского офиса. Приемная семья твоего младенца предъявила иск твоему отцу за нарушение контракта.

— Я не понимаю.

«Правда?»

— Они никогда не использовали твоё настоящее имя. Я предполагаю, чтобы защитить тебя. Потребовалось так много времени, чтобы выяснить это.

— Там было два младенца.

— Мы проверили публичные записи. Восьмой ребенок твоей матери родился мертвым.

Я отступила назад, закрывая свой рот, чтобы не закричать. Подсчеты внезапно стали иметь смысл. Большой грёбаный смысл.

— Я не знал, что я найду здесь, — сказал Дрю. — Но я не думал, что это будет так. Я думал, что это будет проще. Только пока я не увидел...

Я больше ничего не слышала. Просто мой младший брат...

«...мой сын»

...голос в моей голове раздавался по-французски с совершенным звучанием. Пока я видела линии его тела, наложенные на Стрэта...

«...его отца»

...и лицо, которое явно было из того же генофонда.

Я просчитывала свои чувства. Слышала голос и видела лицо. Чувствовала новый младенческий запах, который казался моим собственным, и знала, просто знала, что он был моим.

— Я не могу, — мое дыхание стало прерывистым. Меня бросило в дрожь.

Дрю схватил мои запястья.

— Марджи.
— Я не смогу рассказать ему.
— Ты не можешь...
— О, боже.
— *Ш-ш-ш*. Всё будет хорошо.

Дрю попытался обнять меня, но я оттолкнула его и побежала. Я бросилась наверх по узкой лестнице в хаос, творившийся на кухне.

«Сколько людей было в танцзале? Пятьдесят? Сотня?»

— Марджи? — спросил Орри, держа часть сырой рыбы в своих толстых руках.

Каждый на кухне посмотрел на меня, сотейник застыл посередине в смятении, режущие ножи, дуршлаг, пропускающие утолщенную крахмалом воду через дырочки.

Я услышала неуклюжие слоновьи шаги Дрю, поднимающегося из погреба.

Загнанная в угол.

«Мой брат — это мой сын».

Я даже не знала от чего я бежала. Я была как паук в банке. Я не могла выбраться наружу. Не выбраться, даже на восьми ногах, и вновь продолжала скользить по стеклу обратно.

— Марджи? — позвал Дрю.

Прошла секунда, и ещё одна; каждое чувство, которое, как я предполагала, осталось в прошлых нескольких десятилетиях, было сброшено на меня. Я чувствовала, как моё ядро ломается под давлением, как внутренняя часть меня стала больше, чем моя внешняя сторона, медленно уступавшая дорогу микротрещинам. Я не могла допустить этого здесь. Не могла сломаться перед смотрящим на меня штатом кухонных работников и Дрю, поднимающимся по лестнице.

Я выбежала из кухни, следуя карте из своего детства: через утреннюю комнату, библиотеку, детскую игровую и комнату для завтрака в задней части дома. Я бросилась вниз по деревянной лестнице к берегу, где я практически развалилась на холодном песке. Я не чувствовала своих ног и продолжала бежать к стене из звука и воды. За горизонт. В темноту в предместьях огней цивилизации, где вода сглаживала землю.

Я упала на колени в воду, и пик прилива застыл в моих ушах. Я осталась в воде и плакала. Я оплакивала то, что я сделала со сладким Дрю. Все поступки, как если бы у Стрэта не было чувств. Своего сына, которого у меня никогда не было, которому я никогда не причиню боль, рассказав правду. Моих дезинформирующих родителей, которые потеряли младенца и взяли моего в свои сердца.

Гребень следующей волны достиг меня, обрызгав с головы до ног. Я не была достаточно подготовлена к этому. Никто не был. Но я не оплакивала себя. Я оплакивала всех, кому причинила боль.

Возможно, вода становилась громче, чем я думала, задувая в мои уши так много, что мои легкие чувствовали боль, а земля закружилась подо мной. Меня затягивало в космос, в когтистый влажный песок, покрывая грубой солью и пеной. Море зажалось в тиски, выбивая из меня воздух там, где Дрю взял меня на руки.

Он опустил меня на песок, и его голос стал смыслом посреди хаоса океана.

— Марджи?

Он казался серым размытым пятном.

Мои глаза не могли сфокусироваться.

Моя грудь не могла удержать легкие, и я закашлялась.

Втянула воздух.

«Я тонула или кричала так сильно, что не могла дышать?»

Его руки на моих щеках.

— Поговори со мной, — попросил он.

— Мне хочется вырвать своё сердце из груди.

Я осознала, что схватила перед своей блузки, как будто я на самом деле хотела вогнать когти в собственную плоть.

Дрю взял меня за руки, наклоняясь.

— Всё хорошо. Марджи. Ты слышишь меня?

— Да. Прости. Я была так юна. Я поставила тебя в ужасное положение.

— НЕТ. Не смей! Никогда не обвиняй себя. Никогда. Я был тем, кого надо было обвинить. Я должен был сразу догадаться.

— Я никогда не признавалась, что люблю тебя.

— Как и я.

— Я была напугана.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. Никогда больше.

Я потянулась к нему, и он сжал меня в объятьях на берегу. Я была холодной, но такой не являлась. Мне было больно, но я исцелилась. Я думала, что осталась одна, но нет, не осталась. Больше нет. Я уткнулась лицом ему в шею и позволила Дрю обнять меня так сильно, что подумала, что он может раздавить меня.

— Мне так жаль, — сказал он.

В объятьях, я не могла видеть его лицо, но Дрю был так же подавлен, как и я.

— Я не скажу тебе, что знал в ту минуту, когда приеду в ЛА. Я не знал, зачем я приехал. Я боялся, что ты закроешься. Я боялся, что у меня всё ещё есть чувства к тебе. А они есть, Марджи. Есть.

Я кивнула.

— Я знаю, что тебя огорошили сегодня вечером.

Я задохнулась от смеха. Мы ослабили наше объятие, чтобы находиться лицом к лицу. Я стала стряхивать песок с его щёк.

— Огорошена, — сказала я. — Хорошее слово.

— Я понятия не имел. Я хочу, чтобы ты знала. У меня были кусочки, но я не знал всей загадки.

Я кивнула:

— Никто не поверит правде.

— Что мы должны сделать?

Я знала, что он задавал общий вопрос. Он говорил о нас, о мире, о фирме, о моей семье, о нашем прошлом, о нашем будущем. Но я не могла думать сквозь поток чувств. Они, возможно, ушли в море на мгновение, но они вернуться. Если бы я что-то знала об эмоциях (а я не знала ни одной треклятой вещи, кроме того, что они обязательно вернуться).

— Давай ускользнем отсюда и поедem ко мне, — предложила я.

— У тебя есть дурная привычка ускользать отсюда.

— Но в этот раз, у меня есть ты.

Дрю улыбнулся и отбросил волосы с моего лица.

— Да. У тебя есть я.

Он поцеловал меня со страстным обещанием. Мы встали и пошли от берега вместе.

Глава 30

1994 год — Кентукки. Более чем на полпути к Нью-Йорку

Я не закатывала сцен, когда копали могилы, и не уточняла у парней подробностей, которые действительно имели место быть. Я не понимала подношение цветов мертвому

парню, который не казался таким же, каким он был при жизни. Молодая группа ненавидела подобное дерьмо и утомленный юридический клерк тоже, а у адвоката не было на это времени.

Кроме того, по-прежнему оставался нерешенным вопрос с чувствами.

Я сказала Дрю, когда он открыл для меня автомобильную дверь:

— Сделай что-нибудь для того, чтобы я могла почувствовать, что грусть — это фальшивка. Фишка в том, что грусть — подделка, а само чувство — нереально.

— Адвокат в тебе сопротивляется слишком рьяно.

Дрю протянул мне свою руку, и я взяла её, позволяя ему вытащить меня из автомобиля. Я не нуждалась в помощи, но он любил помогать. Не потребовалось слишком много времени, чтобы выяснить это, и кем бы я была, лишая его этого удовольствия?

Дрю дал мне очень многое за последние шесть месяцев. Он поддерживает мое решение в том, чтобы позволить Джонатану оставаться моим братом, а моим родителям думать, что я ничего не знаю об их потере. Хотя мой отец санкционировал всю эту сказочку — свою схему, чтобы оставить своего внука в семье, как предполагалось, для защиты моей матери.

Я не могла отказаться от своего отца из-за этого, но главным образом, я молчала, чтобы защитить моего сына, Джонатана. Я умру с этой тайной. Я самостоятельно зашью свой рот, прежде чем позволю правде покинуть мои губы.

Единственный другой человек, который всё знал, был мужчиной с цветами на автомобильной парковке кладбища в Кентукки.

Небольшая заметка обо всём, после моего ухода той ночью из дома.

— Я обещаю прикончить тебя, — прошептала я Дрю как-то ночью, запутавшись в простынях и темноте, мой голос сел от того, сколько раз я выкрикивала его имя. Он поцеловал меня. Я могла попробовать свою киску на вкус у него на лице.

— Ты всегда угрожаешь мне, прежде чем уснуть.

Это происходило в тот момент, когда я беспокоилась, что воспользовалась им. Беспокоилась, что моя семья будет перевернута вверх тормашками. Что мой брат сойдет сума. Что моя мать уйдет глубоко в себя. А мой отец, всегда непредсказуемый, уничтожит гонца, а этим гонцом являлась я.

— Ты единственный, кто знает, — я коснулась лица Дрю в темноте. — Я доверяю тебе. Но я прикончу тебя.

Он скрепил мои руки над головой:

— А я прикончу тебя.

Мы обсуждали это сотню раз. В кровати, на обеде, серьезно и в шутку. «Я прикончу тебя» — не было угрозой. В действительности нет. Это был мой способ сказать, как глубоко я доверяла ему.

— Только если я первой не прикончу тебя, — сказала я, подталкивая свои бедра к нему.

— Как ты собираешься это сделать, Синни-Син-Син?

— Испытай меня.

Дрю позволил моим рукам двигаться и обнял меня:

— Никогда.

— Смышленный парень.

Он не двигался и едва сделал паузу.

— Поехали в Нью-Йорк со мной. Я не могу жить без тебя. Город походит на могилу.

Я вздохнула. Между нами было очень большое расстояние в течение слишком долгих месяцев.

— Говоря об испытании... я жду экзаменов в феврале.

Дрю приподнялся на локтях, глаза расширены: голубые, потрясенные и восхищенные. Я ждала, чтобы рассказать ему эту новость, так что теперь я могла насладиться его реакцией.

— Адвокатура в штате Нью-Йорк, в США? — спросил он.

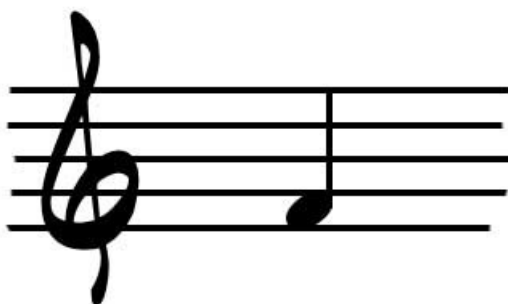
— Нет, задница, адвокатура старика на Седьмой и Би. Конечно адвокатура в штате Нью-Йорк.

Он быстро отскочил от меня, сел прямо, внезапно проснувшись.

— Ты должна заниматься. Ты занималась? Мы должны пройти через это.

— Расслабься. Это легко.

Он запрыгнул сверху на моё тело и полностью покрыл его счастливыми поцелуями. Я не забыла, что свело нас вместе, но это ушло на дно благодаря чувству безопасности и радости. Я должна была согласиться: как только вернулись чувства, они ощущались довольно-таки хорошо.

Парковка автомобилей кладбища Кентукки была пустынной — стояло только несколько грузовиков. Наш сверкающий черный Ауди был самым ярким объектом на несколько миль. Дрю припарковал его посередине парковки, подальше от деревянных столбов, выпирающих под странными углами из земли. Заржавевшие цепи между ними принимали форму завернутых в улыбку кудзу¹, один за другим по краям прямоугольника — улыбка, улыбка, улыбка. Небо было цвета асфальта, и товарняк медленно пытел, громяхая по краю реки, как будто выпендривался вечной длиной, подобно павлину, демонстрирующему свой хвост.

Я сдала свой экзамен в адвокатуру штата Нью-Йорк через шесть месяцев после сдачи в Калифорнийскую. Я угрожала сдать экзамен ещё в сорока восьми штатах, ради забавы, а Дрю угрожал привязать меня к кровати за это.

И это отлично работало.

Всё отлично работало. Я уезжала. Возможно на несколько лет, возможно ради хорошего, но я уезжала. Я никогда не представляла, что оставлю Лос-Анджелес, но осознание предстоящей свободы заставило меня почувствовать себя легкомысленной и беззаботной.

Меня. Маргарет Дразен.

Я стала чокнутой за недели, прежде чем мы наконец-то уехали. Папа не был счастлив, когда мы сказали ему об этом, и он зыркнул на Дрю так, как если бы он

запомнил его двенадцать лет назад, когда молодой человек обивал пороги дома, спрашивая о старшей дочери. Ну, вы знаете, а мне пофигу.

Дрю настоял, что мы поедем по 70-му шоссе, я же вообще не думала об этом. Но он замахнулся за пределы штата и поехал на юг, в Кентукки.

— ШЕСТЬ-НОЛЬ-ШЕСТЬ-Б-Р-О-В-Ь, — сказала я с пассажирского сиденья.

Он скользнул взглядом:

— Я тоже в этом нуждаюсь.

— Я знаю.

Мы остановились на светофоре, и Дрю положил свою руку на мою.

— Я пошел на похороны, но я не посещал его... ты знаешь. Такая тема, — он посмотрел вдаль.

— Впереди есть флорист. Ты не захочешь появиться с пустыми руками.

Он купил букет желтых цветов, поскольку они выглядели более свежими, чем другие. Тишиной была окутана наша дорога на кладбище. Я сжала его руку, потирая грубую кожу на кончике пальца, где гитарные струны оставили мозоли.

На парковке автомобилей я снова взяла его за руку, и мы пошли по дорожке из гравия, считая переулки и проулки по своей напечатанной карте.

Мы нашли могилу точно там, где ей и предполагалось быть. Просто ещё один стежок, в разновидностях образцов серых камней на травянистом холме. Всё говорило само за себя. Его имя. Соответствующие даты. Там, где другие имели свои определенные роли — Отец, Жена, Мать, Сын, Младенец — у Стрэтфорда Гиллиама был ключ, такой же, как и на его шее: короткая нотная партитура из пяти линий и четверти нот, разбросанных между самыми нижними линиями.

— Я чувствую себя глупо, — сказал Дрю. — Это только надгробье и грязь.

— Ага. Глупо.

Поэтому мы были здесь вместе. Мы разделили холод, подключая цинизм. Мы обладали иммунитетом к чувствам.

— Мне нравятся музыкальные ноты, — заметила я. — Это мило.

— Я выбрал их. Я нарисовал их для его отца и отправил факсом.

— Правда?

— Да. Это... — Дрю тяжело сглотнул. — Это — Фа, — он заморгал. Улыбнувшись губами, напряженными в тонкой линии. — Это так тупо, — его голос сломался.

— Держу пари.

Дрю посмотрел в сторону от могилы и закрыл глаза.

— Я выбрал Фа для... — он покачал головой, слегка хохотнул смешком, наполненным липкой печалью. — Друга. Мне нужно было Фа для друга. Как в детском саду.

Я дотронулась до его щеки, большой палец находился под его глазом, готовый поймать слезы, которые, я знала, были на подходе.

— Я стесняюсь тебя.

Дрю открыл глаза. Такие голубые. Еще более голубые, чем замаскированное облаками небо в этот день. Он не был мужчиной, которого я встретила так давно. Музыкант на пороге славы. Так близко к мечте. Так близко, что он мог бы спасти этим мир.

Но он был. Тот мужчина всё ещё был в нём. Иногда я забывала об этом двадцатилетнем парне с безграничным потенциалом.

Дрю возложил цветы. Я тёрла его гитарные мозоли, пока мы возвращались к машине.

— Ты должен начать играть музыку снова, — сказала я.

— Нет.

— Этим ты не делаешь ему одолжение.

— Это не для Стрэта.

Это была ложь, но я не могла это доказать.

— Ты прав. Мир стал гораздо лучше без твоей музыки.

Дрю слегка засмеялся и обернул свою руку вокруг моей шеи, притягивая меня ближе и целуя в макушку.

— Я действительно имею это в виду, — сказала я. — Ты такой сексуальный с гитарой. Цыпочки любили это.

— Ты уверена, что выдержишь конкуренцию?

— Ты встретил меня. Я не соревнуюсь, — я шла перед ним, спиной вперед, держа его за руки. — Тебе не нужно становиться рок-звездой. Просто пиши песни. Смотри, как это звучит. Тебе понравится, — я прикусила нижнюю губу. — Мне понравится. Я бы могла быть твоей группой снова и снова. Я позволю тебе трахать меня, если ты будешь играть.

Он притянул меня к себе.

— Ты позволишь мне трахать себя, не важно: играю я или нет.

— Я слышала, что в Южной Дакоте самый легкий экзамен в адвокатуру в стране.

— Я не перееду в Южную Дакоту.

— Поэтому тебе лучше расчехлить свою гитару, Индиана МакКаффри.

— Ты угрожаешь мне, — прорычал он с улыбкой. — Ты же знаешь, что это делает со мной.

— Что? — я потерлась между его ног, и мы засмеялись.

Я побежала в машину, а он, преследуя, прижал меня к водительской двери своим поцелуем. Я запустила пальцы ему в волосы, притягивая его ближе. Мне хотелось заползти внутрь него и остаться там навсегда.

Дрю оторвал свое лицо от моего достаточно, чтобы сказать:

— Я люблю тебя, Синнамон. Ты развита не по годам. И слишком умна. А ещё огромная заноза в моей заднице, и я люблю тебя.

— Даже в Южной Дакоте?

— Я буду играть снова! — засмеялся он. — Я буду играть, если ты будешь любить меня.

— Ты можешь поставить свою задницу — я люблю тебя.

— Дело закрыто, — Дрю поцеловал меня снова, жестко придавливая к автомобилю и с силой прижимаясь ко мне своей эрекцией.

Я застонала в его рот.

— Там был отель за флористом, — проговорил он, задыхаясь. — Хочешь пойти туда и заставить кровать скрипеть?

— Да...

Мы снова поцеловались с настойчивой необходимостью, которая бросала вызов логике, как и должно было быть.

Товарняк наконец-то прогремел прочь, сигнал последнего автомобиля прозвучал в честь победы. С другой стороны, грузовики и холмистая местность растворялись в бесконечности, и мы направлялись прямо к ней...

Примечание:

1 — Кудзу (пуэрария лопастная) была завезена в США из Японии в 1876 году в качестве кормовых культур и растений декоративных плана.

Конец

